ЦИФРОВОЙ КАПИТАЛИЗМ И УТОПИИ ИНТЕРНЕТА

ЦИФРОВОЙ КАПИТАЛИЗМ
И
УТОПИИ ИНТЕРНЕТА

Цифровий капіталізм і утопії Інтернету / Віталій Атанасов (ред.) – Київ: ЦСТД; Видавництво ТОВ «Видавничий Будинок “АВАНПОСТ-ПРИМ”», 2020. – 160 с.

За підтримки Rosa Luxemburg Stiftung з коштів Міністерства закордонних справ ФРН. Ця публікація та її частини надаються до безкоштовного використання іншим користувачам за умови, що вони забезпечують належне посилання на оригінальну публікацію. Зміст публікації перебуває у виключній відповідальності ГО «ЦСТД» і може не відображати позиції Rosa Luxemburg Stiftung.

СОДЕРЖАНИЕ

Цифровой капитализм и утопии Интернета 5
Виталий Атанасов

Карл Маркс в эпоху капитализма больших данных 34
Кристиан Фукс

Цифровой социализм? Дискуссия об экономическом расчете в эпоху больших данных 66
Евгений Морозов

Левый популизм и капитализм платформ 124
Ник Дайер-Уитфорд

Цифровой капитализм и утопии Интернета

Виталий Атанасов

В 2015 году глава компании Google Эрик Шмидт, выступая на Всемирном экономическом форуме в Давосе, заявил, что в недалеком будущем «Интернет исчезнет». Почему глава могущественной технологической корпорации, название которой превратилось в почти синоним Интернета, заявляет о его скором исчезновении? На самом деле, Шмидт имел в виду нечто противоположное исчезновению: «Будет так много IP-адресов, так много устройств, датчиков, штуковин, которые вы носите, штуковин, с которыми вы взаимодействуете, что вы этого даже не почувствуете. Это всегда будет частью вашего присутствия»[1]. Интернет должен стать незаметным, но при этом вездесущим и всеобъемлющим – что может лучше соответствовать планам компании, видящей свою миссию в «систематизации мировой информации»[2]?

1. Google Chairman Eric Schmidt: 'The Internet Will Disappear.' Georg Szalai. 22 января 2015 года. Доступ 20.10.2020 https://www.hollywoodreporter.com/news/google-chairman-eric-schmidt-internet-765989
2. 'Our mission is to organize the world's information and make it universally accessible and useful.' Доступ 20.10.2020 https://about.google/

Образ «изчезающего» Интернета продолжает метафору «облачных вычислений», которая, обозначая удаленное управление и обработку данных, «находится в полном противоречии с поддерживающими ее существование реалиями физического извлечения полезных ископаемых из земной коры и переселения народов» (Йолер и Кроуфорд 2020). Метафору «облака» в широкий обиход ввел все тот же Шмидт в 2006 году, после чего этот термин стал очень популярным. Винсент Моско пишет, что появление новых технологий часто сопровождает «патетическая риторика, внушающая трепет перед их огромными возможностями». Такая риторика нередко «размывает наше понимание более обоснованных и долгосрочных последствий внедрения таких систем» (Mosco 2014).

Комментируя взлет цифровой экономики данных, Ник Срничек пишет: «Броская новизна ситуации мешает разглядеть скрывающуюся за ней живучесть более давних тенденций, а также то, что сегодня мы наблюдаем важные перемены, которые необходимо уловить «левым» XXI века. Понимание нашей позиции в более широком контексте – это первый шаг к тому, чтобы выработать стратегии ее трансформции» (Срничек 2019, 12).

Владан Йолер и Кейт Кроуфорд описывают политэкономическую изнанку Интернета как «обширную матрицу мощностей: цепочек добычи ресурсов, человеческого труда и алгоритмической обработки, переплетающихся сквозь сети добычи полезных ископаемых, логистики, распределения, обработки, прогнозирования и оптимизации». Они отмечают, что «масштаб этой системы почти за пределами человеческого воображения», но именно поэтому нам нужно «начать ее видеть, понять ее безграничность и сложность как связанной формы» (Йолер и Кроуфорд 2020).

По определению Срничека, цифровая экономика «включает компании, которые в своих бизнес-моделях все в большей степени опираются на информационные технологии, работу с данными и Интернет». Хотя технологический сектор все еще составляет небольшую часть экономики, эта область «вплетается в традиционные сектора – в том числе промышленное производство, сферу услуг, транспорт, добывающие отрасли, телекоммуникации – и становится важнейшим элементом современной экономики».

> На фоне длительного снижения уровня прибыльности в промышленности капитализм развернулся к данным, ища теперь в них источник экономического роста и жизнестойкости. В XXI веке, на основе изменений в цифровых технологиях, данные стали играть ключевую роль в компаниях и их отношениях с работниками, клиентами и другими капиталистами. Появилась новая бизнес-модель – платформа, способная извлекать и контролировать огромное количество данных; и на этой волне мы наблюдаем подъем крупных монополистов. Сегодняшний капитализм в странах с высокими и средними доходами все более им подчинен, и вся описываемая ниже динамика заставляет предположить, что тренд будет лишь усиливаться (Срничек 2019, 12).

Расширение цифровой экономики обеспечивают различные виды «цифрового труда» – Кристиан Фукс в книге «Цифровой труд и Карл Маркс» (Fuchs 2014) приводит примеры такой работы:

Шахтер в Северном Киву (Демократическая Республика Конго) добывает минерал касситерит, необходимый для производства ноутбуков и мобильных телефонов. Находясь фактически в рабстве, он вынужден ползать по узким проходам шах-

ты, постоянно получая травмы из-за недостатка свободного места. Когда шахтер возвращается с добытым касситеритом, вооруженные солдаты отбирают его, оставляя его семью голодной.

Китайские инженеры на заводе Foxconn в Шэньчжэне, где собираются компьютеры и мобильные телефоны для западных компаний, в период производства первого поколения iPad на протяжении полугода вынуждены были работать по 12 часов в день практически без выходных. Они получали выходной раз в две недели.

Камбоджийский монтажник, занятый в сфере информационных и коммуникационных технологий в Кремниевой долине, подвергся воздействию токсических веществ, но, как и его коллеги, опасался заявить об этом работодателю из-за страха потерять работу.

Проектный менеджер в индийской IT-компании работает с 8 утра до 10-11 вечера пять дней в неделю. В любое время суток ему может позвонить вышестоящий менеджер. В этих условиях почти не остается времени на семью или увлечения.

Программист из Google вынужден подчиняться негласному правилу, согласно которому из-за большого количества преференций, например бесплатной еды в офисе, работники должны оставаться на работе дольше. Многие его коллеги работают больше 8 часов в день и остаются на связи или работают несколько дополнительных часов дома, ночью или на выходных.

Платформа Amazon Mechanical Turk – виртуальный рынок труда, созданный компанией Amazon в 2005 году. Используя подобные интернет-платформы, работодатели платят большому числу пользователей за выполнение разнообразных заданий. Как правило, каждое требует нескольких минут для

выполнения, а плата сильно занижена. Гиг-работники расставляют теги в музыкальных плейлистах, видео и изображениях, пишут, переводят или транскрибируют короткие тексты, выполняют другие информационные задачи (Hall 2017).

В документальном фильме «Доставлено! Временные работницы Amazon» (Ausgeliefert! Leiharbeiter bei Amazon) немецкой общественной телекомпании ARD показаны условия, в которых живут и работают сотрудницы и сотрудники складов Amazon в Германии. Часто это мигрантки из Польши, Румынии, Испании, Венгрии и других стран, которым платят очень мало. Компания нанимает их через аутсорсинговые агентства и может уволить в любой момент. Их селят в дома по 6-7 человек, по два человека в комнату. За рабочий день работница проходит до 17 километров, что может негативно отразиться на состоянии ее ног и кожи. Работниц контролируют даже за пределами их рабочего места: частная охрана патрулирует районы, в которых они живут, их столовые и заводские помещения. Охранники могут заходить и проверять их жилье, пока рабочие заняты на работе.

Facebook и Google предлагали своим пользователям бесплатно перевести элементы своего сайта или «улучшить перевод» фрагментов текста. Эти многомиллиардные корпорации не видели ничего зазорного в том, чтобы использовать неоплачиваемый труд пользователей. Можно было бы провести параллели с Википедией, где тысячи авторов и редакторов работают над статьями без оплаты, но, в отличие от Facebook и Google, интернет-энциклопедия не была создана для извлечения прибыли.

Многим сотрудникам колл-центров, в которые мы звоним, – когда хотим уладить дело с нашим банковским счетом, или получить техническую консультацию, если устройство,

которым мы владеем, перестало работать, или сбросить пароль, который мы забыли, – приходится прилагать значительные аффективные трудовые усилия, чтобы сглаживать разрывы в сложном взаимодействии между локальной работой и глобальным характером капитала, а также трудовой и семейной жизнью. Их разговоры с клиентами, как правило, записываются, а «эффективность» оценивается с помощью специализированного программного обеспечения (Fuchs 2014, 239).

Все эти примеры описывают, но далеко не исчерпывают различные формы труда, связанные с цифровой экономикой. Они «различаются по уровню оплаты труда, риску для здоровья, уровню физического, идеологического и социального насилия и стресса, количеству свободного времени, формам принуждения и контроля».

Что между ними общего? Тот факт, что «рабочая сила человека эксплуатируется и приносит материальную выгоду цифровой экономике и технологическим корпорациям, оказывая негативное влияние на жизнь, тело или сознание работников»; кроме того, все эти формы труда «являются частью коллективной рабочей силы, необходимой для существования, использования и применения цифровых медиа. Несмотря на их различия, их объединяет отрасль, в которую они вносят свой вклад и в которой их эксплуатирует капитал». Такое широкое понимание цифрового труда продиктовано не только теоретической рамкой – это еще и политический выбор (Fuchs 2014, 19-21).

Работа и труд, время и стоимость

Проникновение цифровых технологий в традиционные сектора экономики стирает границы между свободным временем и трудом. Николай Афанасов пишет, что общества раннего капитализма регламентировали свободное время, наполняя его досуговыми практиками, предоставляемыми «индустриями досуга». Свободное время современного человека тоже не «свободно», поскольку «культурная логика современного капитализма предполагает незаметное для самого человека участие в производстве».

> Досуг и труд проникают друг в друга, образуя «пористые» структуры трудовой деятельности, не оставляющие места свободному времени. Общее количество времени, затрачиваемое человеком на производство, сокращается, но время, проведенное на работе, остается либо тем же, либо даже увеличивается. [...] Интересно не столько то, что люди остаются в офисе сверх положенного времени, а то, что они могут продолжать и продолжают работу вне офиса, по пути на службу, в любое время дня и ночи, при любых обстоятельствах. Пористость характеризует не только 40-часовую рабочую неделю, но и остающиеся 128 часов свободного времени (Афанасов 2019, 49, 50).

Дело не только в том, что работница/работник может находится в постоянном доступе для работодателя, но и в том, что само взаимодействие с цифровыми платформами превращается в форму отчужденного труда. Ссылаясь на идеи Реймонда Уильямса, который рассматривал язык и коммуникацию в качестве форм общественного производства, Кристиан Фукс и Себастиан Севиньяни предполагают, что «мышление, коммуникация и сотрудничество, производят прибавочную стои-

мость и могут подвергаться эксплуатации, как и традиционная работа». Если «работа в сельском хозяйстве и индустрии по добыче полезных ископаемых рассматривает в качестве своего объекта природу, индустриальная работа своим объектом видит переработанную природу, то информационная работа в качестве своего объекта использует идеи и человеческую субъективность» (Fuchs and Sevignani 2013, 251-252).

Фукс и Севиньяни пишут об «информационной работе», возможность которой, по их мнению, Маркс предполагал в черновом наброске «Критики политической экономиии» – в так называемом «Фрагменте о машинах»:

> Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось *в непосредственную производительную силу*, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса (Маркс и Энгельс 1857/1859/1969).

Технический прогресс в рамках капитализма приводит к тому, что основной постоянный капитал в форме машин исторически становится все более важным в производстве (и для повышения уровня производительности), и этот процесс сопровождается ростом актуальности информационной работы. Таким образом, если такие виды деятельности, как мышление, коммуникация и сотрудничество, являются формами работы, то, взятые вместе, они формируют информационную работу. «Познавательная работа создает идеи, коммуникативная ра-

бота создает значения, а совместная работа создает информационные продукты, обладающие общими и совместно созданными значениями» (Fuchs and Sevignani 2013, 252-253).

Фукс и Севиньяни различают понятия работы (work) и труда (labour). Перефразируя слова Маркса и Энгельса из «Немецкой идеологии», работа – это сознательная деятельность, которая «трансформирует и организует природу» таким образом, что в результате люди «производят средства к жизни», или «свою материальную жизнь» как таковую. Работа имеет одновременно как «антропологическое, так и историческое измерение: ни одно общество не может обойтись без деятельности по производству продуктов, удовлетворяющих человеческие потребности; но в конкретных обществах работа приобретает свою историческую специфику, такую как рабский труд, домашний труд, наемный труд и т.д.» (Fuchs and Sevignani 2013, 240).

В комментарии к английскому переводу первого тома «Капитала» Энгельс пишет, что в английском языке существуют два различных слова для обозначения двух различных сторон труда: «труд, качественно определенный, создающий потребительные стоимости, называется work в противоположность labour; труд, создающий стоимость и измеряемый лишь количественно, называется labour в противоположность work» (Маркс и Энгельс 1867/1960, 56). Фукс и Севиньяни следуют этому различению:

> Труд – это неизбежно отчужденная форма работы, в которой люди не контролируют средства и результаты производства и не владеют ими. Это историческая форма организации работы в классовых обществах. Работа по контрасту – это гораздо более общее понятие, общее для всех обществ. Это процесс, в котором люди, находясь в со-

> циальных отношениях, используют технологии для преобразования природы, культуры и общества таким образом, чтобы создавать продукты и услуги, удовлетворяющие человеческие потребности (Fuchs and Sevignani 2013, 240).

Посткапиталистическое общество, преодолевшее дефицит, преобразует и заменит работу, организованную как отчужденный труд, работой как творческим самовыражением (self-activity), считают Фукс и Севиньяни. В этом контексте они предлагают уточнить перевод знаменитого фрагмента из третьего тома «Капитала», приводя его в следующем виде: «Царство свободы начинается в действительности только там, где заканчивается труд, который является формой работы, диктуемой нуждой и внешней целесообразностью» (Fuchs and Sevignani 2013, 240).

Маркс считал, что капитал имеет тенденцию одновременно создавать свободное время и превращать его в прибавочный труд. Другими словами, если благодаря техническому прогрессу свободного времени становится больше, капитал стремится превратить его в товар. Так Фукс объясняет появление игрового труда (play labour), цифрового труда и производства-потребления (prosumption).

С этой точки зрения, «корпоративные социальные сети – это пространство для эксплуатации новых форм прибавочного труда в капиталистических условиях». Но также «они являются зародышами общества, в котором необходимое рабочее время сведено к минимуму, прибавочное рабочее время упразднено, а творческая деятельность формирует человеческую жизнь» (Fuchs 2015, 26-27).

В информационном обществе цифровые медиа для многих людей стали важным средством социальных коммуника-

ций. В этих обстоятельствах Facebook и другие коммерческие платформы с их фактически монопольным положением становятся наиболее вероятным выбором для пользователей.

Возникновение социальных сетей не противоречит марксистским концепциям рабочего времени и закона стоимости. Основная стратегия накопления капитала для корпоративных социальных сетей состоит в использовании таргетированной рекламы:

> Чем больше времени пользователь проводит в Facebook, тем больше данных о профиле, просмотрах, общении, поведении, контенте она/он генерирует. [...] Именно эти данные предлагаются в качестве товара рекламным клиентам соцсетей. Чем больше времени пользователь проводит в сети, тем более точным будет таргетинг рекламы, которая ему демонстрируется (Fuchs 2015, 27).

Главными средствами труда на Facebook являются сама платформа и мозги пользователей, тогда как объектом труда становится человеческий опыт. Опыт людей, которым они публично делятся на платформе, «можно рассматривать в качестве основного ресурса и строительных блоков труда, выполняемого пользователями». Подписывая пользовательское соглашение, мы «разрешаем Facebook использовать репрезентации нашего опыта, хранящиеся на платформе, для аккумуляции капитала». Это значит, что пользователи теряют контроль над тем, как используется их активность в социальных сетях. Утрата этого контроля также означает, что «Facebook получает право отслеживать все действия пользователей и использовать полученные данные в экономических целях» (Fuchs and Sevignani 2013, 257).

> *Продукт труда* на Facebook является результатом процесса, в котором платформа и человеческий мозг в каче-

> стве средств труда используются для организации человеческого опыта таким образом, что данные, представляющие индивидуальный и социальный опыт, становясь доступными публично или для определенной социальной группы, создаются как потребительная стоимость, удовлетворяющая потребность пользователей в том, чтобы делать часть их жизни видимой для других, в общении и сотрудничестве (Fuchs and Sevignani 2013, 259).

Создаваемые пользователями Facebook продукты не только удовлетворяют человеческие потребности пользователей, но и служат интересам получения прибыли. Платформа превращает пользовательские данные в товар, который предлагается для продажи на рынке рекламным клиентам. «Использование Facebook – это работа (конкретный труд) и труд (абстрактный труд) одновременно: оно генерирует потребительные стоимости и меновую стоимость. [...] Все онлайн-время пользователя – это производительное рабочее время» (Fuchs and Sevignani 2013, 260). Фукс и Севиньяни подчеркивают, что одна и та же цифровая работа пользователей Facebook создает две разные потребительные стоимости: коммуникацию и публичную видимость как собственные потребности пользователей и возможность того, что они увидят таргетированную рекламу.

> Для Facebook обе потребительные стоимости играют важную роль в получении меновой стоимости, т.е. продаже рекламной индустрии рекламного пространства, созданного пользователями. Двойственный характер потребительной стоимости проистекает из того обстоятельства, что продукт (потребительная стоимость) Facebook является информационным: его можно обменять на деньги и при этом он останется под контролем пользователей. Этот двойной характер потребительной стоимости делает про-

> дукт Facebook особенным продуктом: он обслуживает собственные социальные нужды пользователей и коммерческие потребности рекламодателей. В то же время коммерческая потребительная стоимость в первую очередь контролируется Facebook и делает возможным коммодификацию пользовательских данных (Fuchs and Sevignani 2013, 260).

Кто-то возразит, что пользователи Facebook используют платформу добровольно и для собственного удовольствия: они не являются наемными работниками, не получают зарплату, и поэтому их нельзя считать теми, кто подвергается эксплуатации. Фукс утверждает, что сторонники такого подхода игнорируют концепцию коллективного рабочего, которая была так важна для Маркса, и подчеркивает структурное сходство между различными формами неоплачиваемого труда – например, в рамках патриархата или рабства – и трудом пользователей Facebook:

> Патриархат, феодализм и рабство не закончились, но продолжают существовать в рамках капитализма, где эти формы эксплуатации опосредованы наемным трудом и денежной прибылью капиталистов. Фетишисты наемного труда настолько зациклены на отношениях наемного труда и капитала, что исключают из категории эксплуатации ненаемный труд, возникающий в классовых отношениях. Следовательно, домашние работницы и рабы, с их точки зрения, не подвергаются эксплуатации и играют подчиненную роль внутри пролетариата или вообще не считаются революционными (Fuchs 2015, 29).

Формы неоплачиваемого труда, по Фуксу, качественно различаются: «В то время как рабам угрожают смертью, если они

перестанут работать, домашние работники в патриархальных отношениях частично принуждаются физическим насилием, а частично аффективными обязательствами, тогда как работники Facebook принуждаются угрозой потери социальных благ (например, приглашения на вечеринку друзей) и монопольной властью» (Fuchs 2015, 30).

Автор работ о политэкономии медиа Даллас Смайт доказывал, что основным товаром коммерческих медиа является их аудитория. Зритель, который смотрит условно бесплатные телепрограммы, тратит свое свободное время, которое продается рекламодателям. Некоторые критики Смайта ставили под сомнение идею о том, что аудитории медиа «работают, эксплуатируются и производят прибавочную стоимость», отстаивая более ортодоксальный взгляд, согласно которому, медиабизнес конкурирует за ресурсы «промышленных капиталистов», помогая им увеличивать продажи, тогда как прибыль медиакомпаний – это «доля прибавочной стоимости промышленного капитала». В таком случае, рекламу тоже нужно рассматривать как «непроизводительную форму поглощения прибавочной стоимости». Фукс не согласен: для него реклама, будучи «созданием символической идеологии товара», также является «деятельностью по генерации стоимости».

> Символическая стоимость устанавливает связь и является посредником между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, она помогает осуществить обмен, при котором потребители получают потребительную стоимость, а капиталисты – деньги. В этом контексте можно говорить об обещании потребительной стоимости товара: идеология продаж и рекламы, связанная с товаром, обещает, что благодаря определенным функциям он улучшит качество жизни. Тем самым рекламная идеология

> скрывает меновую стоимость товара за обещаниями (Fuchs 2015, 29).

Фукс напоминает, что еще Маркс считал, что транспорт и связь влияют на потребительную стоимость, изменяя местоположение товаров, а «вложенный в [транспортную промышленность] производительный капитал присоединяет таким образом стоимость к транспортируемому продукту, частью вследствие перенесения стоимости средств транспорта, частью вследствие того, что стоимость присоединяется трудом на транспорте» (Маркс 1885/1951, 146).

«Производство символической стоимости товара (обещание потребительной стоимости) требует рабочего времени, – пишет Фукс. – Коммерческие медиа связывают товарные идеологии с потребителями, они «транспортируют» идеологии потребителям. Реклама предполагает информационное производство и работу по транспортировке. Работники такого рекламного транспорта не перевозят товар в физическом пространстве из пункта А в пункт Б, а, скорее, организуют коммуникационное пространство, которое позволяет рекламодателям давать свои обещания в отношении потребительной стоимости потенциальным клиентам» (Fuchs 2015, 30).

Для Фукса пользователи и сотрудники Facebook – «транспортные работники, передающие обещание о потребительной стоимости (товарные идеологии) потенциальным потребителям». Труд по транспортировке в Facebook и других социальных сетях – это коммуникационный труд. Как писал Даллас Смайт, аудитории «работают, чтобы продавать [. . .] вещи самим себе».

Марксистские феминистки, как напоминает Фукс, тоже «сопротивлялись сведению домашней работы к периферийной, второстепенной или непроизводительной деятельности»

и утверждали, что репродуктивный труд при капитализме является производительным трудом (Fuchs 2015, 35). Он приводит слова Марии-Розы Далла Косты и Сельмы Джеймс о том, что «домашний труд производит не только потребительную стоимость, но и имеет важное значение для производства прибавочной стоимости»; «производительность наемного рабства основана на неоплачиваемом рабстве» в форме производительных «социальных услуг, которые капиталистическая организация трансформирует в приватизированную деятельность, возлагая их на домохозяек» (Dalla Costa and James 1972, 30, 31).

Фукс также ссылается на Марию Мис (Mies 1986, 37), которая писала, что капиталистическое производство основано на «*сверхэксплуатации* ненаемных работниц (женщин, семей, крестьян), в результате чего возможна эксплуатация наемного труда». Мис определяла их эксплуатацию как сверхэксплуатацию, потому что последняя «основана не на присвоении (капиталистом) времени и труда сверх «необходимого» рабочего времени, *прибавочного* труда, а на времени и труде, *необходимых* для собственного выживания людей или ведения натурального хозяйства. Это не компенсируется заработной платой» (Mies 1986, 48).

Понятие непроизводительного труда «исторически использовалось для обозначения репродуктивного труда, обслуживающего труда и феминизированного труда как второстепенных и периферийных». Таким образом, оно функционировало как идеологический механизм поддержки дискриминации в отношении женщин (Fuchs 2015, 36).

Забастовка пользователей?

Фукс выступает с идеей о том, что «единственный возможный политический путь вперед – это создание профсоюзов и организаций пользователей, связанных между собой и являющихся частью более широкого политического левого движения». Такой вывод логически вытекает из его анализа, в соответствии с которым социальные сети и коммерческий Интернет рассматриваются в качестве сферы производства и эксплуатации.

> Поэтому те, кто обеспокоен правами трудящихся, должны серьезно относиться к реалиям пользователей как эксплуатируемых работников. Эксплуатация не связана с получением заработной платы и направлена на широкие слои общества. Классовая борьба должна распространиться с заводов и офисов на Google, Facebook и Twitter (Fuchs 2015, 40).

Если «пользователи являются производительными работниками, это значит, что они могут остановить работу корпоративных социальных сетей», отказавшись от цифрового труда: забастовка пользователей для Facebook означает немедленные денежные потери. Если забастовку начнут наемные работники компании, платформа все еще будет в сети и может, по мнению Фукса, быть использована для эксплуатации пользователей; экономическая власть пользователей – в том, что они создают стоимость. Другой политической мерой, согласно этому пониманию, может быть использование программного обеспечения для блокировки рекламы на веб-сайтах, посещаемых пользователями: «Использование программного обеспечения для блокировки рекламы – это борьба цифрового класса. Оно отключает монетизацию персональных данных Face-

book и других платформ путем блокировки таргетированной рекламы» (Fuchs 2015, 39).

Фукс считает, что, с одной стороны, логика, по которой функционирует таргетированная реклама на YouTube, Facebook, Google и подобных платформах, «превращает человеческое самовыражение и деятельность в товар», с другой стороны, он отмечает, что платформы, как YouTube, «социализируют человеческий труд и имеют потенциал для развития работы как искусства или игры» (Fuchs 2013, 287).

Чтобы реализовать этот потенциал, согласно Фуксу, средства коммуникации, являющиеся средствами производства (YouTube и другие интернет-платформы), должны стать общественной собственностью:

> Интернет из корпоративного Интернета должен превратиться в Интернет, основанный на всеобщем достоянии, поддерживаемом творческой работой пользователей. Необходимо вернуть обществу контроль над производственными процессами, поддерживающими существование Интернета и цифровых медиа: шахты, заводы по сборке оборудования, компании по разработке программного обеспечения должны принадлежать, контролироваться и управляться кооперативами работников. Кооперативами, базирующимися на производстве не для прибыли, устранении частной собственности и товарной логики (Fuchs 2013, 287).

Утопии

Пример Интернета показывает, что в мире, который не избавился от классового разделения, господствующие классы могут превратить всеобщее достояние в достояние капитала и

авторитаризма. Что можно этому противопоставить? Фукс обращается к примерам литературных *конкретных утопий*, которые в отличие от *абстрактных утопий* (очерчивающих невозможное бытие), описывают общества, которые «возможны, но еще не существуют» и поэтому могут стать реальностью[3] (Fuchs 2020). В статье об утопическом потенциале цифровых технологий он цитирует Кима Стенли Робинсона:

> В наши дни я склонен думать о дистопиях как о модном чтении, возможно, даже ленивом и несколько самодовольном, поскольку удовольствие от их чтения уравновешивается ощущением, что, каким бы плохим ни было наше настоящее, оно далеко не так плохо, как те страдания, через которые приходят эти бедные персонажи. […] Утопия – это идея о том, что политический порядок может быть устроен лучше. Дистопия – это «не», т. е. идея о том, что политический порядок может стать хуже. Антиутопия – это «анти», она утверждает, что идея утопии сама по себе неправильна и плоха, и что любая попытка улучшить положение обязательно приведет к ухудшению положения, преднамеренному или непреднамеренному созданию тоталитарного государства или к какой-то другой политической катастрофе (Robinson 2018a); Когда вы говорите о будущем, вы всегда говорите об истории. Роман всегда делает это, но научная фантастика делает это явно, посредством мысленных экспериментов: «Если мы сделаем это, мы окажемся здесь. Если мы сделаем то, мы окажемся там». […] Научная фантастика – это реализм нашего времени (Robinson 2018b, 88).

3. Фукс рассматривает такие утопические литературные произведения, как «Вести из ниоткуда» Уильяма Морриса, «Хлеб и воля» Петра Кропоткина, «Обездоленный» Урсулы К. Ле Гуин, «боло-боло» и *Kartoffeln und Computer* (Картофель и компьютеры) авторства Р.М.

Маркс пишет, что конкретные утопии стремятся «дать миру уяснить себе свое собственное сознание, чтобы разбудить мир от грез о самом себе», «реформировать сознание не посредством догм» и сделать очевидным, что «мир уже давно грезит о предмете, которым можно действительно овладеть, только осознав его» (Маркс и Энгельс 1843/1955, 381).

Для Фукса современные средства коммуникации и цифровые технологии обладают огромным потенциалом, который может быть реализован в более справедливом обществе. Например, интернет-коммуникация способна поддерживать демократию участия – политическую систему посткапиталистического общества. «В таком обществе у людей достаточно мотивации, интереса и времени для участия в политических дебатах и принятии решений. Компьютерные сети станут инфраструктурой для демократического распространения информации и коммуникаций – не заменяя, а, скорее, дополняя собрания и дискуссии в реальном мире» (Fuchs 2020, 156).

Цифровые технологии могут быть использованы для повышения производительности и обеспечения достойной жизни для всех за пределами дефицита и необходимости, считает Фукс. Он приводит слова Мюррея Букчина, который писал, что «цифровой компьютер способен взять на себя все обременительные и нетворческие умственные задачи человека в промышленности, науке, технике, поиске информации и транспорте. По сути, современный человек создал электронный «разум» для координации, построения и оценки большинства своих рутинных производственных операций» (Bookchin 1986, 123).

Герберт Маркузе также разработал концепцию освободительных технологий, сравнимую, по мнению Фукса, с идеями Букчина. Для Маркузе истинное общество «предполагает сво-

боду от тяжелого труда» и, следовательно, требует высокопроизводительных технологий, разработанных и применяемых гуманным образом в соответствии с принципами устойчивого развития (Marcuse 1964, 130). Такому обществу необходимо «планомерное использование ресурсов для удовлетворения жизненных потребностей с минимумом труда, превращение досуга в свободное время, смягчение борьбы за существование» (Marcuse 1964, 257).

Фукс пишет, что в справедливом обществе применение технологий делает возможным всеобщее благосостояние, тогда как, цитируя Маркса, свободное время «будет возрастать для всех», а «рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства» (Маркс и Энгельс 1857/1859/1969, 131). Всеобщее благосостояние предполагает также «общий доступ к накопленным цивилизацией знаниям в форме цифрового всеобщего достояния, а также бесплатный общий доступ к творческим и цифровым навыкам и культурным ресурсам, необходимым для универсального художественного и творческого производства». В представлении Фукса общество должно развивать средства производства и использовать некоторые формы коллективного репродуктивного труда (например, предоставлять такие услуги, как общественные кухни, обеспечивающие бесплатное питание, или коллективный сервис по стирке одежды и мытью посуды), чтобы избавиться от тяжелого, опасного и неприятного труда.

> Конкретная утопия будущего потребует цифровых машин, таких как роботы для мытья туалетов, роботы для сбора и переработки мусора, роботы-пылесосы, роботы-газонокосилки, роботы-строители, сельскохозяйственные роботы и т.п., чтобы как можно шире автоматизировать опасный, изнурительный, монотонный, скучный, необхо-

> димый и неприятный труд. Однако из этого списка придется исключить уход за людьми, поскольку роботы-психотерапевты и роботы-сиделки бесчеловечны и могут сделать людей более больными и несчастными вместо того, чтобы поддерживать их. Роботы могут быть полезны в медицине, например в роботизированной хирургии, где машина поддерживает, но не заменяет хирурга-человека. В сфере ухода и заботы такой труд, как перемещение больничных коек, смена простыней, чистка инструментов, стирка белья и т.п., безусловно, может быть автоматизирован и роботизирован, не приводя к негуманному обращению (Fuchs 2020, 160).

В книге «Четыре сценария будущего: жизнь после капитализма» Питера Фрейза (Frase 2016, 47) утверждается, что в посткапиталистическом обществе на роботов придется возложить «более эмоционально сложные аспекты ухода». Фрейз считает, что «робот-медсестра сможет принести больше утешения, чем переутомленный и раздраженный человек». Фукс не согласен: в более справедливом будущем нуждающихся в уходе не будут автоматически помещать в специализированные учреждения, наоборот, они смогут чаще, чем сегодня, жить со своими семьями и друзьями. «С одной стороны, у друзей и семьи будет больше времени для выполнения работы по уходу. С другой, останутся профессиональные сиделки, проявляющие заботу из солидарности». В солидарном обществе, утверждает Фукс, больше людей будут заинтересованы в том, чтобы некоторое число часов в год профессионально заниматься заботой. По его мнению, «роботизированная эмоциональная помощь неэффективна и является негуманной, потому что машины не умеют и не могут должным образом моделировать чувства, этику и эмоции. Роботизированные психотерапевты, врачи, медсе-

стры, акушерки и т.п. – это не выражение человеческой заботы, а бесчеловечная, отчужденная помощь» (Fuchs 2020, 160).

В посткапиталистическом будущем «технологии будут способствовать цифровой поддержке сельского хозяйства, производства и услуг, так что разделение труда может быть отменено, необходимый труд сведен к минимуму, а свободный труд за пределами необходимости и принуждения максимизирован». Компьютер – универсальная машина, которая в утопии Фукса может использоваться «как инструмент, обеспечивающий преодоление разделения труда: разделения между сельским хозяйством, промышленностью и услугами, производителями и потребителями, умственным и физическим трудом, городом и деревней, развитыми и развивающимися странами, производительным и репродуктивным трудом, оплачиваемым и неоплачиваемым трудом, международным разделением труда, гендерным разделением труда». Например, диджитализация сельского хозяйства, промышленного производства и сферы услуг «приведет к повсеместному упрощению организации этих форм производства, так что разграничение между сельской местностью, постиндустриальным глобальным мегаполисом и деиндустриализированными городами станет излишним» (Fuchs 2020, 161).

В таком обществе разнообразие сфер производства может поддерживаться независимо от расположения, а разделение труда, как и классовое общество, может быть отменено. Но не все можно производить повсюду: скорей всего, не получится выращивать бананы в садах Скандинавии. «Всегда будет сохраняться некоторая потребность в международной взаимопомощи и международном дарении, координируемых сетевыми компьютерными системами, которые фиксируют глобальный спрос на товары, как и объем производственных мощностей в

самоуправляемых компаниях, коммунах, сообществах коммун, регионах» (Fuchs 2020, 161).

Посткапиталистическое общество будет обладать материальным базисом и производительностью, позволяющими преодолеть разделение между умственным и ручным трудом:

> Именно для того, чтобы положить конец этому разделению между умственным и физическим трудом, мы и хотим уничтожения наемного труда. Ради этого мы и стремимся к социальной революции. Труд перестанет тогда быть проклятием судьбы и сделается тем, чем он должен быть, т. е. свободным проявлением всех человеческих способностей (Кропоткин 1892/1919, 191).

Фукс пишет, что Кропоткин следует концепции Маркса о всесторонне развитой личности, которая возникает на основе отмены разделения труда. Маркс говорит об обществе, где «никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра – другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, – как моей душе угодно, – не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком» (Маркс и Энгельс 1845/1955, 32).

В условиях развитых технологий и постдефицита обмен становится излишним, а производство и распространение продуктов производства могут быть организованы с помощью глобальных компьютерных сетей в форме экономики, основанной на потребностях: «Домохозяйства и местные сообщества могли бы вносить данные о своих потребностях в определенных продуктах и услугах на некоторые периоды времени

(например, один месяц) в глобальную экономическую базу данных, доступную для всех, а, следовательно, и для производителей этих товаров, которые получат возможность приводить свою производственную деятельность к актуальным потребностям» (Fuchs 2020, 169).

На базе Интернета можно реализовать процесс децентрализованного экономического планирования. В качестве единиц такого планирования Фукс видит «самоуправляющиеся компании, специализирующиеся на определенных формах производства». Каждая из таких компаний знает, какова ее средняя производительность, и поэтому может подсчитать, сколько продукции она готова производить в месяц, – эти данные можно вводить в глобальную базу данных. Такая оценка потребностей и планирование производства, основанные на использовании компьютеров, могут быть организованы глобально с помощью Интернета:

> Алгоритм может рассчитать, какая часть продукции, произведенной конкретной самоуправляющейся компанией, распределяется в том или ином местном сообществе. Во избежание больших объемов перевозок используется принцип, согласно которому товары, удовлетворяющие потребности людей в определенных местных сообществах, производятся в географически близких компаниях, имеющих соответствующие производственные мощности. Неизбежно в некоторых регионах возникнет нехватка некоторых важных продуктов, так что физическая транспортировка товаров не перестанет существовать, а станет частью глобальной солидарной экономики дарения без обмена. Компьютеризированное сетевое постдефицитное социалистическое общество не нуждается ни в каких формах обмена. Компьютеризированный децен-

> тралізованный процесс планирования выявляет глобальный дефицит, что позволяет планировать стратегии смягчения последствий (Fuchs 2020, 169).

В модели Фукса посткапиталистические общества должны быть «глокальными», то есть «основанными на диалектике глобального и локального, которая сочетает глобальные локальности и локальную глобальность как единство в многообразии, чтобы избежать как локалистского фанатизма (разнообразие без единства), так и глобалистского культурного господства (единство без разнообразия)».

Фукс критически отзывается об идее Евгения Морозова, который предлагает использовать инфраструктуру обратной связи, обеспечиваемую цифровыми технологиями и большими данными, для «нерыночных форм социальной координации». Экономическая система Морозова, который, в свою очередь, ссылается на Даниэля Сароса, предполагает, что компании не получают прибыли, но товары, меновая стоимость, деньги и рынки все еще существуют; это также подразумевает наличие наемного труда. Производство более ориентировано на потребности, потому что потребители указывают свои потребности децентрализованным образом через систему сетевых баз данных.

Учитывая, что «обмен всегда является неравным обменом», система Морозова и Сароса, по мнению Фукса, будет приводить к неравному распределению денег и товаров и неравной покупательной способности. Кроме того, «одни кооперативы будут продавать больше, будучи более производительными, чем другие, что может привести к банкротству, перепроизводству, кризисам, нестабильным условиям труда, сокращению заработной платы, увольнениям каких-то групп рабочих и безработице». Исходя из этого, товары, заработная плата и ры-

нки являются ненужными экономическими посредниками, создающими неравенство (Fuchs 2020, 173).

Посткапитализм потребует децентрализованного планирования, использующего сетевую информационную систему, организованную через Интернет. В такой системе люди «обозначают свои потребности и желания, производственные мощности кооперативов тоже регистрируются, и оба набора данных координируются таким образом, чтобы кооперативы производили потребительную стоимость, которая соответствует реальным потребностям и желаниям» (Fuchs 2020, 173). Предполагается также, что в рамках сетевой системы планирования могут быть организованы рекомендательные механизмы, основанные на данных. Эти механизмы должны использовать прозрачный алгоритм открытого доступа для оценки потребностей потребителей и генерации рекомендаций. Фукс считает, что для такой системы «не нужны ни деньги, ни товары, ни обмен, ни рынки, ни наемный труд», и предлагает, стремиться к устранению этих форм экономического посредничества и вместо них внедрять принципы солидарной «экономики дарения» (Fuchs 2020, 173). Именно так может выглядеть конкретная утопия, которая, по мысли Фукса, может и должна заменить авторитарный капитализм в цифровую эпоху.

Библиография

Афанасов, Николай. 2019. Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм. Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. Т.1. № 1. С. 43-61.

Йолер, Владан. Кроуфорд, Кейт. 2020. Анатомия системы ИИ. Amazon Эхо как анатомический атлас человеческого труда, данных и планетарных ресурсов / Пер. с англ. Анны Ликальтер. Художественный журнал. №113. Доступ 20.10.2020 http://moscowartmagazine.com/issue/101/article/2239

Кропоткин, Петр. 1892/1919. Хлеб и Воля. Голос труда, Петербург.

Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. 1843/1955. Сочинения, издание 2-е, том 1. Письмо Маркса Руге. С. 378-381. М.: Государственное издательство политической литературы.

Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. 1845/1955. Сочинения, издание 2-е, том 3. Немецкая идеология. С. 7-544. М.: Государственное издательство политической литературы.

Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. 1867/1960. Сочинения, издание 2-е, том 23. Капитал, том 1. М.: Государственное издательство политической литературы.

Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. 1857/1859/1969. Сочинения, издание 2-е, том 46, часть 2. М.: Государственное издательство политической литературы.

Срничек, Ник. 2019. Капитализм платформ / Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. — 128 с.

Bookchin, Murray. 1986. Post-Scarcity Anarchism. Montreal: Black Rose Books.

Dalla Costa, Mariarosa and Selma James. 1972. The Power of Women and the Subversion of Community. Bristol: Falling Wall Press.

Hall, Miranda. 2017. The Ghost of the Mechanical Turk. Jacobin Magazine. Доступ 20.10.2020

Frase, Peter. 2016. Four Futures: Life After Capitalism. London: Verso.

Fuchs, Christian. 2014. Digital labor and Karl Marx. New York: Routledge.

Fuchs, Christian. 2015. The Digital Labour Theory of Value and Karl Marx in the Age of Facebook, YouTube, Twitter, and Weibo. In: Fisher E., Fuchs C. (eds) Reconsidering Value and Labour in the Digital Age. Dynamics of Virtual Work Series. London: Palgrave Macmillan.

Fuchs, Christian. 2020. The Utopian Internet, Computing, Communication, and Concrete Utopias: Reading William Morris, Peter Kropotkin, Ursula K.

Le Guin, and P.M. in the Light of Digital Socialism. TripleC18(1): 146-186.
Fuchs, Christian. Sevignani, Sebastian. 2013. What is Digital Labour? What is Digital Work? What's their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? tripleC 11(2): 237-293.
Marcuse, Herbert. 1969. An Essay of Liberation. Boston, MA: Beacon Press.
Mies, Maria. 1986. Patriarchy & Accumulation on a World Scale. Women in the International Division of Labour. London: Zed Books.
Mosco,Vincent. 2014. To the Cloud: Big Data in a Turbulent World, Boulder, CO: Paradigm Publishers, 284pp.
Robinson, Kim Stanley. 2018a. Dystopias Now. Commune 1. Accessed January 6, 2020.
Robinson, Kim Stanley. 2018b. The Realism of Our Time. Radical Philosophy 201: 87-98.

Карл Маркс в эпоху капитализма больших данных

Кристиан Фукс

1. Вступление

Компьютеры функционируют на основе цифровых данных. Они преобразуют информацию в потоки битов (нули и единицы), чтобы хранить, обрабатывать и передавать ее. Логика капитализма и бюрократического управления стимулировала развитие вычислительной техники. В результате политико-экономических интересов, потребностей и технологического развития объем, скорость передачи и разнообразие данных увеличились до такой степени, что количество переходит в новое качество. Короче говоря, мы стали свидетелями взлета больших данных (Big Data). Все чаще алгоритмы и цифровые машины генерируют, собирают, хранят, обрабатывают и оценивают большие данные, а также принимают решения, ограничивающие людей в экономической, политической и повседневной жизни. Этот процесс привел к появлению качественно новой формы цифрового капитализма – капитализму больших данных. Это новое явление требует, чтобы мы проана-

Переведено по изданию: Fuchs, C. 2019. Karl Marx in the Age of Big Data Capitalism. In: Chandler, D. and Fuchs, C. (eds.) Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data. Pp. 53–71. London: University of Westminster Press.

Научная редакция: Владимир Артюх

лизировали, как меняются системы мышления, формы знаний, политэкономия, правительственности, материальности, инфраструктуры, практики, организации, институты, субъективности, пространства, темпоральности, дискурсы и идеологии.

Задача этого текста – показать, насколько теория Карла Маркса важна для понимания и критики политической экономии капитализма больших данных. Сначала в статье рассматривается, почему Маркс важен сегодня (раздел 2), затем вводится понятие капитализма больших данных (раздел 3), анализируются противоречия цифрового труда (раздел 4), рассматривается кризис цифрового капитализма (раздел 5), современная идеология (раздел 6) и в завершение предлагаются некоторые мысли об альтернативах капитализму больших данных (раздел 7).

2. Почему Маркс важен сегодня

Существует по крайней мере четырнадцать причин, по которым мы сегодня нуждаемся в Марксе. Пока существуют капитализм и классы, его анализ этих феноменов остается абсолютно необходимым для понимания, критики и изменения общества. Из трудов Маркса следует, что капитализм и общество являются историческими, основанными на диалектике преемственности и перемен феноменами; но также и его собственный подход подвержен диалектике.

Первый аспект работ Маркса, который нам необходим сегодня, – это анализ товарной формы и капитала. «Богатство обществ, в которых преобладает капиталистический способ производства, выступает как “огромное скопление товаров”» (Маркс и Энгельс 1867/1960, 43). Неолиберальный капита-

лизм привел к коммодификации почти всего, включая общение между людьми. В мире цифровых товаров мы находим коммодификацию рабочей силы, цифрового контента, цифровых технологий и онлайн-аудиторий. Информация является неконкурентным благом (как ресурс информация не расходуется при потреблении). Не так просто лишить других доступа к ней. Информация может быть легко скопирована. Следовательно, это противоречивый тип товара, который хотя и может выступать в качестве товара, но он также сравнительно легко может противостоять коммодификации и превратиться в общее благо (common good). Таким образом, цифровой капитализм сталкивается с противоречием между цифровым капиталом и всеобщим цифровым достоянием (digital commons).

Во-вторых, Маркс может помочь прояснить понимание эксплуатации труда в нынешних условиях. «Если пролетарий в глазах классической политической экономии представляет собой лишь машину для производства прибавочной стоимости, то и капиталист в ее глазах есть лишь машина для превращения этой прибавочной стоимости в добавочный капитал» (Маркс и Энгельс 1867/1960, 609). Сегодня пролетариат принимает новые формы, включая прекарных работников – например, неоплачиваемых стажеров и теневых работников, труд которых может не походить на более привычные формы труда, но, тем не менее, создает стоимость, – и трудящихся, встроенных в международное разделение цифрового труда (Fuchs 2014; 2015).

В-третьих, Маркс анализировал глобализацию капитализма. Капитал «должен всюду внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи» (Маркс и Энгельс 1848/1955, 427). С конца XX века капитализм стал более глобальным по сравнению с фордистской стадией своего развития и вступил в новую фазу империалистического капитализма.

В-четвертых, Маркс важен для понимания кризиса капитализма. Он подчеркивал, что капиталистическая экономика и противоречия капиталистического общества снова и снова приводят к кризисам. «Полное противоречий движение капиталистического общества всего осязательнее дает себя почувствовать буржуа-практику в колебаниях проделываемого современной промышленностью периодического цикла, апогеем которых является общий кризис» (Маркс и Энгельс 1867/1960, 16).

В-пятых, внимание Маркса к диалектике технологий и общества позволяет нам понять современные технологии. Он работал над этим анализом в разделе «Капитала» о машинах и крупной промышленности и в посвященном машинам фрагменте «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Марксов анализ технологий основан на гегелевской диалектике сущности и явления. В разделе «Капитала» о машинах он утверждает, что «машина сама по себе сокращает рабочее время, между тем как ее капиталистическое применение удлиняет рабочий день; так как сама по себе она облегчает труд, капиталистическое же ее применение повышает его интенсивность; так как сама по себе она знаменует победу человека над силами природы, капиталистическое же её применение порабощает человека силами природы; так как сама по себе она увеличивает богатство производителя, в капиталистическом же применении превращает его в паупера» (Маркс и Энгельс 1867/1960, 452).

В-шестых, сегодня особенно важен Марксов анализ всеобщего интеллекта. Понятие всеобщего интеллекта указывает на то, что «всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в непосредственную производственную силу» (Маркс и Энгельс 1857-1859/1969, 215). Всеобщий труд произ-

водит всеобщий интеллект. «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» (Маркс и Энгельс 1894/1961, 116). Таким образом, знания, коммуникация и технологии становятся общими благами.

Маркс предвидел появление информационной экономики. Капиталистический императив прибыли толкает к повышению производительности. Технический прогресс увеличивает значение науки, технологий и знаний в производстве. На определенном этапе развития капитализма количество переходит в новое качество информационного капитализма.

В-седьмых, Маркс необходим для понимания цифрового капитализма. В «Экономических рукописях 1857—1859 годов» он концептуально предвидел возникновение Интернета, утверждая, что появляются учреждения, «при помощи которых каждое отдельное лицо получает сведения о деятельности всех остальных и старается приспособить к ней свою собственную деятельность… посредством почтовой и телеграфной связи; средства сообщения, конечно, совершенствуются одновременно с этим» (Маркс и Энгельс 1857-1859/1968, 43). Эта формулировка предвосхищает использование Интернета в качестве глобальной системы информации, коммуникации и социальных сетей.

Восьмое измерение работ Маркса, имеющее решающее значение для понимания политической экономии современного капитализма, – это антагонизм между производительными силами и производственными отношениями. «Противоречие между всеобщей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения, так как оно вместе с тем предполагает пре-

образование условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства. Это преобразование обусловливается развитием производительных сил при капиталистическом производстве и тем способом, каким совершается это развитие» (Маркс и Энгельс 1894/1961, 290).

В цифровом капитализме существует противоречие между сетевыми цифровыми производительными силами и классовыми отношениями. Сетевые цифровые технологии создают новые формы коммодификации и эксплуатации, а также новые проблемы для накопления. Однако цифровая информация как товар также обладает свойствами, которые противятся коммодификации. Цифровой капитализм основан на противоречии между всеобщим цифровым достоянием и цифровыми товарами. Диджитализация формирует и формируется «антагонизмом между социальной кооперацией пролетариата и (экономическим и политическим) управлением капитала» (Negri 2017, 25).

Девятая причина, по которой Маркс имеет сегодня значение, заключается в том, что его теория, наряду с различными подходами в марксистской традиции, позволяет нам обосновать критическую теорию коммуникации и языка (Fuchs 2016a, 2016c). Он утверждает, например, что «лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку» (Маркс и Энгельс 1867/1960, 62). Коммуникация - это то, как люди символически относятся друг к другу, чтобы интерпретировать социальный мир, осмысливать друг друга, конструировать совместный смысл и преобразовывать социальную реальность. «К онтологии общественного бытия» Лукача, культурный материализм Реймонда Уильямса и другие подходы марксистской теории позволяют создать диалектические критические теории ком-

муникации, которые могут стать альтернативой дуалистической теории коммуникации Хабермаса и теории инструментальных систем коммуникации (Fuchs 2016a).

В-десятых, Маркс заставляет задуматься о понятиях «базы» и «надстройки», что позволяет лучше понять роль коммуникаций в капитализме. Маркс напоминает, что критически важно размышлять о том, как соотносятся экономика/общество, работа/коммуникация, капитал/власть, труд/идеология, тело/разум, физический/умственный труд, производство/воспроизводство. Дуализм общества и капитализма одновременно проявляет себя тождеством и нетождеством, образуя диалектическое отношение. Реймонд Уильямс разрешил проблему базиса и надстройки в материалистическом и диалектическом ключе. Уильямс утверждал (Williams 1977), что любой общественный строй и социальная подсистема тождественны в экономическом плане: человек производит социальность посредством коммуникационных процессов. Коммуникация – это процесс общественного производства и воспроизводства социальности и общества. В то же время, каждая социальная подсистема и социальный строй не тождественны в плане их эмерджентных, неэкономических качеств.

Идеология и фетишизм составляют сегодня одиннадцатое измерение актуальности Маркса. В товарном фетишизме «определенное общественное отношение самих людей» принимает «фантастическую форму отношения между вещами» (Маркс и Энгельс 1867/1960, 82). В политическом фетишизме нация становится фетишем: национализм – это идеология, которая конструирует фиктивную этничность (Balibar and Wallerstein 1991, 49, 96–100). В сфере медиа реклама фетишизирует товарную форму, а идеологическая таблоидная журналистика фетишизирует власть и эксплуатацию. Мы

являемся свидетелями роста новых национализмов и ксенофобии, направленных против рабочих-иммигрантов и беженцев. Национализм отвлекает от классовых противоречий, изображая капитал и труд как не противоречащие друг другу и объединенные в «одну нацию». В своем анализе авторитаризма Маркс ввел понятие «бонапартизма», которое описывает идеологический проект «объединения всех классов вокруг вновь возрожденного призрака национальной славы» (Маркс и Энгельс 1871/1960, 341).

В-двенадцатых, Маркс является примером для подражания для критической журналистики и критически настроенных публичных интеллектуалов. В-тринадцатых, Маркс подчеркивает важность социальной борьбы за лучшее общество. Его гуманизм был практичным. Он говорит о «категорическом императиве, повелевающем ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, порабощенным, беспомощным, презренным существом» (Маркс и Энгельс 1844/1955, 422).

Сегодня ведутся дискуссии о роли цифровых технологий как инструментах социальной борьбы. Практический гуманизм связан с четырнадцатым измерением: Маркс выдвигает на первый план необходимость альтернативного общественного строя, который выходит за рамки императива получения прибыли и основан на сотрудничестве между людьми.

3. Капитализм больших данных

Капитализм больших данных развивается в более широком социальном – экономическом, политическом, идеологическом – контексте. В экономике мы пережили неолиберальную коммодификацию и приватизацию (почти) всего, включая данные и коммуникации. В политической системе возник надзорно-промышленный комплекс. Этот политико-экономический комплекс сопровождался идеологией, продвигающей идею о том, что технологии массовой слежки позволят предотвращать и выявлять преступления и терроризм. Идеология надзора помогла создать культуру контроля, навязывания страха, подозрения, конкуренции и индивидуализации.

Сбор, хранение, контроль и анализ больших данных осуществляется в контексте политико-экономических интересов, которые направлены на экономический и политический контроль и нацелены на отдельных лиц. Они являются мишенью и как потребители, и как потенциальные террористы и преступники. Эдвард Сноуден выявил существование глобальной системы слежки за коммуникациями, которую секретные службы проводят для мониторинга и анализа коммуникационных потоков в режиме реального времени. В число компаний, вовлеченных в эту систему надзора, входят AOL, Apple, Facebook, Google/YouTube, Microsoft, Paltalk, Skype/Microsoft и Yahoo!.

Чарльз Райт Миллс отмечал в 1956 году, что «существует постоянно растущая взаимосвязь между коммерческими, военными и политическими структурами» (Mills 1956, 8). В этом контексте он говорил о существовании правящей элиты, которая использует надзорно-промышленный комплекс для осуществления контроля. В надзорно-промышленном комплексе пользователи делают свои данные общедоступными или ча-

стично общедоступными в Интернете. Корпорации коммодифицируют эти данные и деятельность пользователей для накопления капитала. Секретные службы и полиция стремятся получить доступ к потокам больших данных с целью секьюритизации данных и общества. При этом они частично передают функции надзора частным службам безопасности, для которых надзор является прибыльным бизнесом. Агентство национальной безопасности США передает функции слежки по субподряду более чем 2000 частным компаниям. В надзорно-промышленном комплексе капитал и государство, осуществляющие слежку, сливаются воедино. Большие данные – это власть Большого Брата и крупного бизнеса.

Когда Маркс пишет о надзоре, он подчеркивает, что «функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала» (Маркс и Энгельс 1867/1960, 342). Фуко, отмечавший, что «мы живем в обществе, где царит паноптицизм», утверждает, что механизм паноптикона предполагает «некую центральную позицию, позицию всевидящего ока, всепроникающего взгляда, всеохватывающего надзора, которая позволяет определенным образом осуществлять свое господство над находящимися в его распоряжении индивидами» (Фуко 1978). Существование надзорно-промышленного комплекса доказывает, что в том, что касается «концепции власти, Маркс и Фуко совпадают» (Negri 2017, 184), и что «капитал и власть становятся единым целым, образуя хиазм двух противостоящих друг другу сил, пересекающихся и при этом сохраняющих взаимную непроницаемость» (Negri 2017, 12).

Некоторые исследователи в области надзора (surveillance studies) утверждают, что массовая слежка стала «постпаноптической», а цифровой надзор не привел к появлению цифрового паноптикума. Они подчеркивают, что надзор стал де-

централизованным, и утверждают, что в теории следует отказаться от паноптицизма Фуко. Такие подходы не учитывают появления децентрализованного централизма технологий надзора и слежки. Децентрализованные технологии наблюдения собирают большие данные во множестве мест. Эти данные объединены в сеть и контролируются двумя ключевыми паноптическими коллективными акторами: капиталом и государством.

Капитализм больших данных и власть алгоритмов могут привести к тому, что мир превратится в огромный торговый центр, в котором люди практически повсеместно станут мишенью для рекламы, и где коммерческая логика колонизирует общество. В мире больших данных алгоритмы, использующие инструментальную логику для вычисления человеческих потребностей, могут автоматизировать человеческую деятельность и принятие решений для удовлетворения этих потребностей. Проблема заключается в том, что алгоритмы и машины не имеют этики и морали. Коммерциализация данных означает появление новых форм социального неравенства и усиливает эксплуататорские тенденции в Интернете.

Большие данные влекут за собой неравный доступ к большим данным в том, что касается собственности и контроля над данными (Andrejevic 2014). Большие данные также создают новые типы дискриминации и неравенства (Gandy 2009). Логика цифрового позитивизма, присущая большим данным, не учитывает, что технологии не решают социальных и политических проблем. Логика подозрения, заложенная в больших данных, отменяет презумпцию невиновности; вместо этого возникает презумпция вины, основанная на принципе «Ты преступник и террорист, пока не доказано, что ты невиновен», несмотря на то, что большинство террористов не сообщают о

своих планах в Интернете. Гюнтер Андерс подчеркивает тоталитарный характер онлайн-слежки: «Поскольку слежка используется в обычном порядке, основная предпосылка тоталитаризма уже создана, а вместе с ней и сам тоталитаризм» (Anders 1980, 221). Слежка и идеология надзора часто встраиваются в политику правопорядка, что приводит к потенциалу для развития фашизма. Большие данные требуют, чтобы огромные объемы данных хранились на серверах и передавались через Интернет, что в нынешних условиях ведет к обострению экологических проблем, в то время как электронные отходы перемещаются в развивающиеся страны.

В 2012 году дата-центры потребляли электроэнергию, эквивалентную мощности 30 атомных электростанций (Glanz 2012). Использование Интернета требует около 10% всей электроэнергии, производимой в мире (De Decker 2015). Аутсорсинг данных и программного обеспечения, а также краудсорсинг рабочей силы в «облаке» могут привести к росту безработицы и нестабильной занятости.

Растущее использование больших данных в исследованиях привело к возникновению таких новых подходов, как вычислительная социальная наука (computational social science) и цифровые гуманитарные науки (digital humanities). Такие исследования получают большие объемы финансирования и одержимы количественной оценкой. Аналитика больших данных влечет за собой опасность того, что «сближение общественно-научных методов с естественными науками само по себе является детищем общества, овеществляющего людей» (Pollock and Adorno 2011, 20). «Позитивизм больших данных – это «иммунизация [интернет]-наук против философии» (Habermas 1971, 67). Компьютерные науки колонизируют социальные и гуманитарные науки. Опасность заключается в том,

что вычислительные социальные науки ведут к смерти теории и отказу от качественных, теоретически ориентированных исследований. Георг Лукач предупреждал в этом контексте, что математика и позитивизм сводят качественные аспекты к числам, которые «могут быть вычислены», приводя к овеществлению человеческой деятельности (Lukács 1971, 88). Цифровая машина, организующая большие данные, создает новую форму овеществления, разрушающую качественную сторону явлений, диалектику, критику и неинструментальные действия. Нам нужны альтернативы аналитике больших данных и критические исследования цифровых медиа вместо вычислительных социальных наук.

4. Противоречия цифрового труда

В 2016 году компания Google получила прибыль в размере 19,5 млрд долларов и стала двадцать седьмой крупнейшей транснациональной компанией в мире. В том же году Facebook отчитался о прибыли в размере 10,2 млрд долларов и стал 188-й по размеру мировой корпорацией. Однако не все социальные сети так прибыльны. Twitter сообщил об убытках в размере 456,9 млн долларов в 2016 году. В экономике США доля прибыли в ВВП составила 24,8%, а доля заработной платы — 53,1% (Fuchs 2015, глава 5).

Доля выплаченной Facebook зарплаты (т.е. доля зарплаты по отношению к доходам компании) составила 11,0%. Почему заработная плата компании так низка по сравнению с таковой во всей экономике США, а прибыль так высока? Экономика социальных медиа основана на эксплуатации неоплачиваемого цифрового труда пользователей. Маркс описывал процесс кругооборота капитала по такой формуле: Д — Т…П…

Т' — Д' (Маркс и Энгельс 1885/1951, 32)[1]. В экономике социальных медиа этот цикл меняется на Д — Т ...П1 (v1, c)... П2 (v2=0) ... Т' — Д'. Платформы – это продукт (П1), который является не товаром, а чем-то вроде «бесплатного обеда». Персональные данные (П2) – это товар, производимый цифровым трудом пользователей, и который продается рекламодателям, имеющим возможность размещать таргетированную рекламу в профилях пользователей.

Тони Негри утверждает, что нам нужна «новая теория трудовой стоимости как общей потенциальности» (Negri 2017, 29). Маркс подчеркивал, что технологическое и капиталистическое развитие привело к возникновению коллективного рабочего: «Уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из его подфункций» (Маркс и Энгельс 1867/1960, 517). Маркс также го-

1. Д – деньги, Т – товар; Т' и Д' означают Т и Д, увеличенные на прибавочную стоимость. ...П... – выражает процесс производства. Во втором томе «Капитала» (книга 2, глава 1) Маркс поясняет, что процесс кругооборота капитала проходит три стадии: «Первая стадия: Капиталист появляется на товарном рынке и на рынке труда как покупатель; его деньги превращаются в товар, или проделывают акт обращения Д— Т. Вторая стадия: Производительное потребление купленных товаров капиталистом. Он действует как капиталистический товаропроизводитель; его капитал совершает процесс производства. Результатом является товар большей стоимости, чем стоимость элементов его производства. Третья стадия: Капиталист возвращается на рынок как продавец; его товар превращается в деньги, или проделывает акт обращения Т — Д». Часть капитала, затрачиваемого на покупку средств производства, Маркс называет постоянным капиталом (c), а часть, затрачиваемую на покупку рабочей силы - переменным капиталом (v) (см. «Капитал», том 1, глава 6). – *Прим. пер.*

ворит о коллективном рабочем как о «совокупном рабочем»: «все большее количество функций рабочей силы входит в непосредственное понятие производительного труда, а их носители все больше относятся к категории производительных рабочих, непосредственно эксплуатируемых капиталом и подчиненных его процессу увеличения стоимости и процессу производства вообще» (Маркс и Энгельс 1867/1974, 95).

Маркс утверждает, что кооперативный характер труда требует расширения понятия производительного труда. Эксплуатируем и производителен не только неоплачиваемый наемный труд, но и ненаемный труд, который способствует производству товаров и накоплению капитала. Эта идея впоследствии разрабатывалась в теории автономизма, социалистическом феминизме и теории труда аудитории.

В теории автономистов концепция социального работника, «нового рабочего класса», который «теперь распространяется на всю сферу производства и воспроизводства», создает «взаимосвязи между производительным трудом и трудом воспроизводства» (Negri 1988, 209). Социалистический феминизм отбрасывает гипотезу ортодоксального марксизма о том, что «женщины в домашнем труде непроизводительны» (Costa and James 1973, 31). Это предположение отрицает «потенциальную социальную власть женщин» (6). Домашний и репродуктивный труд «производит не только потребительские стоимости, но и имеет существенное значение для производства прибавочной стоимости» (31). Он производит товар, «уникальный для капитализма: живого человека – “самого работника”» (6). Теория труда аудитории Далласа Смайта утверждает, что аудитория СМИ, финансируемых за счет рекламы, – это неоплачиваемые аудиторные работники, выполняющие труд, который создает товар в форме аудитории.

«Материальная реальность при монопольном капитализме заключается в том, что все время бодрствования большей части населения – это рабочее время. [...] Самый большой блок рабочего времени вне работы – это время аудитории, которое продается рекламодателям» (Smythe 1977, 3).

Цифровой труд в коммерческих социальных сетях до некоторой степени отличается от труда аудитории в коммерческих вещательных сетях. В социальных сетях используется таргетированная реклама, основанная на больших данных, которые являются формой товара. Аудитория извлекает смысл из контента. Помимо этого пользователи социальных сетей создают общественные отношения, контент и данные. Цифровой труд пользователей в социальных сетях основан на продуктивном потреблении (prosumption), постоянном сборе персональных данных, таргетированной и персонализированной рекламе, алгоритмах прогнозирования и алгоритмических аукционах. Facebook и Google являются крупнейшими в мире рекламными агентствами, использующими такой труд и сбор информации об аудитории в формате больших данных.

Цифровой труд – это отчужденная цифровая работа, организованная в рамках международного разделения цифрового труда, которая включает в себя рабский труд шахтеров, добывающих минералы, из которых затем создается физическая основа цифровых инструментов, тейлористский сборочный труд, работу по переработке цифрового мусора (e-waste), разработку программного обеспечения, различные формы онлайн-работы, труд пользователей и так далее (Fuchs 2014, 2015, 2017b).

В Соединенных Штатах среднее время репродуктивного труда в неделю на человека в 2015 году составляло 44,53 часа (подробнее см. Fuchs 2017a). Среднегодовое рабочее время в

США составляло 1778 часов. Общее рабочее время достигло 232 млрд часов, из которых 113 млрд приходилось на прибавочное рабочее время, а 119 млрд часов – на необходимое рабочее время. Традиционная норма прибавочной стоимости рассчитывается как отношение прибавочного рабочего времени к необходимому рабочему времени (v). В денежном выражении она рассчитывается как отношение общей годовой прибыли (p) к общей заработной плате (v). В случае экономики США традиционный показатель прибавочной стоимости в 2015 году равнялся 0,942. Но классическая формула не учитывает ненаемный труд. Согласно статистике, в 2015 году в США время неоплачиваемого репродуктивного труда достигло 579 млрд часов. Органическое строение труда (скорректированная норма прибавочной стоимости) можно рассчитать по следующей формуле (Fuchs 2017a):

$$A = \frac{(B+C)}{D}$$

где A – органическое строение труда,
B – неоплачиваемое рабочее время наемного труда,
C – неоплачиваемое рабочее время ненаемного труда,
D – оплачиваемое рабочее время.

Капитал стремится увеличить не только объем неоплачиваемого рабочего времени наемного труда, но и объем неоплачиваемого рабочего времени для ненаемного труда. Репродуктивный труд является производительным, поскольку это форма неоплачиваемого, прибавочного рабочего времени. Капитал эксплуатирует наемный труд и репродуктивный труд. Органическая композиция труда в США в 2015 году составила (579 + 113) / 119 = 5,8 (Fuchs 2017a). На один час

оплачиваемого труда приходилось 5,8 часов неоплачиваемого труда. Репродуктивный труд составил 83,7% всего неоплачиваемого рабочего времени, а прибавочное рабочее время – 16,3%.

В том же 2015 году среднее время репродуктивного труда в США составляло 44,5 часа в неделю на человека. В среднем на просмотр рекламы уходило 4,9 часа, на время, проведенное в коммерческих социальных сетях, приходилось 12,4 часа (Fuchs 2017a). Труд аудитории и цифровой труд пользователей составляют значительную долю времени репродуктивного труда. Кроме того, репродуктивный труд носит гендерный характер. В США женщины в среднем выполняют 60% репродуктивного труда (Fuchs 2017a). Алгоритм Facebook использует расистскую и сексистскую логику, сегментируя рыночные данные, используя грубые различия, обобщения и предположения. Пользователи в более бедных странах и более бедные пользователи в целом рассматриваются как менее ценные потребители, поскольку с меньшей вероятностью купят рекламируемые товары, кликая на рекламу (Fuchs 2017a).

Цифровой капитализм углубляет эксплуатацию, одновременно закладывая основы для автономных сфер, выходящих за рамки логики капитализма. Это создает базис новых производственных отношений, прорастающих внутри капитализма. С диджитализацией «товар становится все более прозрачным» (Negri 2017, 25), и «начинают появляться сектора, которые становятся все более чувствительными к автономии социального сотрудничества, к самоценности пролетарских субъектов» (Negri 2017, 25). Цифровой капитализм основан на антагонизме между цифровым товаром, создаваемым цифровым трудом, с одной стороны, и всеобщим цифровым достоянием – с другой.

Публикации открытого доступа являются хорошим примером цифрового антагонизма. Открытый доступ в определенной степени является реакцией на высокие нормы прибыли академических издательских корпораций и тенденции монополизации в этой отрасли. В 2016 году Reed Elsevier получил чистую прибыль до налогообложения в размере 1,934 млрд фунтов стерлингов и доход в размере 6,895 млрд фунтов стерлингов. Таким образом, его норма прибыли составила 1,934 / (6,895–1,934) = 39,0%. В том же году прибыль Springer составила 296,4 млн евро, а выручка – 833,1 млн евро. Его норма прибыли составила 296,4 / (833,1–296,4) = 55,2% Такие нормы прибыли чрезвычайно высоки. Они достигаются за счет продажи дорогих пакетов подписок на статьи, базы данных и журналы для библиотек и доступа к контенту для отдельных лиц.

Университеты и академическая система в значительной степени используют государственное финансирование. Академические знания – это всеобщее достояние, которое «отчасти достигнуто благодаря сотрудничеству ныне живущих людей, но отчасти и благодаря работе, проделанной ранее» (Marx 1894, 199). Монополистический капитал приватизирует и коммодифицирует академическое достояние. Открытый доступ – это противодействие монопольному издательскому капиталу.

«Литература открытого доступа (ОД) является цифровой, онлайн, бесплатной и свободной от большинства авторских прав и лицензионных ограничений» (Suber 2012, 4). Большинство проектов открытого доступа являются некоммерческими и управляются учеными или академическими ассоциациями. Меньшинство проектов с открытым доступом являются коммерческими. Они получают прибыль за счет публикации статей и книг (APCs – article processing charges, BPCs –

book processing charges). Авторы платят большие деньги (иногда тысячи евро, фунтов, долларов) за публикацию своих работ. APCs и BPCs подобны походу в ресторан, где вы платите за то, что вам разрешено готовить и есть свое собственное блюдо. В модели открытого доступа Diamond неприбыльные организации, ассоциации или сети публикуют материалы, которые доступны онлайн в цифровом формате, бесплатны для читателей и авторов и не допускают коммерческого использования (Fuchs and Sandoval 2013).

По состоянию на 20 марта 2017 года в каталоге журналов открытого доступа (Directory of Open Access Journals) насчитывалось 9423 журнала открытого доступа. 1866 из них использовали лицензию CC-BY-NC-ND, 1328 – CC-BY-NC, 522 – CC-BY-NC-SA. В общей сложности 3716 (39,4%) не позволяли коммерческое повторное использование. 5134 (54,5%) не использовали APCs. По значительной части данные не были доступны, что означает, что фактическое число журналов, не использующих APCs, было на самом деле выше. Все это указывает на существование цифрового академического достояния, которое не зависит от капитала.

В отношении открытого доступа существуют различные политические позиции (Fuchs and Sandoval 2013). Отраслевые обозреватели утверждают, что «открытый доступ – отличная новая бизнес-модель». Профсоюзная точка зрения гласит, что «открытый доступ представляет собой волонтерские проекты, которые разрушают рабочие места работников издательской индустрии». Перспектива радикального открытого доступа гласит, что «некоммерческий открытый доступ требует борьбы с капиталистической издательской индустрией путем мобилизации ресурсов».

Радикальный открытый доступ может функционировать должным образом, только получая материальную поддержку в виде финансирования от фондов и общественности, благодаря помощи волонтеров, университетов, действующих в качестве издательств открытого доступа, и университетов и исследовательских советов, проводящих политику, благоприятствующую публикациям в журналах открытого доступа.

Lawrence & Wishart (L&W) – издатель собрания сочинений Маркса и Энгельса. Марксистский интернет-архив (The Marxists Internet Archive [MIA], https://www.marxists.org) – библиотека открытого доступа, в которой представлены классические марксистские тексты, в том числе произведения Маркса и Энгельса. В 2014 году между L&W и MIA возник конфликт о том, должны ли произведения Маркса и Энгельса быть доступны онлайн в формате открытого доступа. L&W утверждали, что «это нарушение авторского права лишает небольшого радикального издателя средств, которые ему необходимы, чтобы продолжить существование. [...] [MIA] воспроизводит нормы и ожидания не социалистических и коммунистических традиций, а потребительской культуры, которая предполагает, что культурный контент будет доставляться бесплатно потребителям, оставляя неоплачиваемым труд культурных работников, таких как издатели, редакторы и писатели». MIA не согласился и заявил, что Интернет – «это новое медиа для информации. И уж тем более история рабочего движения должна быть свободно доступна. [...] Основной принцип существования любого коммунистического издательства, и MIA ему соответствует, – обеспечение самого широкого распространения этих произведений, а не их ограничение. Это противоположно тому, что можно назвать коммунистическим издательством».

Данный конфликт возник между двумя типами левых: сторонниками всеобщего цифрового достояния и сторонниками авторского права. В нем выразился антагонизм между сетевыми цифровыми производительными силами и деятельностью альтернативных проектов в рамках капитализма. Обеспечение доступности произведений Маркса и Энгельса в Интернете – это не только экономический, но и политический вопрос. Эти работы должны быть доступны онлайн бесплатно по политическим причинам. Широкая доступность является хорошей основой для превращения марксистских идей в материальную силу, а Интернет является отличным средством для решения этой задачи. Из-за «эффекта Стрейзанд»[2] обеспечение соблюдения авторских прав в Интернете является контрпродуктивным. Конкуренция между левыми проектами ведет к поражению. Левые должны сосредоточиться на сотрудничестве, бросив вызов коммерческим корпоративным издательствам. Кооперация также может стимулировать борьбу и разработку альтернативных форм финансирования (государственного финансирования, новых моделей сбора пожертвований, сборов за повторное использование в коммерческих целях, обеспечения доступа к произведениям в открытом доступе после достижения определенного уровня пожертвований и т.д.).

2. Назван по имени актрисы Барбары Стрейзанд и выражается в том, что попытка изъять информацию из общего доступа приводит к ее еще большему распространению. В 2003 году Барбара Стрейзанд подала иск на онлайн фото-репозиторий за размещение фотографии ее дома, в результате чего эта фотография распространилась по Интернету и привлекла более миллиона пользователей для веб-сайта. – *Прим. ред.*

5. Кризис цифрового капитализма

Пол Мейсон соединяет тезис Маркса о тенденции нормы прибыли к понижению, теорию длинных волн Шумпетера и анализ цифровых медиа (Mason 2015). Результатом стала теория распада капитализма – новая версия теории Генрика Гроссмана (Grossmann 1992, 119) о распаде капиталистической системы в цифровую эпоху[3]. Гроссман писал, что «капиталистическая система неизбежно разрушится по причине относительного снижения массы прибыли» (Grossmann 1992, 192). Мейсон пишет, что информационные технологии ведут к нулевым предельным издержкам на информацию. В результате норма прибыли будет падать, пока не рухнет капитализм и не возникнет посткапитализм (Fuchs 2016b).

Такой анализ не учитывает, как классовая борьба влияет на норму прибыли и норму прибавочной стоимости. Марксистская норма прибыли рассчитывается следующим образом:

$$Норма\ прибыли = \frac{s}{c+v}$$

где s – прибавочная стоимость,
c – постоянный капитал,
v – переменный капитал.

Разделив числитель и знаменатель дроби на переменный капитал, мы получим следующее преобразование:

$$Норма\ прибыли = \frac{\frac{s}{v}}{\frac{c}{v}+1}$$

3. Генрик Гроссман – польский экономист, теоретик марксизма и педагог, троцкист. – *Прим. пер.*

где s/v – норма прибавочной стоимости,
c/v – органическое строение капитала.

Норма прибавочной стоимости отражает интенсивность эксплуатации труда, а органическое строение капитала измеряет уровень технологий и ресурсоемкость производства. С 1970-х годов компьютеризация оказывала двойственное, противоречивое влияние на норму прибыли. Она повышает как органическое строение капитала, так и норму прибавочной стоимости. Эти два показателя оказывают противоречивое влияние на норму прибыли. Повышение органического строения капитала уменьшает норму прибыли, тогда как повышение нормы прибавочной стоимости увеличивает ее. Классовая борьба капитала против рабочего класса сократила долю заработной платы в ВВП. Общий эффект заключался в том, что во многих странах и на глобальном уровне общая норма прибыли колебалась. Эти колебания стимулировали финансиализацию, которая увеличивает волатильность экономики. Относительное падение заработной платы привело к увеличению долгов домохозяйств и ослаблению покупательной способности. Кризис 2008 года стал выражением накопленных противоречий неолиберального финансового капитализма. С тех пор экономический кризис во многих частях мира привел к идеологическому кризису либерализма, породив авторитарную идеологию, национализм и, в некоторой степени, авторитарный капитализм.

6. Идеология сегодня

Товаропроизводители не связаны друг с другом напрямую. Меновая стоимость предполагает обмен определенных коли-

честв товаров в форме *x* товара A = *y* товара B (например, 1 банан = £ 0,15). Общественные производственные отношения не видны в произведенных и купленных товарах, что Маркс называет товарным фетишизмом. Товар является «социальным иероглифом» (Маркс и Энгельс 1867/1960, 84). «Появление и распространение идеологий представляется как общая характеристика классовых обществ» (Lukács 1986, 405).

Национализм – это идеология, которая рассматривает нацию как объект политического фетиша. Национализм скрывает классовые отношения. Он представляет капитал и труд как объединенные (фиктивным) национальным интересом (Woodley 2010, 185). «Фашизм сам должен пониматься как политический товар: [...] фетишизация общинной идентичности, скрывающая истинную природу товара» (Woodley 2010, 17–18). Фашизм – это «популистская идеология, которая стремится через мифологию единства и идентичности спроектировать "общую инстинктивную судьбу" (единый социальный статус) для буржуазных и пролетаризированных групп, скрывая реальность социального различия в дифференцированных классовых обществах» (Woodley 2010, 17). Капиталистический кризис может породить фашизм, поэтому нельзя исключать, что новый национализм превратится в новый фашизм и новую мировую войну.

Модель правого авторитаризма (подробнее см. Fuchs 2018) использует авторитарное лидерство, национализм, схему «друг/враг», патриархат и милитаризм, чтобы отвлечь внимание от классовых структур.

Дональд Трамп – типичный пример правого авторитаризма. Он не только политик и капиталист, но и медиаперсона, которая использует Twitter и реалити-шоу, чтобы распространять идеологию и рекламировать себя. Социальные сети –

это сфера символической, коммуникативной и идеологической борьбы. В век информации сфера онлайн-коммуникации является важной сферой классовой борьбы. Имея более 30 миллионов подписчиков в Twitter, более 20 миллионов подписчиков в Facebook и более семи миллионов подписчиков в Instagram, Трамп использует социальные сети в качестве инструмента распространения правой авторитарной идеологии.

5 сентября 2016 года американцы отмечали День труда. Трамп разместил видео в Twitter и Facebook, в котором он обратился к американским рабочим[4]. В видео он говорит:

> Американский рабочий создал фундамент для страны, которую мы любим и имеем сегодня. Но американский рабочий раздавлен. Неудачные торговые сделки, такие как NAFTA и TPP, такие высокие и непростительные налоги и сборы с малого бизнеса, в котором работает так много хороших людей. В этот День труда давайте воздадим должное нашим американским рабочим, мужчинам и женщинам, которые с гордостью продолжают работать в Америке. Они самые лучшие в мире. Нет никого, похожего на них. Я готов снова заставить Америку работать и снова сделать Америку великой. Вот что мы собираемся сделать 8 ноября.

Этот отрывок содержит несколько идеологических элементов. Он представляет американцев как мифический коллектив. Он представляет национальный интерес как единый для капитала и труда. Он представляет нацию США как подвергшуюся нападению со стороны иностранных агентов. Социальный конфликт изображается как конфликт между народами, который отвлекает внимание от классовых конфликтов. То, как

4. http://twitter.com/realDonaldTrump/statuses/772798809508372480, https://t.co/RNl7cfzkmN

Трамп использует Twitter, ясно показывает, что национализм функционирует как политический фетишизм. В этом контексте Роза Люксембург отмечала, что национализм – это «туманная завеса», которая «во всех случаях скрывает определенное историческое содержание» (Luxemburg 1976, 135). «Кровь, сообщество, народ – это механизмы для сокрытия настоящей констелляции господства» (Neumann 2017, 464).

7. Альтернативы

Двадцать первый век достигает исторической точки бифуркации, характеризующейся турбулентностью и усилением политической поляризации. Будущее неопределенно. Мы можем двигаться к гипернеолиберальному капитализму, авторитарному капитализму, фашизму, полному разрушению Земли и уничтожению человечества в ядерной мировой войне или выбрать альтернативу в виде общества всеобщего достояния.

В своей тетралогии «Империя», «Множество», «Содружество» и «Ассамблея» Майкл Хардт и Антонио Негри (Hardt Negri 2000, 2004, 2009, 2017) описывают этап капиталистического развития, на котором глобальный капитал (Империя) сталкивается с новым рабочим классом (множеством). Появляются новые общие потенциалы, которые могут стать базисом для общества общин (society of the commons), содружества (commonwealth). Содружество, однако, является лишь одним из возможных результатов развития общества двадцать первого века. События могут развиваться по негативному сценарию, такому как новый фашизм или гибель человечества. Какой из этих вариантов будет превалировать, зависит от того, как будет развиваться социальная борьба. Слова Розы Люксембург, которые она написала в 1918 году, сегодня снова ста-

ли очень актуальными: «В этот час социализм – единственное спасение для человечества» (Luxemburg 1971, 367).

Правые авторитарные движения продвигают партикуляристскую политику природы, общества и коммуникации. Что касается природы, они фетишизируют национальную идентичность, семью и консервативные традиции и рассматривают иммигрантов и глобальную идентичность, возникающую вокруг экологической проблематики, как силы, подрывающие существование нации. Социальная политика правого авторитаризма представляет собой комбинацию неолиберальной идеологии, которая пропагандирует выживание сильнейшего, и национал-социалистической риторики, которая оставляет право на общественные блага только для автохтонного населения. Что касается коммуникаций, то правый авторитаризм сочетает в себе консервативный технопессимизм, который предполагает, что традиционные ценности находятся под угрозой в Интернете, и выступает за ужесточение контроля в Интернете, с неолиберальной технокапиталистической идеологией, прославляющей корпоративные СМИ и корпоративный Интернет.

Прогрессивные силы сегодня часто расколоты и раздроблены. Всеобщее достояние состоит из социальных, природных и коммуникативных благ. Все эти блага все больше коммерциализируются и приватизируются. Левые партии и движения в основном борются за защиту социальных благ, зеленые движения защищают природное достояние, а технологические движения выступают в защиту коммуникативного достояния. Чтобы бросить вызов правому авторитаризму, прогрессивные силы должны извлечь уроки из неудач левых в 1920-х годах, когда различные фракции, особенно социал-демократы и коммунисты, противостояли друг другу и не объединились против фашистской угрозы. Нам нужен единый политический фронт

против правого авторитаризма, где защита социального, природного и коммуникативного достояний становится одним движением, связанным с одной прогрессивной партией и ассоциированным движением. Социал-демократия нуждается в обновлении в форме социал-демократии 2.0, движения за социалистическую демократию и демократический социализм. Единственным возможным ответом на сближение капитала и правого авторитаризма является конвергенция левых в интернационалистское прогрессивное движение.

Что касается коммуникаций, то перспектива общества, основанного на всеобщем достоянии, означает продвижение идей всеобщего цифрового достояния, платформенных кооперативов и общедоступного Интернета. Демократические коммуникации формируют и формируются «союзом свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewust] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу» (Маркс и Энгельс 1867/1960, 88).

Франц Л. Нейман (Neumann 1957, 294–295) подчеркивает, что в кризисных ситуациях важно, чтобы академики выступали в качестве критических публичных интеллектуалов: «Поэтому для нас, граждан университета и государства, остается путь двойного наступления на тревогу и за свободу: за образование и за политику. Политика, опять же, должна быть для нас двоякой: сочетая проникновение предмета нашей академической дисциплины в проблемы политики [...] и занятие позиций по политическим вопросам. Если мы серьезно относимся к гуманизации политики, если мы хотим помешать демагогу использовать тревогу и апатию, мы, преподаватели и студенты, не должны молчать. [...] Мы должны говорить и писать».

Библиография

Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. 1844/1955. Сочинения, издание 2-е, том 1. М.: Государственное издательство политической литературы.
Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. 1848/1955. Сочинения, издание 2-е, том 4. М.: Государственное издательство политической литературы.
Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. 1857-1859/1968. Сочинения, издание 2-е, том 46, часть 1. М.: Государственное издательство политической литературы.
Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. 1857-1859/1969. Сочинения, издание 2-е, том 46, часть 2. М.: Государственное издательство политической литературы.
Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. 1867/1960. Сочинения, издание 2-е, том 23. Капитал. Том 1. М.: Государственное издательство политической литературы.
Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. 1871/1960. Сочинения, издание 2-е, том 17. М.: Государственное издательство политической литературы.
Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. 1885/1951. Капитал, том 2. М.: Государственное издательство политической литературы.
Маркс, Карл и Фридрих Энгельс. 1894/1961. Сочинения, издание 2-е, том 25, часть 1. Капитал. Том 3, часть первая. М.: Государственное издательство политической литературы.
Фуко, Мишель. 1978. Безопасность, территория, население. Лекция 25 января 1978 года. Доступ https://gtmarket.ru/library/articles/6693/6696

Andrejevic, Mark. 2014. 'The Big Data Divide.' International Journal of Communication 8: 1673–1689.
Anders, Günther. 1980. Die Antiquiertheit des Menschen 2. Über die Zerstörung des Lebens im Zeitalter der dritten industriellen Revolution. Munich: C. H. Beck.
Balibar, Étienne and Immanuel Wallerstein. 1991. Race, Nation, Class. London: Verso.
Dalla Costa, Maria and Selma James. 1973. The Power of Women and the Subversion of the Community. 2nd ed. Bristol: Falling Wall Press.
De Decker, Kris. 2015. 'Why We Need a Speed Limit for the Internet.' Low-Tech Magazine, 19 October 2015.
Foucault, Michel. 1994. Power. New York, NY: New Press.
Fuchs, Christian. 2018. Digital Demagogue: Authoritarian Capitalism in the

Age of Trump and Twitter. London: Pluto.
Fuchs, Christian. 2017a. 'Capitalism, Patriarchy, Slavery, and Racism in the Age of Digital Capitalism and Digital Labour.' Critical Sociology 43, DOI: https://doi.org/10.1177/0896920517691108.
Fuchs, Christian. 2017b. Social Media: A Critical Introduction. London: Sage. 2nd edition.
Fuchs, Christian. 2016a. Critical Theory of Communication. London: University of Westminster Press.
Fuchs, Christian. 2016b. 'Henryk Grossmann 2.0: A Critique of Paul Mason's Book 'PostCapitalism: A Guide to Our Future'.' tripleC: Communication, Capitalism & Critique 14 (1): 232–243.
Fuchs, Christian. 2016c. Reading Marx in the Information Age. A Media and Communication Studies Perspective on 'Capital Volume I'. New York: Routledge.
Fuchs, Christian. 2015. Culture and Economy in the Age of Social Media. New York: Routledge.
Fuchs, Christian. 2014. Digital Labour and Karl Marx. New York: Routledge.
Fuchs, Christian and Marisol Sandoval. 2013. 'The Diamond Model of Open Access Publishing: Why Policy Makers, Scholars, Universities, Libraries, Labour Unions and the Publishing World Need to Take Non-Commercial, Non-Profit Open Access Serious. tripleC: Communication, Capitalism and Critique 11 (2): 428–443.
Gandy, Oscar H. 2009. Coming to Terms with Chance: Engaging Rational Discrimination and Cumulative Disadvantage. Farnham, UK: Ashgate.
Glanz, James. 2012. 'Power, Pollution and the Internet.' New York Times Online, 22 September 2012.
Grossmann, Henryk. 1992. The Law of Accumulation and Breakdown of the Capitalist System. Being also a Theory of Crises. London: Pluto.
Habermas, Jürgen. 1971. Knowledge and Human Interest. Boston, MA: Beacon Press.
Hardt, Michael and Antonio Negri. 2000. Empire. Cambridge, MA: Harvard
Hardt, Michael and Antonio Negri. 2004. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. London: Penguin.
Hardt, Michael and Antonio Negri. 2009. Commonwealth. Cambridge, MA: The Belknap Press.
Hardt, Michael and Antonio Negri. 2017. Assembly. Oxford: Oxford University Press.
Kitchin, Rob. 2014. The Data Revolution. London: Sage.
Lukács, Georg. 1971. History and Class Consciousness. Cambridge, MA: MIT Press.
Lukács, Georg. 1986. Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins. Zweiter Halbband. Georg Lukács Werke, Band 14. Darmstadt: Luchterhand.
Luxemburg, Rosa. 1971. Selected Political Writings of Rosa Luxemburg. New York, NY: Monthly Review Press.

Mason, Paul. 2015. PostCapitalism: A Guide to Our Future. London: Allen Lane.
Mills, Charles Wright. 1956. The Power Elite. Oxford: Oxford University Press.
Negri, Antonio. 2017. Marx and Foucault. Cambridge: Polity.
Negri, Antonio. 1988. Revolution Retrieved: Selected Writings on Marx, Keynes, Capitalist Crisis and New Social Subjects 1967–83. London: Red Notes.
Neumann, Franz. 1957/2017. 'Anxiety and Politics'. tripleC: Communication, Capitalism and Critique 15 (2): 612-636
Neumann, Franz. 2009. Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism, 1933–1944. Chicago, IL: Ivan R. Dee.
Pollock, Friedrich and Theodor W. Adorno. 2011. Group Experiment and Other Writings. Cambridge, MA: Harvard University Press.
Smythe, Dallas W. 1977. 'Communications: Blindspot of Western Marxism.' Canadian Journal of Political and Social Theory 1 (3): 1–27.
Suber, Peter. 2012. Open Access. Cambridge, MA: The MIT Press.
Williams, Raymond. 1977. Marxism and Literature. Oxford: Oxford University Press.
Woodley, Daniel. 2010. Fascism and Political Theory: Critical Perspectives on Fascist Ideology. Abingdon: Routledge.

Цифровой социализм? Дискуссия об экономическом расчете в эпоху больших данных

Евгений Морозов

Спустя более десяти лет после начала финансового кризиса идеологи капитализма жаждут хорошего паблисити. Некогда манящие обещания меритократии и социальной мобильности остались лишь пустыми словами. Они тоскуют по привлекательному, удобному для PowerPoint легитимирующему нарративу, который трудно придумать на фоне растущего неравенства, повсеместного уклонения от уплаты налогов и тревожных предзнаменований об истинном состоянии посткризисной мировой экономики, если центральные банки откажутся от политики чрезмерной поддержки. Какие события в реальном мире могли бы лечь в основу такого нарратива? Какая тема могла бы сделать идею капитализма более приемлемой с моральной точки зрения для последнего выпуска студентов Лиги плюща, которые могут рискнуть увлечься такими понятиями, как экосоциализм? Несмотря на растущее

Переведено по изданию: © Morozov, Evgeny. Digital Socialism? New Left Review. 2019. № 116/117.

неприятие FAANG[1], капиталистические мыслители по-прежнему смотрят на Кремниевую долину и ее культуру с проблеском надежды. Несмотря на все свои проблемы, долина остается мощной лабораторией новых, а может быть, и лучших рыночных решений. Никакой другой сектор не играет настолько важной роли в западном капиталистическом воображении и не предлагает столь многообещающее поле для возрождающейся мифологии.

Новое направление мысли обратилось к вопросу о том, как перестроить мировую экономику на основе последних цифровых инноваций, чтобы сделать ее хоть немного справедливее. «Новый курс на данные» (New Deal on Data) – термин, появившийся в докладе 2009 года, представленном в Давосе, – является неолиберальным эквивалентом «Зеленого нового курса» (Green New Deal) в мире технологий, но не требует государственных расходов (Pentland 2008). Он предусматривает формализацию прав собственности на нематериальные активы, чтобы люди могли «владеть» данными, которые они производят. С точки зрения его сторонников, эта благоприятная для рынка «новая сделка» поможет предотвратить альтернативные попытки представить пользователей кем-либо, кроме пассивных потребителей цифровых технологий, – они смогут наслаждаться своим новым статусом активных предпринимателей в области данных, но не должны стремиться ни к чему другому. «Новый курс на данные» получил значительную политическую поддержку: от Европейской комиссии до Организации Объединенных Наций многие мировые институты убеждены, что такая «справедливая» инициатива важна для обеспечения будущего цифрового капитализма.

1. FAANG – акроним от Facebook, Amazon, Apple, Netflix и Google, который является расширением сокращения FANG, изначально не включавшего Apple. – *Прим. пер.*

Австрийский ученый-юрист и некогда успешный предприниматель в области программного обеспечения Виктор Майер-Шенбергер несет определенную ответственность за внедрение мечты о «спасении через данные» в капиталистическое воображение. Его бестселлер «Большие данные», написанный в соавторстве с автором журнала The Economist в 2013 году, содержал простой тезис: огромные объемы данных, которые сейчас собирают и анализируют несколько дальновидных компаний, приведут к возникновению новых бизнес-моделей и разрушению существующих – нынешнее положение неизбежно будет подорвано, а прибыль гарантирована. Пять лет спустя последняя книга Майер-Шенбергера «Переизобретая капитализм в эпоху больших данных» разделяет некоторые черты этой более ранней работы. Написанная в соавторстве с другим автором журнала The Economist, немецким бизнес-репортером Томасом Рамге, она зафиксировала еще одну важную тенденцию – «настолько же важную, как и промышленная революция», – при этом раздавая прагматические рекомендации бизнесу и политикам. Но «Переизобретая капитализм» – намного более амбициозная работа, если учесть, что оригинальное немецкое название книги звучит как Das Digital. Авторы утверждают, что Das Kapital устарел: как только большие данные будут эффективно использоваться во всей экономике, они не только приведут к переизобретению капитализма – английское название звучит слишком скромно в этом отношении, – но положат ему конец. «Возможно, пришло время закрыть дверь в историю и официально исключить термин “капитализм”», – заявляют авторы (Mayer-Schönberge and Ramge 2018). Вместо финансового капитала и компаний, насыщенные данными рынки дадут людям возможность работать напрямую друг с другом. Более того, данные вытеснят систему цен как главный организующий принцип экономики.

Атака на систему цен выглядит странно для этой, несомненно, прокапиталистической книги. Рыночное ценообразование издавна хвалили за его способность обеспечивать сложные формы социальной координации при минимальном или полном отсутствии централизованного планирования. Начиная с 1920-х годов, в ходе так называемой «дискуссии об экономическом расчете в социалистической экономике» Мизес и Хайек, как известно, доказывали своим левым противникам, что именно отсутствие системы цен обрекло социалистическое централизованное планирование. Из-за отсутствия понимания меняющихся вкусов потребителей в реальном времени, наиболее выгодного размещения ресурсов и колеблющихся поставок промежуточных товаров у центральных плановиков было мало шансов скорректировать свои модели достаточно быстро, чтобы идти в ногу с быстро меняющимся миром. Многие социалисты, особенно после распада Советского Союза, сочли этот аргумент убедительным, признав врожденный технологический недостаток социалистического проекта. Как отметил Джеральд Аллан Коэн в своей последней книге, «основное препятствие для реализации социалистического идеала заключается в том, что мы не знаем, как спроектировать механизм, который заставил бы его работать» (Cohen 2009).

Недавние контраргументы со стороны левых, как правило, включали указание на то, что наиболее успешные современные капиталистические предприятия, от Amazon до Walmart, преуспевают в планировании. С появлением цифровой обратной связи такие методы станут еще более распространенными. Если капиталисты могут планировать, то почему социалисты не могут (Phillips and Rozworski 2019)? Противоположный аргумент о том, что большие данные блокируют работу системы цен, – также был выдвинут: некоторые

обозреватели заходят так далеко, что утверждают, что ценовые сигналы на сегодняшних насыщенных данными рынках, где венчурные капиталисты, суверенные фонды и технологические платформы с глубокими карманами субсидируют свои сервисы в такой степени, что никто толком не знает, сколько они стоят, напоминают те, что действовали в советской системе в предшествовавшие ее развалу годы[2]. Отсюда и прозвище «Госплан 2.0». (По своей структуре этот аргумент не отличается от обвинений австрийских экономистов в отношении искажающего воздействия количественного смягчения на цены активов)[3].

В дальнейшем я вернусь к дискуссии об экономическом расчете, рассмотрев, каким образом участники этих дебатов понимали отношения между знаниями, ценой и социальной координацией, и то, как их референты, возможно, изменились в эпоху больших данных. Далее я расскажу о том, как развитие цифровой «инфраструктуры обратной связи» дает левым возможность предложить лучшие решения для сверхсложной социальной организации в быстро меняющихся условиях, а также для лучшего соответствия производства и потребления, чем может обеспечить рыночная конкуренция и система цен, как это предлагал Хайек. Но сначала стоит более подробно проанализировать тезисы книги «Переизобретая капитализм», поскольку их противоречия зачастую симптоматичны и, следовательно, проливают свет на ряд важных проблем.

2. Самым известным сторонником данного тезиса стала Изабелла Каминска из газеты Financial Times.
3. Количественное смягчение (*quantitative easing*) – монетарная политика центробанков развитых стран для стимулирования национальных экономик в условиях финансовых кризисов, начиная с 2008 года. - *Прим. пер.*

1. Переизобрести капитализм - вы это серьезно?

Майер-Шенбергер и Рамге утверждают, что хотя ценовой механизм был эффективным средством социальной координации, он всегда имел свои недостатки. Цифровые технологии не только сделали их видимыми, но и предоставили более эффективный альтернативный метод социальной координации. По мнению авторов, система цен – грубый инструмент. Он сводит сложные многомерные предпочтения участников рынка в одну цифру, часто устраняя нюансы и детали, что может привести к неоптимальным транзакциям. Потребители становятся легкой добычей хитроумных маркетологов, которые манипулируют ими, заставляя покупать вещи, которые им не нужны, просто потому, что цена, оканчивающаяся на девятки, выглядит так, как если бы цены действительно были снижены. Но достижения в области данных и информационных технологий могут устранить эту неэффективность. «Переизобретая капитализм» требует «перезагрузки рынка», подпитываемого данными. Больше нет необходимости удерживать мириады разнородных фактов под смирительной рубашкой цен, когда компьютерные чипы могут напрямую сообщать эти факты. Участники рынка будут все больше полагаться на данные, а не на цены, чтобы координировать свою деятельность, открывать новые, ранее невидимые ниши и повышать общую эффективность рынка.

Авторы рисуют картину насыщенной данными потребительской утопии. Преимущество цифровых рынков перед аналоговыми заключается в том, что они позволяют обеим сторонам транзакции определять многочисленные критерии согласования, которые выходят далеко за рамки цены. Например BlaBlaCar, французская компания для совместных поездок на

автомобиле, позволяет пассажирам указывать, насколько они склонны к разговорам во время поездки – трудно уместить эту информацию в цену. Последние технологические разработки, снижающие стоимость извлечения и категоризации данных из сложных файлов, таких как видео, позволили покупателям и продавцам легче находить друг друга. В поисках совпадений алгоритмы могут обрабатывать большие объемы данных, используя детализированные критерии. Системы машинного обучения могут самостоятельно делать выводы о наших предпочтениях, наблюдая за нашими действиями и обнаруживая корреляции, – пользователям больше не нужно вводить их вручную. Работа «Переизобретая капитализм» предусматривает новые приложения, которые будут сканировать наши профили данных в режиме реального времени и применять машинный интеллект, чтобы рекомендовать наиболее подходящих продавцов, продукты и услуги:

> Допустим, вы ищете новую сковороду. Адаптивная система, возможно, находящаяся в смартфоне, получает доступ к вашим прошлым данным о покупках, чтобы узнать, что в последний раз вы купили сковороду для индукционных варочных панелей, а также что вы оставили не самый лучший отзыв о ней. Анализируя отзыв, система понимает, что покрытие сковороды действительно важно для вас, и что вы предпочитаете керамическое покрытие. [...] Зная об этих предпочтениях, алгоритм находит на онлайн-рынках оптимальное соответствие, учитывая даже углеродный след доставки (потому что в курсе, насколько вы обеспокоены этим). Система автоматически проводит переговоры с продавцами, и, поскольку вы готовы сделать оплату прямым переводом, она может получить скидку. Одним касанием ваша транзакция будет завершена (RC, p. 5).

Благодаря кредитным системам, использующим данные, извечная проблема капитализма, касающаяся недостаточного потребления, останется в прошлом. Если экономика падает, «адаптивная система» сможет получить за вас ссуду и купить то, что вы хотите, заверив инвесторов, что потребители не потеряли уверенность. Помимо этого, насыщенные данными рынки принесут пользу потребителям, устранив неэффективность, например, на энергетических рынках, где коммунальные предприятия в настоящее время оставляют за собой огромные сборы, используя информационную асимметрию между собой и своими клиентами.

От финансов к данным?

«Переизобретая капитализм» признает, что нынешнее монопольное владение «данными обратной связи», генерируемыми в транзакциях между платформами поиска партнеров и их клиентами, является препятствием для «важной трансформации» демократического потребления, которую должны принести большие данные. Информация остается в руках лишь нескольких крупных компаний, хотя она имеет огромное значение для других экономических игроков. Авторы предлагают решить эту проблему с помощью другого варианта «Нового курса на данные»: необходимо обязать технологические фирмы делиться (некоторыми) данными обратной связи с другими стартапами и государственными субъектами. «Прогрессивный мандат на обмен данными, – пишут они, – обеспечит всеобъемлющий, но дифференцированный доступ к данным обратной связи, поддерживая возможность выбора и разнообразие при принятии решений» (RC, p.12). Эта идея была хорошо принята в родной для Майер-Шенбергера Австрии, где

правое правительство ÖVP-FPÖ[4] сделало это одним из своих обязательств во время председательства Австрии в Европейском совете в 2018 году[5].

Что касается ликвидации «капитализма», то, оказывается, это относится в основном к ориентированным на потребителей финансовым институтам, деятельность которых, по утверждениям авторов, будет подорвана стартапами, имеющими доступ к большим данным. Уолл-стрит не стоит переживать. В самом деле, книга «Переизобретая капитализм» на удивление мало говорит о динамике реально существующего капитализма, предпочитая изображать его как простую совокупность действий «финансовых капиталистов», то есть таких учреждений, как традиционные банки, процветающих за счет денег, а не данных. Предполагается, что более новые и более гибкие учреждения работают по-другому: их деятельность относится к «капитализму данных». Авторы утверждают, что «по мере того, как рынки насыщаются данными, уменьшается необходимость сигнализировать деньгами», и, когда деньги больше не «играют первую скрипку», банкам и другим финансовым посредникам потребуется переориентировать свои бизнес-модели, что приведет к переходу «от финансов к капитализму данных». Действительно:

> Поскольку рыночная экономика развивается с помощью данных, мы больше не можем называть будущее «капи-

4. Коалиция право-консервативной Австрийской народной партии и ультраправой Партии свободы. - *Прим. пер.*
5. Немецкая Социал-демократическая партия озвучила аналогичные идеи, призвав американские технологические гиганты начать делиться своими данными с немецкими компаниями: Andrea Nahles, 'Die Tech-Riesen des Silicon Valleys gefährden den fairen Wettbewerb', Handelsblatt, 13 August 2018. Майер-Шенбергер отказался участвовать в австрийской инициативе, ссылаясь на идеологические разногласия с правительством ÖVP-FPÖ. Однако вскоре после публикации статьи

> талистическим» в смысле власти, сосредоточенной держателями денег. По иронии судьбы, поскольку рынки, основанные на данных, обесценивают роль денег, они доказывают, что ошибался Карл Маркс, а не Адам Смит (RC, p. 143).

В этом анализе капитализма как системы с историей, настоящим и познаваемой логикой конкуренции, налагающей значительные ограничения на пути ее будущего развития, мало смысла.

«Переизобретая капитализм» является одной из нескольких недавних книг, в которых рассматриваются масштабные перемены, вызванные появлением новых бизнес-моделей, интенсивно использующих данные, на более широком аналитическом фоне современного капитализма. Наиболее ярким примером может служить книга Шошаны Зубофф «Эпоха надзорного капитализма» (Zuboff 2019). Другой пример – «Мир после капитала», самостоятельно опубликованная в Интернете работа немецко-американского венчурного предпринимателя Альберта Венгера, весьма благосклонно цитируемого Майер-Шенбергером и Рамге. Не имея надежной, теоретически и исторически обоснованной концепции капитализма, эти тексты следуют той же повествовательной траектории. Авторы начинают с выбора некоторой предшествующей стадии – «финансовый капитализм» для Майер-Шенбергера и Рамге, «адвокационный капитализм» для

Налеса он присоединился к недавно созданному Совету цифровых консультантов в Берлине при коалиционном правительстве христианских демократов и социал-демократов. Тем временем идея мандата на обмен данными получила более широкое распространение; см., например, недавний доклад Института Петерсона «Открытие интернет-монополий для конкуренции с помощью мандатов на совместное использование данных», апрель 2019 г.

Зубофф, капитализм «промышленной эпохи» для Венгера, – а затем приступают к развертыванию deus ex machina информационных технологий, больших данных, машинного обучения, или даже (в случае Венгера) «универсальности вычислений при нулевых предельных издержках». Все трое приходят к выводу, что нынешний этап капитализма – «информационный капитализм» (Майер-Шенбергер и Рамге), «надзорный капитализм» (Зубофф), посткапитализм «эпохи знаний» (Венгер) – резко отличается от предыдущего, и что радикальные изменения в информационных технологиях объясняют этот переход. Они обращаются к новейшей истории очень избирательно, в основном для того, чтобы обосновать свою двухступенчатую схему – такую удобную для презентаций. Аналитические и политические следствия различаются. Зубофф мало что может сказать об эпохе «надзорного капитализма», тогда как «Переизобретая капитализм» завершается почти религиозным прочтением терапевтической силы данных и информации, способных излечить недуги современного капитализма и восстановить эффективность рынка.

Финтех и капиталистическая конкуренция

Еще только предстоит выяснить, будет ли этот нарратив о насыщенном данными консьюмеризме эффективным в качестве легитимирующей идеологии. Однако аналитически он крайне слаб, что вынуждает авторов искажать позиции своих оппонентов. Именно таким образом следует понимать утверждение авторов «Переизобретая капитализм» о том, что Маркс считал, что миром правят деньги. Теперь, когда миром правят данные, по их мнению, марксистский анализ больше не применим. Маркс, конечно, ничего подобного не утверждал.

Напротив, он считал, что ключевым моментом являются не деньги как таковые, а накопление капитала в условиях постоянной конкуренции. Деньги являются неизбежным этапом в процессе накопления, но они никогда не «играли первую скрипку» – эта роль оставалась за капиталом. Для Маркса накопление капитала было немыслимым без товарного производства. Даже с учетом новаций сегодняшнего глобального капитализма, когда сложные финансовые продукты, похоже, потеряли свой референт в реальной экономике, трудно сделать вывод, что распространение цифровых товаров и услуг, требующих большого объема данных, коренным образом меняет условия и динамику накопления капитала.

Чтобы доказать неправоту Маркса, авторам «Переизобретая капитализм» необходимо было бы показать, что мир информационного капитализма и «финтех»-стартапов – технологических компаний, оказывающих финансовые услуги, например кредитных организаций, предоставляющих кредиты только в цифровом формате, используя персональные данные для определения кредитоспособности, – не подвергается такому же давлению, как традиционный финансовый сектор, который они якобы вытесняют. Авторы не предпринимают таких попыток, и нетрудно понять, почему: в мире финтеха есть ряд явлений, которые нельзя объяснить императивами капиталистической конкуренции, что подтверждает даже поверхностное изучение взаимосвязи между двумя секторами. Крупные банки – тяжеловесные послы якобы устаревшего финансового капитализма – тратят на новые технологии огромные суммы: технологический бюджет Citigroup составлял 8 млрд долларов в 2019 году, Wells Fargo – 9 млрд, Банка Америки – 10 млрд, JP Morgan – 11 млрд. Это впечатляющие цифры, сравнимые с тратами самих технологических гигантов. Дей-

ствительно, среди десяти самых крупных инвесторов США в технологии в прошлом году были банки и технологические компании, а в дополнение к ним еще и Walmart (DeFrancesco 2019; Nash 2019). JP Morgan создал хорошо укомплектованную команду по разработке искусственного интеллекта в Нью-Йорке и финтех-кампус на 1000 человек в Калифорнии, что говорит о том, что банк находится на переднем крае инноваций. В Пало-Альто теперь также находится лаборатория искусственного интеллекта BlackRock Lab.

Однако более тщательный анализ показывает, что львиная доля расходов банков, связанных с технологиями, идет на поддержание устаревших систем, а не на настоящие исследования и разработки. После нескольких слияний и миграций систем их аппаратные и программные пакеты стали непомерно дорогими, что побудило их к дальнейшим слияниям, чтобы снизить инвестиционные затраты на технологии. Это стало основным фактором в недавнем слиянии между SunTrust и BB&T на сумму 66 млрд долларов, которое, по словам генерального директора Citigroup, «в основном было вызвано необходимостью масштабирования с целью инвестировать и внедрять технологии». Citigroup, напротив, уже имела такой масштаб (Broughton 2019; Noonan and Jenkins 2019). Предсказуемо, недавнее исследование расходов на технологии показывает, что более крупные банки не только инвестируют больше, чем их мелкие конкуренты, но и склонны тратить больше на передовые технологии, а не на техническое обслуживание – не в последнюю очередь из-за их масштабов и более значительных запасов свободных денег (DeFrancesco 2019). Ничто в этом ландшафте, за исключением самих технологий, не показалось бы Марксу ни странным, ни чуждым.

Также обратите внимание на динамику бизнеса в мире финтеха. По одной из оценок, инвестиции в финтех в 2018 году составили рекордные 112 млрд долларов (Mostowyk 2019). Нетрудно догадаться, почему: сектор обещает прибыль, которая в один прекрасный день может быть такой же астрономической, как у традиционных банков, – JP Morgan сообщил о чистой прибыли в размере 32,5 млрд долларов в 2018 году, что все еще немного выше, чем прибыль Alphabet в размере 31 млрд долларов, – но при значительно меньших затратах, поскольку им не приходится платить за интеграцию и обслуживание устаревших технических систем. Таким образом, общие показатели рентабельности должны резко возрасти. В то время как «Переизобретая капитализм» признает важность того, что финтех-сектор не несет высоких унаследованных затрат, авторы ошибочно относят это к уникальной стадии «капитализма данных». Но вторжения новичков, вооруженных более быстрыми и дешевыми технологиями, были обычным явлением капиталистической конкуренции, при этом облачные вычисления и инфраструктура данных являются тем, что одно из направлений марксистской экономики признало бы «регулирующим капиталом» этой конкретной отрасли.

Неудивительно, – и в полном соответствии с теорией рыночной конкуренции Маркса – что действующие фирмы делают все возможное, чтобы защитить себя от такого рода атак, часто путем скупки более молодых претендентов. Приобретение компанией JP Morgan в 2017 году компании WePay, лидера в области цифровых платежей, было именно тем, что можно было ожидать от компании такого размера в этих обстоятельствах. Сегодняшние революционеры финтеха сами столкнутся с подобной проблемой в недалеком будущем благодаря появлению еще более эффективных методов произ-

водства и их использованию в качестве инструмента конкуренции следующим поколением стартапов. В этот момент Майер-Шенбергеру и Рамге, вероятно, придется изобрести еще одну, третью стадию – своего рода капитализм постданных.

Зачем все это, если существующая концепция капитализма во всем ее аналитическом богатстве уже допускает такие переходы? Возможно, потому, что оперировать этой концепцией означало бы рассматривать капитал как систему и как социальные отношения, а не просто как запас материальных и нематериальных ресурсов, доступных для производства, как это склонны представлять экономисты-неоклассики. Учитывая нежелание Майер-Шенбергера и ему подобных использовать этот подход, даже на фоне растущей обеспокоенности по поводу направления развития капиталистической системы, мы, вероятно, увидим новые шквалы книг, которые номинально посвящены будущему капитализма, но предлагают в лучшем случае описание наблюдаемых закономерностей в том, как капиталистические фирмы увеличивают свои запасы капитала, чтобы задействовать данные. Нам предлагают поверить в то, что будущее поведение этих фирм представляет собой не что иное, как будущее самого капитализма. Если это немногим лучше, чем сказки о совершенной конкуренции и рыночном равновесии, созданные экономистами-неоклассиками, то практическая и политическая польза таких идей минимальна, поскольку они игнорируют фундаментальные движущие силы, подчиняющие себе даже те отдельные капиталистические фирмы, чье поведение предполагается их теориями объяснить.

Первая из главных дихотомий книги «Переизобретая капитализм» – «данные против денег» – выглядит несостоя-

тельной. Но как насчет ее второй дихотомии между ценами и информацией? Здесь оценка немного сложнее и потребует экскурса по классической и неоклассической экономике с их противоположным пониманием идей информации, цен и конкуренции – и, в частности, внимательного прочтения Хайека. «Переизобретая капитализм» – это очень простой труд с точки зрения экономической теории, при этом остается неясным, в рамках какой школы – классической, неоклассической, австрийской – авторы выстраивают свою аргументацию, настаивая на устаревании цен и преобладании данных. Тем не менее, можно попытаться выяснить это.

2. Информация и система цен

Для неоклассического направления характерны некоторые довольно сомнительные предположения о ценах и информации, что является следствием его сюрреалистического взгляда на конкуренцию. Предполагается, что рынок с совершенной конкуренцией, свободный от каких-либо барьеров для входа, разделен между продавцами и покупателями, которые устанавливают цены, и все они обладают совершенным знанием. «Конкуренция» в этом понимании – это не процесс, разворачивающийся во времени, а просто описательный ярлык или мгновенный снимок, используемый для обозначения существующего равновесия. В условиях совершенной конкуренции дополнительная информация не может играть никакой роли в рыночном обмене, потому что все, что можно узнать, уже известно – участники рынка обладают совершенным знанием. В рамках этого подхода цен вполне достаточно, даже если они остаются чем-то вроде загадки – продуктом экзотического процесса *tâtonnement*, или проб и ошибок, который и устанав-

ливает соответствие между спросом и предложением (первоначально понятие было введено в экономическую теорию Леоном Вальрасом в 1870-е годы)[6].

Неоклассики давно признали, что конкуренция может быть несовершенной: например, барьеры для выхода на рынок или появление монопольных фирм могут сделать конкуренцию «несовершенной», хотя эти осложнения не придают неоклассическому понятию «конкуренции» большего динамизма. Также могут возникать несовершенства, связанные с информационными потоками. За последние пятьдесят лет это понимание породило целую область, известную как «информационная экономика», которая изучает, как различные асимметрии информации – самый известный пример описывает сделки между продавцами и покупателями подержанных автомобилей – подрывают эффективность рынка. Как только эта асимметрия будет устранена с помощью государственной политики или заключения частных контрактов, существующие недостатки должны исчезнуть, приближая конкуренцию к своему «идеальному» равновесному состоянию.

Как связаны информация и цены в условиях «несовершенной конкуренции»? Продавцы могут знать о состоянии подержанной машины больше, чем они говорят (на языке автомобильных дилеров это называется «лимон»), и поскольку они скрывают эту информацию, рыночная цена может быть выше. Для большинства экономистов проблема заключается в том, что рынки бедны данными, а не насыщены ими. С другой стороны, авторы книги «Переизобретая капитализм» считают, что новое, насыщенное данными измерение рыночных транзакций является постоянной чертой любого экономиче-

6. Tâtonnement (*фр.*) – нащупывание. В теории общего равновесия Вальраса гипотетический процесс продвижения путем проб и ошибок к равновесным ценам. – *Прим. пер.*

ского обмена, причем такое «золотое дно» данных появляется не только в несовершенных условиях. Скорее, оно присутствует в ходе повседневных транзакций, где, как утверждается, не существует информационной асимметрии. Но если при отсутствии каких-либо несовершенств цена товара не полностью отражает его полезность для группы эксцентричных потребителей, давление рыночных сил теоретически должно довести ее до нужного уровня.

Чтобы аргументировать существование совершенно нового измерения рыночного обмена, ранее не признаваемого неоклассической экономической теорией, требуется радикальный отход от некоторых ее фундаментальных, но ограничивающих предположений. Казалось бы, авторам остается только одно направление – теория конкуренции, которая не предполагает совершенного знания и не зацикливается на равновесии. Это, конечно, классическая теория конкуренции, знакомая Смиту, Рикардо и Марксу и недавно пересмотренная и обновленная Анваром Шейхом в книге «Капитализм: конкуренция, конфликт, кризисы» (Moudud, Bina and Mason 2012). Хайек, так уж случилось, подписался под многими постулатами этой теории. В последние десятилетия он даже использовал ее, чтобы превратить конкуренцию в универсальный управляющий инструмент, с помощью которого «открываются» новые знания, такие как новейшие потребительские вкусы или методы производства. Однако перед этим политическим поворотом Хайек написал много страниц, большую часть из них во время дискуссии об экономическим расчете, исследуя точную природу взаимосвязи между ценами и информацией. Большинство его социалистических противников в Вене принадлежали к неоклассическому лагерю. Если марксизм, как они считали, снабдил капиталистов теоретическим аппаратом

для понимания существующей динамики капитализма, то неоклассическая экономика с ее склонностью к рациональному математическому анализу должна была предоставить социал-демократам интеллектуальные ресурсы для разработки будущей динамики социализма (Bockman 2011). Таким образом, разногласия Хайека с его социалистическими коллегами были не только идеологическими, но и методологическими – в вопросах конкуренции его взгляды, сформированные классической традицией, были ближе к взглядам Маркса, чем, скажем, Оскара Ланге.

В книге «Переизобретая капитализм» Хайек изображен в качестве примера одержимости экономистов ценовой системой как эффективным средством передачи информации. Из беглого прочтения знаменитого эссе Хайека 1945 года «Использование знаний в обществе» можно сделать такой же вывод. Разве он не воспевал превосходство системы цен над централизованным планированием, когда утверждал, что система цен позволяет разрозненным экономическим субъектам координировать свою деятельность? «Высокая оценка Хайеком цены основана на том факте, что в ходе переговоров партнеры по сделке должны учитывать всю имеющуюся у них информацию, включая собственные приоритеты и предпочтения, и сводить их к единой цифре», – утверждают Майер-Шенбергер и Рамге. Против этих предполагаемых взглядов Хайека они выдвигают собственный аргумент о том, что технологии теперь могут предоставить больше информации, чем цены, потому что больше не нужно спрессовывать информацию – ее можно просто использовать.

Неценовые знания

Насколько точно они описывают взгляды Хайека? Прежде всего, идея о том, что цены устанавливаются в рамках упорядоченного диалога между двумя партнерами по сделке, а не в результате бесчисленных рыночных сил и соображений, является вальрасианской ересью, которую Хайек никогда бы не поддержал. Во-вторых, «Переизобретая капитализм» повторяет ошибку многих экономистов-неоклассиков, которые, отвечая на эссе Хайека 1945 года, не поняли, что его динамический взгляд на конкуренцию отличается от их статической версии. Концепция Хайека учитывает практики и институты, которые формируют конкурентную борьбу до того, как будет осуществлена продажа и указана соответствующая цена. Неоклассики часто предполагают, что для Хайека ценовая система – единственное место, где может располагаться информация: она либо там, либо нигде. Это двойное искажение взглядов Хайека: во-первых, они рассматривают систему цен просто как «конвейер» информации и, во-вторых, полагают, что это единственный такой конвейер в капиталистической системе. Оба тезиса являются распространенными ошибочными толкованиями, возникающими по причине очень избирательного прочтения произведений Хайека, в большинстве случаев ограниченного «Использованием знаний», и игнорирования всего остального, что он написал о конкуренции.

«Передает» ли ценовая система знания? На самом деле, нет. Более подходящим названием для знаменитого эссе Хайека было бы «Неприменение знаний в обществе», поскольку он настаивает на том, что система цен работает так хорошо именно потому, что экономическим субъектам не нужно много знать о мире, чтобы действовать в нем эффективно. Цены не передают знания, по крайней мере, от одного конца рынка к

другому[7]. Они и не должны: когда один экономический субъект обнаруживает набор фактов, которые меняют его оценку товара, последствия этой переоценки распространяются по всей системе, вызывая повышение или понижение цены товара, и никому другому не нужно знать, что новые факты существуют. Если система цен что-то и передает, так это текущие позиции – многие из которых основаны на ошибочном восприятии настоящего и будущего – всех экономических субъектов по отношению друг к другу: это похоже на снимок с воздуха военной битвы. Тривиально верно утверждение, что этот снимок содержит и передает «знание», но что это «знание», безусловно, не является полной суммой отдельных «знаний» участников битвы, суммой, которую можно разобрать на части и переупорядочить по желанию.

Такая элегантная и информативная схема, как механизм ценообразования, может работать только потому, что большая часть реальной сложности конкуренции обрабатывается и уменьшается в других частях экономической системы. Во-первых, она опирается на более широкие нормы, обычаи и правила капитализма, давно усвоенные участниками рынка: например, понимание того, что сокращение затрат является важной тактикой выживания на конкурентном рынке. Это сужает диапазон потенциальных ответов и сглаживает социальную координацию: пока стремление к прибыльности остается всеобъемлющей целью всей системы, все знают, чего ожидать. Конечно, если это условие не выполняется, система цен немедленно теряет свою координирующую магию, поскольку изме-

7. Лучшей и самой лаконичной интерпретацией австрийской позиции в отношении цен и знаний, а также ее последующего неправильного прочтения различными школами информационной экономики, остается работа Эстебана Томсена (Esteban Thomsen) “Prices and Knowledge: A Market-Process Perspective”, London 1992 .

нения в цене становятся нечеткими – так же, как воздушный снимок поля битвы становится нечитаемым, если одна из сторон внезапно заявляет о пацифизме. Ценовая система может достичь многого с помощью такого небольшого количества средств именно потому, что экономическим субъектам не нужно обращаться за инструкциями или консультироваться со своим терапевтом, чтобы знать, что делать при изменении цен. Когда австрийские экономисты отвечают сегодняшним защитникам централизованного планирования, отмечая, что любая некапиталистическая система – даже та, которая основана на мощи больших данных – может превзойти эффективность системы цен только в том случае, если она также создаст новые поведенческие модели и смысловые рамки, они правы.

Во-вторых, в дополнение к системе цен капиталистическое общество также имеет системы для передачи более широких неценовых знаний, которые формируют динамику конкуренции до того, как произойдет рыночный обмен. Хайек указывал на роль рекламы и прессы, а также на более неформальные механизмы. «Конкуренция, – писал он, – в значительной степени является соревнованием за репутацию или добрую волю» – это «по сути процесс формирования мнения: путем распространения информации она создает то единство и согласованность экономической системы, которые мы предполагаем, когда думаем об этом как о едином рынке» (Hayek 1948/2014). Система знаний – этот вторичный канал коммуникации – это то, что обеспечивает социальную координацию, даже когда наше знакомство с реальными товарами ограничено или отсутствует. Если это звучит как «насыщенное данными» измерение рынков, «открытое» авторами книги «Переизобретая капитализма», то только потому,что так оно и есть: существование системы знаний может стать нео-

жиданностью только для экономистов-неоклассиков, которые строят свои модели, игнорируя важнейший этап экономической деятельности, на котором такая «насыщенность данными» имеет первостепенное значение. Если взглянуть на цифровую экономику с точки зрения Хайека, то она просто формализует и улучшает более ранние процессы формирования мнения, облегчая обновление репутации участников рынка в режиме реального времени или просто информируя клиентов, например посредством телефонного уведомления, о запуске новой службы такси, водители которой с удовольствием насвистывают любимые мелодии клиентов.

Утверждать, что нужно делать выбор между системой цен и системой знаний – или что последняя в форме больших данных теперь вытесняет первую – значит в корне неверно понимать взгляды Хайека на то, как работает капиталистическая система. То, что цены имеют информационное значение для участников рынка – значение, которое само зависит от усвоения ими основных законов капитализма – не останавливает их от получения других форм информации на критической фазе «реальной конкуренции», т. е. до момента обмена. Подобно неоклассическим экономистам, авторы книги «Переизобретая капитализм» исключают эту предшествующую стадию из своей концепции обмена. Поэтому они заявляют, что цены должны вмещать в себя всю имеющуюся информацию, чего, конечно, они не могут. Вся посылка книги является логическим следствием попытки вписать динамический взгляд Хайека на конкуренцию в статические неоклассические рамки и, обнаружив, что это не получается, постулировать, что нам нужен другой, дружественный к информации термин для обозначения «капитализма».

От социалистических плановиков к рыночным технократам

Эссе Хайека 1945 года оказало глубокое влияние на развитие современной экономики (Mirowski and Nik-Khah 2017). До его появления считалось, что в дебатах об экономическом расчете выиграли социалистические противники Мизеса и Хайека – прежде всего Оскар Ланге, – выступавшие за смешанный подход, в соответствии с которым руководители отдельных предприятий могли бы найти «правильную» цену для своей продукции путем изучения рынка методом проб и ошибок, в то время как Центральный совет по планированию устанавливал бы цены на ресурсы. На самом деле, Мизес и Хайек в ходе дебатов не очень-то поменяли свои аргументы. Но их социал-демократические оппоненты, преданные неоклассической экономике, изначально исходили из сложности вычисления соответствующих уровней цен, основанных на предоставленных данных, а не из сложности сбора и обновления данных, которые никогда автоматически не «предоставлены». Все это время Мизес и Хайек с разной степенью ясности излагали свою позицию, но понадобилось эссе Хайека, чтобы довести их мысль до конца.

Тем не менее экономисты-неоклассики по-прежнему неверно истолковывали эссе Хайека. Их теоретические предубеждения о совершенной конкуренции привели к выводу, что Хайек просто имел в виду, что система цен может собирать и обрабатывать данные, необходимые для управления экономикой, гораздо более эффективно, чем система, основанная на централизованном планировании (Eckstein 1971). Но для Хайека это не было вопросом лишь о том, насколько хорошо или эффективно каждая система может собирать одни и те же

данные. Между данными, обрабатываемыми двумя системами, не было эквивалентности: система цен работала так эффективно только потому, что все остальное делал капитализм. Такое неверное толкование Хайека, частое среди социал-демократических экономистов-неоклассиков в послевоенный период, было направлено на формализацию его взглядов на информационную роль системы цен в неоклассических рамках. Эти формализации в конечном итоге позволили преемникам Оскара Ланге и Аббы Лернера показать, что система цен была настолько эффективной, как это утверждал Хайек, только в очень специфических условиях.

Задача этих прогрессивных планировщиков, теперь комфортно встроенных в академические институты времен Холодной войны, сместилась с прежней смелой цели – заключавшейся в создании нерыночной среды – на более прагматичную задачу изменения рыночной среды для повышения ее эффективности. Планировщикам больше не нужно заниматься установлением цен на ресурсы или квот на выпуск, как могли бы настаивать предыдущие поколения социалистических экономистов. Вместо этого они должны использовать передовые математические методы и теорию игр, чтобы воздействовать на недавно обнаруженные информационные измерения экономической деятельности для создания оптимальных условий. Если, например, у некоторых участников рынка будут веские причины скрывать свои истинные предпочтения, не позволяя свершиться возможной рыночной сделке, какой вид продвинутого учреждения – возможно, аукцион – можно было бы создать для их выявления?

Такое понимание информационной изменчивости рынков привело к появлению совершенно новых исследовательских программ с такими названиями, как «дизайн механиз-

мов» и «рыночный дизайн». Какое отношение все это имеет к социализму? Очень немногое: все, что осталось от прежнего радикализма, – это фигура планировщика, который без какого-либо реального планирования переродился в экономиста-технократа, создающего рынки по запросу. В то время как Хайек в своем самом раннем вкладе в дискуссию об экономическом расчете провел четкое различие между экономистом – главным действующим лицом рыночной экономики – и инженером – главным героем централизованной плановой экономики – постхайековский консенсус в неоклассической экономике привел к странному сочетанию этих двух фигур (Hayek 1935). И по мере того, как мир становится все более цифровым, создание новых рынков, а также исправление существующих стало проще и дешевле: действовать в соответствии с информационными измерениями рыночного обмена теперь можно удаленно, с помощью инструментов цифровых платформ.

«Переизобретая капитализм» принадлежит этой интеллектуальной традиции «рыночного дизайна» – факт, который авторы косвенно признают, встраивая свои аргументы в один ряд с работами экономиста из Стэнфорда Элвина Рота, лауреата Нобелевской премии в области «рыночного дизайна». Его короткая неакадемическая книга на эту тему «Кому что достанется – и почему» (2015) помогла популяризировать эту сферу. Прочтите внимательно – он дает полезные инсайты о том, куда нас могут привести дизайнеры цифровых рынков (Roth 2015). Отмечая «растущую способность экономистов быть инженерами», Рот тоже выдает себя за ученика Хайека, утверждая, что австрийский экономист «понял, что необходимы экономисты, которые помогут разобраться, как проектировать рынки». Но зачем вообще их проектировать? Потому что, ут-

верждает Рот, в реальной жизни всевозможные непредвиденные факторы могут сорвать вальрасовский процесс *tâtonnement*: некоторые участники рынка могут прибыть слишком рано и уйти до того, как их предложение совпадет с чьим-то запросом. Слишком многие участники рынка могут прибыть одновременно, что вызовет «скопление» на рынке. Некоторые могут опасаться делиться своими истинными предпочтениями. Другим может быть запрещено использовать систему цен для расчетов по сделкам: например, на биржах человеческих органов, которые не разрешено продавать.

Эффективные рынки достаточно «плотные» (на них много участников) и хорошо структурированы (они разрешают потенциальные конфликты, возникающие из-за несоответствия во времени, опасений по поводу безопасности или «несовместимости стимулов» между разными участниками). Задача экономиста-инженера состоит в том, чтобы понять действительные правила функционирования рынков, а затем «вмешиваться, изменять их структуру, исправлять их, когда они не функционируют, и внедрять новые, где они будут полезны». Более раннее предположение из трудов Леонида Гурвича 1970-х годов о том, что конкретные условия могут потребовать создания нерыночных форм, осталось в прошлом, что неудивительно, учитывая те виды коммерческих условий, в которых реализуется большая часть рыночного дизайна. Как сказал один видный представитель неолиберального истеблишмента в обзоре книги Рота: «Многие из будущих дизайнеров рынков будут работать в стартапах Кремниевой долины, а не в научных институциях» (Glaeser 2017).

Механизмы рынка: закон и конкуренция

Рыночный дизайн влечет за собой выбор условий для гарантирования транзакций. Пример, приведенный Ротом в книге «Кому что достанется – и почему», основан на разочаровании в связи с мошенничеством продавца, который не смог доставить заказанную мебель, что побудило автора обратиться в суд. Он быстро обнаруживает, что не является единственным, кто жалуется на поведение этого торговца, однако его плохая репутация каким-то образом не стала известна на местном рынке. Если более традиционный экономист мог бы задуматься о капризах контрактной системы, экономист-инженер Рот использует это, чтобы доказать, что цифровые платформы теперь позволяют клиентам ранжировать отдельных продавцов, формализуя их репутацию и делая ее видимой для всех, таким образом снижая риски, связанные с рыночным обменом. Фактически, хотя Рот не исследует это, в цифровую эпоху теперь есть четкий выбор механизмов: можно пойти по правовому пути и дать больше прав покупателям, запретив противоправное поведение со стороны продавцов, или можно использовать механизмы информации, репутации и обратной связи, позволяющие покупателям наказывать за такие проступки задним числом.

Действительно, проблематика книги «Переизобретая капитализм», изначально выстроенная вдоль оси «цена-информация», также делает поворот и вокруг оси «закон-рынок». Дело не в том, что цена уступает место информации: скорее, решения социальных проблем, основанные на логике закона – и, соответственно, на коллективных основаниях, подлежащих демократическому пересмотру, – уступают место решениям, основанным на логике рынка, адаптированного к фигуре атомизированного потребителя. Яркий тому пример –

Uber, существование которого зависит от перекрестного опыления множества механизмов обратной связи. Можно утверждать, что его модель – когда водители и пассажиры оценивают друг друга, а цена поездки в реальном времени реагирует на изменения спроса – является как раз примером того, как цены уступают место информации. Способность Uber собирать и использовать данные о периферийных аспектах транзакций, равно как и о более общих рыночных условиях, в которых они происходят, подрывают центральную роль ценового механизма. Но здесь упускается причина, по которой модель регулируемых такси, существовавших до Uber, не включала даже ту обратную связь, которая могла быть получена в рамках более ранних технологических возможностей. Жесткость тарифов на такси была не следствием ошибочных предположений о цене и информации, а отражением правовых условий, наложенных на владельцев такси: то, что они знали о пассажирах или изменении рыночных условий, не имело значения, поскольку они были по закону обязаны предлагать одну и ту же услугу по одним и тем же тарифам всем желающим. Солидарность для граждан – да, но с точки зрения стартапов – это были времена крайней информационной бедности.

По сравнению с системой, основанной на обратной связи и алгоритмах, эта, казалось бы, архаичная, основанная на законе система, которая предполагает и гарантирует, что пассажиры имеют права, – несомненно, отнимает у поставщиков услуг их прибыль. Переход к «управлению с помощью цифр», как его описывает Ален Супио, обращает вспять этот поток и может даже повысить эффективность рынка (Supiot 2007). Но это достигается за счет отмены некоторых прав – и, вместе с ними, определенного метода мышления о социальной координации с точки зрения институтов солидарности, таких как за-

кон. Хотя это редко упоминается в мейнстримных дискуссиях, различные способы социальной координации обладают разной политической значимостью. Система, которая снижает сложность, делая закон более четким, тем самым перекладывая бремя адаптации к нему на поставщиков – как, например, со стандартами безопасности для лекарств, – избавляет потребителей от беспокойства. Сравните это с системой, которая снижает сложность, используя неявные, нестабильные законы капиталистической конкуренции для того, чтобы побудить как производителей, так и потребителей корректировать свое поведение: какими бы ни были их различия в эффективности, преимущество первой системы заключается в том, что она не дисциплинирует потребителей неявным образом.

То, что было проделано с пассажирами (и водителями), теперь распространяется и на другие домены. Сфера, известная как «алгоритмическое регулирование» – или «Регулирование 2.0», – изучает, как применять механизмы обратной связи в стиле Uber к широкому спектру социальной деятельности (Stemler 2016; Yeung 2018). Sidewalk Labs, подразделение Alphabet, работающее над «исправлением» городов, предложило использовать их для зонирования: почему городские советы должны накладывать ограничения на то, что может быть построено, а не просто позволять капиталистическим девелоперам на собственное усмотрение экспериментировать с местным рынком недвижимости, и вмешиваться только в том случае, если обратная связь – например от соседей, жалующихся на шум, – превышает какой-то порог?

3. Модели социальной координации

Одним из бесспорных вкладов авторов «Переизобретая капитализм» является определение «данных обратной связи» как поля будущих политических баталий. Однако нам необходимо расширить рамки концепции и рассмотреть саму «инфраструктуру обратной связи»: владение и эксплуатация средств производства «данных обратной связи» по крайней мере так же важны, как и вопрос о том, кому принадлежат сами данные. В предстоящих решающих битвах эта «инфраструктура обратной связи» сыграет важную роль в переосмыслении политических проектов как левых, так и правых.

Неолиберальный фидбек

Для неолибералов новая «инфраструктура обратной связи» служит двум широким целям. Во-первых, она может помочь решить проблемы, которые засоряют существующие рынки и снижают их эффективность. Во-вторых, она может блокировать нежелательные решения социальных проблем, в частности решения, которые, как они говорят, «не соответствуют требованиям рынка». По мнению Касса Санстейна, этого можно достичь путем разработки цифровых «подталкивателей» и других систем поведенческого вмешательства, которые заставят пользователей вести себя «рационально» и «поступать правильно». Однако некоторым неолибералам это по-прежнему трудно продать, особенно когда «подталкивание» проводится под эгидой того или иного правительственного департамента[8].

8. Как и следовало ожидать, австрийцы никогда не принимали идею подталкивания, несмотря на ее безупречную неолиберальную родословную. Типичный австрийский взгляд на подталкивание представлен в работе Abigail Devereaux, 'The Nudge Wars: A Modern Socialist Calculation Debate', Review of Austrian Economics, vol. 32, no. 2, June 2019, pp. 139–58.

Более приемлемо выглядит идея о том, что программа обратной связи в стиле Элвина Рота будет осуществляться путем формирования рынков там, где до этого жизнеспособных рынков не было. Политики рыночного дизайна неоднозначны. С одной стороны, это следование в фарватере «инженерного» подхода Рота, от которого веет конструктивистским, рационалистическим, научным мировоззрением – духом геометрии, – против которого Хайек яростно выступал. С другой стороны, внимательное прочтение Хайека в контексте идеологических баталий Холодной войны также обнаруживает у него оправдания конструктивистского вмешательства, особенно в том, что касается «планирования во имя конкуренции»[9]. Действительно, другого выхода может и не быть. Кризисы, осаждающие неолиберализм в момент его глобального триумфа, показали, что без помощи своих неоклассических врагов, вдохновляющихся инженерным подходом, хайекианцы просто не знают, как управлять завоеванным ими миром.

Одно дело проповедовать преимущества «спонтанного порядка» тем, кто выступает за централизованное планирование, но активный демонтаж существующих форм плановой или правовой социальной координации требует предоставления альтернативных форм, которые по крайней мере позволили бы избежать полной анархии и хаоса (приватизированная железнодорожная система Великобритании становится ближе). Можно ожидать, пока возникнет «спонтанный порядок», но терпение общества по отношению к неолиберализму

9. «Дорога к рабству», несмотря на недавнее признание, которое она получила в либертарианских кругах, – это книга, в которой Хайек делает немало таких уступок социал-демократии. Это не осталось незамеченным наиболее ярыми либертарианцами, которые часто отвергают Хайека как «социал-демократа» в душе. Типичное изложение таких обвинений можно найти в работе Walter Block, 'Hayek's Road to Serfdom', Journal of Libertarian Studies, vol. 12, no. 2, 1996, pp. 339–65.

может просто иссякнуть. С политической точки зрения, это слишком рискованная стратегия: неолиберальная программа, реализованная по букве, быстро потеряет свою устойчивость, а вместе с ней и легитимность, основанную на эффективности. Кажется, добавление некоторой доли конструктивизма может иметь большое значение.

Инфраструктура обратной связи и левые

Какую программу левые могли бы предложить для «инфраструктуры обратной связи»? Первоначальный соблазн может состоять в том, чтобы отвергнуть это как оцифрованную версию спонтанного порядка Хайека – скрытую механику неолиберализма, бесполезную для альтернативного прогрессивного проекта. По мнению автора книги «Управление цифрами»[10], с его почти онтологическим различием между законом и цифрами, а также осуждением как коммунизма, так и капитализма за присущее им стремление к количественной оценке, неотложной задачей для левых является защита закона – и духа солидарности, который его формирует, – от атак со стороны власти и управления, движимых обратной связью. Проблема с этой позицией состоит в том, что, даже если ее подозрения в отношении количественной оценки оправданы, у нее нет очевидного способа предотвратить вторжение неолиберальных решений в те области, где закон имеет лишь незначительное влияние. То, что закон является формой социальной координации, кажется неоспоримым, но должен ли он быть единственной формой в арсенале левых? Цифровые технологии, будучи невольными проводниками неолиберализма, глубоко проникли в нашу повседневную жизнь. Насколько устойчи-

10. Alain Supiot,'Governance by Numbers: The Making of a Legal Model of Allegiance', Hart Publishing, 2017

вым будет закон против их политического воздействия? Не приведет ли это в случае успеха в конечном итоге к другим проблемам, так что вместо неолиберализации повседневной жизни нам придется заняться ее бюрократизацией? А как организовать и координировать производство, если количественная оценка запрещена?

Более многообещающим проектом для левых мог бы стать поиск способов развертывания «инфраструктуры обратной связи» для новых, нерыночных форм социальной координации, тем самым бросая вызов неолиберализму с помощью тех самых инструментов, которые он помог создать. Одна из возможностей указывает на крайне противоречивую систему социального кредитования Китая, предусматривающую наказание и вознаграждение за нарушение или соблюдение социальных и политических норм. Однако чрезмерно иерархический способ контроля системы делает ее непривлекательной: ставить право людей на получение услуг в зависимость от их поведения в публичной сфере – это слишком высокая цена за решение проблем социальной координации[11].

11. Неолибералы австрийского толка уже осознали, что битвы за системы идентификации и репутации, подобные той, что была представлена в Китае, составят новую главу дебатов об экономическом расчете в социалистической экономике. О зарождающейся критике «социального кредита» в рамках хайековской парадигмы см. Abigail Devereaux and Linan Peng, 'Give Us a Little Social Credit: To Design or to Discover Personal Ratings in the Era of Big Data', gmu Working Paper in Economics, no. 18–35, 6 December 2018. В каком-то смысле система «социального кредита» представляет собой проблему, которая отличается от централизованного планирования тем, что она является инфраструктурой для изменения основных нормативных основ, а также решеток спецификации, – и делает это в масштабе, – без которого любой отказ от системы цен просто не функционировал бы так эффективно (советский опыт централизованного планирования свидетельствует об этом). Насколько такая переориентация от ценовой системы вписывается в более широкие политические планы китайского правительства – это другой вопрос.

Существует по крайней мере три других возможности. Первая, которую мы могли бы, следуя описанию конкуренции Хайеком, назвать «солидарностью как процедурой открытия», связан с обнаружением новых потребностей и способов их удовлетворения с помощью нерыночных механизмов. Вторая, которую мы могли бы назвать «проектированием не-рынков», касается социальной координации в вопросах, не связанных с производством и потреблением. Третий вариант, который можно назвать «автоматическим планированием», сосредоточен исключительно на координации в экономической сфере.

1. Солидарность как процедура открытия

Напомним, что Хайек, по крайней мере в последние десятилетия своей жизни, рассматривал конкуренцию не только как движущую силу рыночной активности, но и как способ совершения открытий. Благодаря конкуренции потребители открывают новые вкусы, а производители разрабатывают новые методы производства. Представление Хайека о конкуренции как об эвристическом процессе поразительно – оно даже может быть точным. Но каковы бы ни были его достоинства, конкуренция – не единственная процедура открытий, доступная человечеству. Могут ли другие «методы упорядочивания общественных отношений» принести аналогичные преимущества? Централизованное планирование, по словам Хайека, не рассматривается как способ открытия, поскольку в ходе его функционирования обнаруживается мало «неизвестных неизвестных». На самом деле они, как кажется, только множатся, поскольку некогда беспрепятственная адаптация к изменяющейся среде сталкивается с проблемой недостатка знаний, а централизованная бюрократия развивает свои собственные

социальные интересы. Но зачем предполагать, что существует всего две «процедуры открытия» – конкуренция и централизованное планирование? Эта манихейская бинарная система имела политические основания во время Холодной войны, воспроизводя антагонизм между капитализмом и коммунизмом. Попав в эту ловушку, Хайек мало что мог сказать об открытии потенциала других социальных механизмов, помимо конкуренции[12].

Какие формы могут принять эти альтернативные процедуры открытия? Рассмотрим процесс, сосредоточенный на общественной жизни и решении проблем, а не на капиталистическом потреблении, как в теории Хайека. Общественное существование ставит перед нами множество проблем, некоторые из них весьма специфичны и актуальны только для небольших групп людей, другие имеют гораздо более широкое значение. Цифровая «инфраструктура обратной связи» может быть использована для выявления социальных проблем и даже для облегчения их обсуждения путем представления различных концептуальных подходов к рассматриваемым проблемам. То, что считается «проблемой», также может быть от-

12. Акцент Хайека на конкуренции вытекает из его предположения, что это единственная общественная движущая сила, совместимая с эволюционным развитием. Чувства альтруизма и солидарности нашли свое эволюционное применение в примитивных обществах, когда мы жили небольшими социальными единицами, но они оказались недостаточными для жизни в «расширенном рыночном порядке». Таким образом, своеобразная теория культурной эволюции Хайека, основанная на его описании «группового отбора», завершается политически целесообразным выводом о том, что эгоистичное индивидуалистическое поведение в рыночных условиях является единственной нереакционной и благоприятной для эволюции реакцией. Одним из следствий этого является то, что любые процедуры открытия, основанные на солидарности, альтруизме или любых других неиндивидуалистических социальных практиках, отвергаются с самого начала, – они являются возвратом в прошлое и, в любом случае, логистически невозможны в

крыто для дебатов, – граждане могли бы привлекать союзников и убеждать других в достоинствах собственного прочтения конкретных проблем и предлагаемых решений. Такая формулировка предполагает, что демократические процедуры, основанные на обсуждении, сами по себе могут быть способами решения проблем и средствами социальной координации.

Можно представить себе использование цифровой инфраструктуры обратной связи для подбора «искателей проблем», которые будут выражать свои потребности и проблемы и реагировать на те, которые уже найдены другими, – либо явно, озвучивая или записывая их, либо «автоматически», посредством машинного обучения, либо – с помощью «решателей проблем», оснащенных дешевыми, но мощными технологиями и навыками их использования. После того, как эти две группы будут «подогнаны» под инфраструктуру обратной связи, деятельность «решателей проблем» может сделать неявные потребности «искателей проблем» ощутимыми и явными, добавив их в пул решений, которые затем могут быть использованы другими «решателями проблем». Если предположить, что это будет происходит вне коммерческой сферы, то не возникнет никаких барьеров, таких как патенты, препятствующих обмену знаниями.

современном расширенном порядке. Будучи всего лишь эволюционистом-любителем, Хайек сделал рискованную ставку, и многие из его сверстников стремились дистанцироваться от его эволюционного поворота, особенно от его последней работы «Роковое тщеславие». Однако использование Хайеком «группового отбора» восходит к 1960-м годам, и его нельзя объяснить его преклонным возрастом. Этот подход также оказал влияние на его трилогию о законе и свободе, в частности на обширный эпилог к ее последнему тому. В книге Наоми Бек «Хайек и эволюция капитализма» (Naomi Beck, 'Hayek and the Evolution of Capitalism', Chicago, 2018), всесторонне исследующей его эволюционистское мышление, делается убедительный вывод о том, что оно страдает «несогласованностью, отсутствием подтверждающих данных и пренебрежением к теориям, которые его вдохновили».

Совместное решение проблем в социальной сфере уже в некоторой степени происходит. «Хакатоны» – один из примеров, когда неправительственные гражданские организации, которые ищут решения для своих проблем, объединяют усилия с благонамеренными хакерами, знающими, как этого достичь. Вряд ли они могли бы встретиться при других обстоятельствах. Первоначальная посылка «хакатонов» – до того, как они были кооптированы сектором развития и Кремниевой долиной – состояла в том, что альтруизм и солидарность должны стать движущей силой сотрудничества между «поставщиками» и «потребителями» решений. В принципе, эти процессы можно было бы расширить в гораздо большем масштабе, учитывая достаточно быстрые и всеобъемлющие системы обратной связи с соответствующими алгоритмами.

Обязательно ли способы совместных открытий такого типа обнаружат меньше, чем действующие посредством конкуренции Хайека? Нынешние экономические условия, возможно, отдают предпочтение открытиям, основанным на конкуренции, а не процессам, основанным на солидарности, но это не естественное или неизбежное положение дел, это не результат эволюции, как утверждал Хайек. Скорее, это следствие политического вмешательства, вызванного отказом Хайека от неиндивидуалистических, альтруистических альтернатив. Было бы тавтологией сказать, что неолиберализм, который стремился сделать конкуренцию единственным способом открытий, также поддерживает открытия, осуществляемые через конкуренцию. Вера в то, что капиталистическая конкуренция всегда будет приносить больше знаний, чем другие процедуры открытий, требует от нас веры, например, что мы узнаем больше о мире, когда действуем как потребители, чем когда действуем как родители, студенты или граждане, и что наши че-

ловеческие потребности лучше выражаются на потребительском языке конкуренции, чем в любых других терминах. В сфере производства можно было бы поверить, что нацеленность на инновации, «обусловленная» у конкурирующих производителей законами движения капитала, приведет к большим улучшениям в общественном бытии, чем императивы, побуждающие нерыночных «решателей проблем» – экологические соображения, возможно, – самостоятельно добиваться снижения затрат. К тому же конкуренция не всегда способствует открытиям. Сам Хайек понимал, что права интеллектуальной собственности, исторически являющиеся важной опорой капиталистического развития, воздвигают препятствия на пути к открытиям, но, похоже, они стали постоянной чертой его любимой системы. У процедур открытия, основанных на солидарности, такой проблемы нет.

2. Конструируя «не-рынки»

Хотя неолиберализм всегда отдает предпочтение рынкам и ценам, его технологии помогают создавать возможности для их преодоления. На одну из них указывает работа Элвина Рота по разработке неценовых способов сопоставления доноров органов с потенциальными реципиентами: как только предпочтения всех участников сделки будут четко выражены, можно отказаться от системы цен и найти другие способы распределения ограниченных ресурсов. С левой перспективой связана и другая возможность использования инфраструктуры цифровой обратной связи – это проектирование «не-рынков». Однако есть несколько проблем с применением таких решений в более широком масштабе. Во-первых, чем больше участников сделки и чем больше предпочтений они выража-

ют, тем сложнее процесс сопоставления и поиска совпадений. Во-вторых, рынки предоставляют средства социальной координации, которые выходят далеко за рамки простого распределения существующих ресурсов между фиксированным числом сторон с четко заявленными предпочтениями. Что делать, если количество сторон неизвестно, предпочтения нечеткие, нет готовых ресурсов для распределения, а внешняя среда становится все более сложной? Здесь может помочь «инфраструктура обратной связи», которая способна заменить рынки столь же тщательно спроектированными институтами, использующими информационные потоки для решения сложных проблем, – это вторая функция, которую Хайек возложил на конкуренцию.

В этом контексте можно обратиться к наследию кибернетики. Показательно, что «Переизобретая капитализм» посвящает несколько абзацев критике работы Стаффорда Бира, британского кибернетика, который помог правительству Сальвадора Альенде построить очень простую «инфраструктуру обратной связи» для чилийской экономики в начале 1970-х годов. Понимание авторами проекта Бира кажется рудиментарным, и они используют его в основном для нападок на правительственных «подталкивателей», таких как Касс Санстейн[13], – странный выбор, учитывая, что чилийский проект не пытался влиять на индивидуальное поведение, и что Бир прямо предостерегал от попыток воздействовать на индивидуальное поведение цифровыми средствами. Предложенные Биром методы решения проблемы сложности сильно

13. Касс Санстейн – американский ученый в области юриспруденции и политический активист. Специализируется на конституционном, административном и экологическом праве, а также занимается поведенческой экономикой. Один из авторов теории подталкивания. В 2009—2012 годах при администрации Обамы занимал должность главы Управления по делам информации и регулирования (OIRA) в Белом Доме. – *Прим. пер.*

отличались от предложений Хайека, хотя эти двое – они коротко встречались на конгрессе по кибернетике в начале 1960-х – начинали с аналогичных предпосылок. Бир тоже считал, что сложность возрастает, и что старые способы ее минимизировать – например, религиозные эдикты, предписывающие строгие правила индивидуального поведения – больше не работают. Но сама общественная жизнь предоставляет многочисленные примеры намеренных усилий по уменьшению сложности, наиболее очевидными из которых были институты. Фирмы – искусственные образования по любым стандартам – делают это в рыночной сфере. Библиотеки, университеты, системы дорожного движения и системы измерения являются примерами намеренно созданных организаций, способных справляться со сложностью в нерыночных сферах.

В то время как Хайек никогда не предлагал убедительной теории о том, как удовлетворить требования конкурирующих «спонтанных заказов», Бир посвятил свою жизнь развертыванию кибернетических инструментов с тем, чтобы рыночные и нерыночные институты могли быть более отзывчивыми к требованиям растущей социальной сложности. Это означало создание устойчивых информационных потоков внутри системы, а также между системой и средой, что обеспечивает своевременную самостоятельную трансформацию внутренних компонентов и адаптацию системы к меняющимся внешним условиям[14]. Бир представлял себе «спонтанные порядки» как принадлежащие друг другу рекурсивным образом, например дом внутри квартала внутри города, и структурированные организационным разделением труда, при этом некоторые ча-

14. По этому вопросу Бир и Хайек были полностью согласны. О том, что может потребовать «изменение внешней среды», см. F. A. Hayek, 'Notes on the Evolution of Systems of Rules of Conduct' [1967], in The Market and Other Orders, p. 282.

сти отвечают за постановку системных целей, а некоторые – за разработку стратегий для их достижения, другие – за обслуживание системы. Таким образом, общая сложность данного «спонтанного порядка» является функцией отношений между этим порядком и его внешней средой, а также между распределением и исполнением функций внутри него.

Согласно Биру, существует два способа уменьшить сложность. Во-первых, с помощью правил, стандартов, этических запретов и т.п. Можно сделать более единообразным внутреннее поведение частных спонтанных порядков – Бир называл это «ослаблением разнообразия». Во-вторых, можно попытаться обнаружить возникающую сложность на раннем этапе, перепроектировать основную организационную структуру, чтобы справиться с ней – и, вместо стандартизации ответов отдельных компонентов, дать им, насколько это возможно, такую же автономию и власть в преодолении их собственных локальных проявлений сложности. Бир назвал это «усилением регулятивного разнообразия». Два режима нацелены на очень разные результаты: первый стремится сделать систему более согласованной за счет уменьшения любых ненужных вариаций в составляющих ее частях, а второй стремится сделать ее более сложной, чтобы соответствовать сложности внешней среды. Как уменьшить сложность – как определить оптимальный уровень вмешательства, а также правильное сочетание «ослабления разнообразия» и «усиления регулирующего разнообразия» – оставалось открытым вопросом. Как выразился Бир в «Конструировании свободы»:

> Точная форма ослабления разнообразия – это вопрос локального решения. Критическая ошибка, которую мы совершаем, состоит в том, что мы принимаем решения, ослабляющие разнообразие, на неправильном уровне ре-

> курсии. Вот как теряется свобода, и именно это порождает нестабильность, которая грозит стать катастрофой. Ведь модель всей системы просто не имеет необходимого разнообразия для уравновешивания местных гомеостатов. Они, в свою очередь, лишены разнообразия, необходимого для поиска собственных устойчивых точек[15].

На этом фоне кибернетическая модель общества Хайека выглядит упрощенной. Капиталистическая конкуренция – общий регулятор системы – была для него средством, с помощью которого осуществлялась коммуникация изменений в правилах и нормативных ориентациях, которых затем придерживались мельчайшие системные единицы, обеспечивая таким образом «ослабление разнообразия». С другой стороны, концепция Бира об обществе как состоящем из рекурсивных порядков, показывает, что императивы и предписания, налагаемые на локальные «стихийные порядки» капиталистической конкуренцией – одним из самых внешних слоев общей общественной системы – также могут сильно ограничивать адаптивные способности локальных гомеостатов и сокращать их возможности разрешать проблемы[16]. Поскольку конкуренция не может решить все проблемы, возникающие на этих более низких уровнях, и действительно ограничивает способность этих уровней реагировать более эффективно, общая сложность увеличивается, вызывая нестабильность.

15. Основанная на лекциях Бира 1973 года, книга «Конструирование свободы» (‘Designing Freedom’, Toronto, 1974) предлагает краткое введение в его идеи.
16. Разработка Биром того, как внешние слои системы – он рассматривает средства массовой информации и военно-промышленный комплекс – ограничивают набор вариантов и будущих путей, воспринимаемых актором в текущем порядке, изложена в работе Бира ‘The Will of the People’, Journal of the Operational Research Society, vol. 34, no. 8, August 1983, pp. 797–810. Описание Биром иерархии общественных порядков и ограничений, которые они накладывают друг на друга, – вот что от-

Бир утверждал, что достижения в области информационных технологий могут резко усилить «регулирующее разнообразие», одновременно подтолкнув «ослабление разнообразия» к самым низким возможным уровням системы, где это нанесет наименьший ущерб. Информационные технологии должны иметь возможность предлагать более точную картину внешней сложности в режиме реального времени и проверять, адекватны ли планы действий системы по решению этой проблемы на случай непредвиденных обстоятельств. Бир выдвигал идею «плана самоотключения», который ликвидирует себя, если внешние обстоятельства изменились (Beer 1969). Во-вторых, технологии позволяют пристально и непрерывно наблюдать за внутренней динамикой системы и упрощают изменение ее организационной структуры в соответствии с требованиями внешней среды. После того, как внешняя и внутренняя сложности будут изучены и поняты, появится возможность изобрести некоего рода «хак» (hack). Бир однажды привел пример составления расписания и распределения классов в загруженной школе: очень сложная проблема социальной координации решается с помощью простой двухмерной диаграммы.

С точки зрения Бира, точное распределение между двумя решениями – ограничивать ли поведение отдельных частей (например, граждан или клиентов) или усиливать регулирующую способность, институциональную и информационную пластичность системы или систем, частью которых она является, – должно определяться демократическим путем. Второе решение предпочтительнее, поскольку предоставляет

личает его работу от, скажем, Никласа Лумана, который начал с тех же кибернетических предпосылок, но пришел к совершенно другим выводам.

гражданам большую автономию. Таким образом, Бир выступал за то, чтобы сделать планирование, вычисление и координацию инфраструктуры бесплатными и доступными для всех, чтобы отдельные институции, которым поручено снижать сложность в их собственном контексте, могли найти собственные оптимальные решения. Это не то же самое, что и неолиберальное представление о «большом обществе», где люди должны самостоятельно решать свои проблемы, поскольку социальные альтернативы, испытывающие нехватку ресурсов, разрушаются. Вместо этого стоит стремится к тому, чтобы радикальная демократия объединила свои силы с «радикальной бюрократией», – так можно воспользоваться преимуществами передовой инфраструктуры для планирования, моделирования и координации. Эта комбинация должна, как минимум, привести к решениям, столь же эффективным, как и решения «спонтанного порядка» Хайека, но при этом не перекладывать все затраты по адаптации на самих граждан и не устанавливать слишком много барьеров для механизмов, разрешающих проблемы локальных систем.

Примечательно, что не все неолибералы с этим не согласны. Одним из самых ярких достижений в неолиберальной теории и практике последнего десятилетия стала явная уступка некоторых неохайекианцев в отношении того, что информационные технологии могут обеспечить эффективные методы социальной координации в средах, где отсутствуют ценовые сигналы (Sutter and Smith 2017; Chamlee-Wright and Myers 2008; Chamlee-Wright and Storr 2015). Что касается конструирования рынков, то неохайекианское стремление к неценовым формам социальной координации в основном обусловлено политическими потребностями удержания неолиберализма на плаву путем атак на забронзовевшее админи-

стративное государство. Если приручение Левиафана сейчас означает, что неолибералы должны проповедовать достоинства децентрализованного гражданского общества, «социальной экономики», всеобщего достояния по Остром или «полицентричных порядков», – хотя это все еще не операистская автономия, но близко к ней! – то мы будем перед ними в долгу.

Это ведет к поистине причудливой перемене идеологических позиций. Некоторые вдохновленные Хайеком исследователи считают политически выгодным признать существование других форм социальной координации помимо системы цен, при условии, что они также могут утверждать, что децентрализованные социальные группы – неправительственные и благотворительные организации, церкви – могут использовать информационные технологии, чтобы добиться больших результатов при координации помощи при стихийных бедствиях, чем централизованная правительственная бюрократия. Однако, как только неолибералы признают это, они становятся уязвимыми на других фронтах: почему децентрализованная правительственная бюрократия, переформатированная в соответствии с предложенными Биром направлениями и полностью включенная в демократическую «инфраструктуру обратной связи», не может сделать работу хотя бы настолько же хорошо, как, скажем, церкви, если не лучше? После того, как социальная координация будет освобождена от тяжелого идеологического багажа системы цен, нет веских теоретических причин предполагать, что государственные институты всегда будут уступать частным в том, что касается управления сложностью.

3. Децентрализованное планирование

Какую роль может играть «инфраструктура обратной связи» в координации экономической деятельности в целом? В течение некоторого времени левые экономисты и активисты пытались возобновить дискуссию об экономических расчетах в социалистической экономике, утверждая, что последние достижения в сборе данных и вычислениях сделают работу Центрального совета по планированию Ланге намного проще (Cottrell and Cockshott 2003; Dyer-Witheford 2013; Bălţătescu and Prisecaru 2009; Limas 2018). Последователи Хайека и Мизеса разработали стандартный ответ на такие аргументы, указав на потери в эффективности, связанные с переходом от ценового механизма, скажем, к системе, использующей трудовую стоимость в качестве основы для расчетов. Неолибералам относительно легко в таких дебатах, поскольку призрачное присутствие централизованного планирования в предлагаемой альтернативной экономической системе позволяет им обратиться к проблеме знаний Хайека. Но есть ли способ переосмыслить социалистическую позицию таким образом, чтобы не предполагалось использовать ни централизованное планирование, ни возвращаться обратно к системе цен?

Процессы потребления и производства сильно изменились с межвоенного периода, и многие из первоначальных допущений спора об экономическом расчете больше не применимы, включая предполагаемые достоинства централизованного планирования. Что касается потребления, то предсказательная способность больших данных может предугадывать наши предпочтения лучше, чем мы сами. Тот факт, что Amazon получил патент на «упреждающую доставку», позволяющую доставлять товары еще до того, как мы пой-

мем, что они нам нужны, предполагает, что «инфраструктура обратной связи» может прогнозировать и удовлетворять наши потребности способами, невообразимыми для планировщиков прошлого. Эта способность к прогнозированию является функцией не таинственной работы ценовой системы, а накапливаемых платформами данных. Точно так же 3D-принтеры могут обеспечить дешевое и гибкое производство без необходимости крупных вложений в основной капитал.

Некоторые технологии действительно требуют значительных вливаний капитала, и искусственный интеллект является подходящим примером. Но текущий способ финансирования разработки ИИ, когда дюжина гигантских фирм в США и Китае тратят десятки миллиардов долларов на обучение своих систем для развития идентичных способностей классификации лиц и звуков, не обязательно самый эффективный способ обеспечить его продвижение. Используя другую модель финансирования, можно было бы демократизировать доступ к искусственному интеллекту, получая при этом большую отдачу от каждого вложенного доллара. Бесплатный универсальный доступ к аддитивному производству и искусственному интеллекту может облегчить создание действительно инновационных продуктов при относительно небольшом бюджете.

В этом новом контексте вряд ли для левых будет продуктивно и дальше выступать за использование более мощных компьютеров для расчета цен на ресурсы Центрального совета по планированию или за сохранение централизованной бюрократии со всеми вытекающими отсюда политическими проблемами. Зачем настаивать на централизованном планировании, если задействование инфраструктуры цифровой обратной связи может помочь обеспечить более децентрализо-

ванную, автоматизированную альтернативу без аппаратчиков? Самая амбициозная попытка обрисовать, как может выглядеть такая альтернатива – подумайте о «гильдейском социализме» в эпоху больших данных – была предпринята американским радикальным экономистом Даниэлем Саросом в его строгой, ясной и несправедливо игнорируемой книге «Информационные технологии и построение социализма» (Saros 2014). В плане Сароса есть некоторые пробелы и упущения, а уровень развития технологий, доступный в 2019 году, намного выше, чем он был даже пять лет назад. Тем не менее, представленное в книге видение вдохновляет и поддерживает тех, кто ищет альтернативные способы координации экономической деятельности в больших масштабах. После исчерпывающего резюме позиций сторон в дискуссии об экономическом расчете, Сарос утверждает, что экономисты-социалисты не могли представить себе более совершенную, более децентрализованную форму планирования просто потому, что не имели в своем распоряжении адекватных технологий. Однако технологии, которые он имеет в виду, это не те технологии, которые используются для решения уравнений или вычислений Центральным советом по планированию, – он говорит о технологиях, поддерживающих своего рода «инфраструктуру обратной связи», описанную ранее.

Элегантное решение Сароса включает различные способы применения системы цен для социальной координации, оставляя одни и заменяя другие самой «инфраструктурой обратной связи». В центре его системы стоит Общий каталог, что-то вроде гибрида Amazon и Google, где производители, организованные в «рабочие советы», похожие на гильдии, – стартапы под руководством рабочих, если хотите, – презентуют свои продукты и услуги способом, знакомым пользовате-

лям Apple App Store или Google Play Store. Потребители, оснащенные уникальной цифровой идентификационной картой, обращаются к каталогу для регистрации своих потребностей в течение так называемого «периода регистрации потребностей» в начале каждого производственного цикла. Они ранжируют товары, в которых нуждаются, указывая их количество для следующего цикла. Потребители по-прежнему могут покупать товары, которые они не запрашивали, после окончания периода регистрации потребности, но они получают более высокие бонусы, если их покупки не отклоняются от первоначальных запросов. Чтобы побудить потребителей заказывать не больше, чем им на самом деле нужно, бонусы предоставляются за покупку меньшего количества товаров, чем потребляет средний потребитель. Бонусы могут начисляться также, например, за длительное пребывание на одном месте работы – затем они добавляются к универсальному базовому доходу, который получают все граждане.

В конце этапа регистрации потребностей производители, чьи продукты ранжируются в Общем каталоге в стиле Amazon, рассчитывают ожидаемые производственные показатели и регистрируют свои потребности в ресурсах в Каталоге. В своих расчетах они учитывают рейтинги, влияющие на бонусы работникам. Производители могут уточнить свои производственные показатели, используя паттерны потребления, анализируемые с помощью больших данных, а также предварительные спецификации потребностей потребителей. Эта информация также позволяет обобществить любой дефицит, поскольку можно рассчитать долю от общего остаточного предложения товара, на которую имеет право конкретный потребитель, с учетом потребностей, выраженных всеми другими гражданами. Рабочие советы принимают решение о цене, взи-

маемой за каждый продукт, но, поскольку они не стремятся к получению прибыли, их компенсация не привязана к продажам или прибыли, поэтому их основным критерием при установлении цены является избавление от всех запасов до начала следующего производственного цикла. Если спрос на них будет особенно низким, некоторые товары можно будет раздавать бесплатно.

Это лишь основы сложной системы, описанной в замечательной работе Сароса. Некоторые из его идей, безусловно, оскорбят людей с эко-социалистическими взглядами: потребителям разрешено выражать и удовлетворять все свои желания, даже чрезмерные, хотя есть встроенные стимулы, такие как бонусы, вознаграждающие умеренное потребление. Некоторые критики, такие как Супиот, могут отметить, что зависимость системы от механизмов обратной связи и рейтингов – это высокая цена, особенно потому, что такая система опирается на количественную оценку, подвергающуюся острой критике. С другой стороны, система Сароса может помочь свести к минимуму власть, которая обычно достается технократическому классу: хотя Сарос признает, что роль системных администраторов и ученых, оценивающих дефицит ресурсов, будет в чем-то напоминать классическую роль, отводимую бюрократам.

Насколько реалистична система Сароса? Изучив то, как крупные технологические компании организуют свои платформы, легко убедиться, что некоторые аспекты его системы уже работают. Amazon, например, вознаграждает клиентов более низкими ценами за регистрацию их ожидаемых будущих потребностей и «подписку» на периодические поставки регулярно потребляемых продуктов. Компания также тщательно изучает поисковые запросы и предложения других по-

ставщиков в своем собственном «общем каталоге», чтобы найти незаполненные ниши на рынке. Демократизация доступа к этой информационной инфраструктуре, которая позволила бы всем производителям опираться на эту новую информацию о товарах, несомненно, приведет к созданию системы, гораздо менее централизованной, чем сегодняшняя, где одна компания (Amazon) монополизировала все планирование на основе этих данных. Можно спорить о деталях системы Сароса, но бесспорно, что это не модель, основанная на «централизованном планировании» в любом формальном определении этого термина. Да, существует множество моделей рынка, а также множество моделей социальной координации, основанных на информации, а не на ценах. Но к нынешнему моменту даже неохайекианцы признали, что это приемлемо. При системе Сароса ценовой механизм сохраняет некоторые из своих функций, но, будучи подчинен некапиталистической этике, он не будет играть никакой роли в установлении уровня компенсации.

За обобществление средств производства обратной связи!

Все три проекта – «солидарность как открытие», «проектирование не-рынков» и «автоматическое планирование» – намекают на мир, в котором растущая сложность не считается неизменным фактом, и где конкуренция – не единственный способ справиться с ситуацией. Информационные технологии, в свою очередь, будут рассматриваться как средство обнаружения пластичности социальных и экономических контрактов, для «развязывания узлов», таких как цены, различные функции которых ранее были объединены воедино, что до сих пор

принималось как само собой разумеющееся. Прогресс на любом из этих фронтов может стать большим достижением для левых. Но такого прогресса не будет, если средства создания альтернативных способов социальной координации – «инфраструктура обратной связи» – останутся исключительной собственностью технологических гигантов.

Если дискуссия об экономическом расчете чему-то нас и учит, так это тому, что левым не следует тратить время на обсуждение достоинств ценового механизма в отрыве от его встроенности в более широкую систему капиталистической конкуренции, которая порождает неценовые знания – репутацию и т.п. – и производит всеобщие общественные нормы и шаблоны разборчивости, которые позволяют системе цен делать столь многое столь малым. Хотя верно то, что ценовая система, оцениваемая с ее собственных позиций, представляет собой чудо социальной координации, верно также и то, что без капиталистических рынков ее не существовало бы. Таким образом, имеет смысл стремиться к более всесторонней оценке, рассматривая то, как существование капиталистической конкуренции – и капитализма в целом – влияет на социальную координацию как таковую. Социальная координация может быть опосредована целой экологией механизмов, включая законодательство, демократическую дискуссию, децентрализованную «радикальную бюрократию» и контроль обратной связи, а также систему цен. Рассмотрим, например, циркулирующие в капиталистических экономиках неценовые знания, которые не только информируют систему цен, но и формируют нашу оценку экстренности угроз, помогая принимать ответные меры. Чем точнее эта информация, тем больше вероятность того, что мы сможем обеспечить социальную координацию при решении задач, которые, например изменение

климата, имеют решающее значение для выживания видов.

Однако капиталистическая конкуренция часто ведет к замутнению этих знаний, что делает точную оценку ситуации практически невозможной. После неолиберального поворота конкуренция все больше становится процедурой, не связанной с открытиями. Рассмотрим энергетические компании или фармацевтические фирмы, которые сознательно создают невежество, избирательно финансируя ученых и аналитические центры. Или медиа и военно-промышленный комплекс, определяющие, что общественность думает о последней войне. Или все более приватизированная система образования, не способная «открывать» знания, трудно поддающиеся количественной оценке. Или рейтинговые агентства, бизнес-модели которых часто состоят в сокрытии реального состояния фирм, которые они должны оценивать. Целая академическая индустрия – под причудливым названием «агнотология» – возникла для изучения производства такого искусственного невежества и его использования капиталистическими фирмами (Proctor and Schiebinger 2008; Crouch 2016). Наилучшим возможным результатом этого исследования была бы повторная калибровка того, как мы оцениваем сравнительные преимущества различных систем социальной координации, и смещение фокуса с измерения исключительно их вклада в экономическую эффективность на оценку их способности воспринимать экзистенциальные социальные проблемы во всей их сложности и предлагать возможные решения.

Идеологический осадок Холодной войны с ее бинарным выбором между централизованным планированием и системой цен заслонил существование этой более широкой экологии способов социальной координации. Освободительное обещание информационных технологий состоит в том, чтобы за-

ново открыть и обогатить этот репертуар, одновременно вскрывая высокие невидимые издержки, связанные с опорой на нынешний доминирующий способ социальной координации – капиталистическую конкуренцию. Учитывая такую возможность, повестка дня неолиберального истеблишмента ясна. С одной стороны, они сплотятся под лозунгом «Альтернативы (Гуглу) не существует», изображающим любой отход от картелизированной модели Кремниевой долины – или, по крайней мере, любые шаги, которые осмелятся выйти за рамки потребительской утопии «Новой сделки по данным» – как еще один шаг на пути к крепостному праву. С другой стороны, с помощью «умной» капиталистической логики цифровых платформ они продолжат заполнять пустующие ниши в социальных и политических пространствах, имевших ранее свою собственную логику и способы деятельности.

Таким образом, левым следует сосредоточиться на сохранении и расширении экологии различных форм социальной координации, а также на документировании больших затрат, необходимых для открытий исключительно через конкуренцию. Между тем эта миссия будет практически невозможна без восстановления контроля над «инфраструктурой обратной связи». Противоречие между совместными формами открытия знаний и частной собственностью на средства цифрового производства уже становится очевидным в процессах «коллегиального производства», давно воспеваемых либеральными учеными-правоведами, используемых при производстве бесплатного программного обеспечения или таких сервисов как Википедия. При нынешней модели частной собственности, насаждаемой Кремниевой долиной, инфраструктура обратной связи вряд ли поддастся радикально-демократическим преобразованиям. Свобода, как давно поняли неолибералы, должна быть сплани-

рована, но и их «спонтанный порядок» – тоже. В отсутствие такого планирования спонтанность быстро превращается в одностороннюю адаптацию к внешней реальности. Это может быть приемлемым – даже желательным – направлением развития для консерваторов, но оно должно быть проклято левыми.

Библиография

Beer, Stafford. 2019.'The Aborting Corporate Plan: A Cybernetic Account of the Interface Between Planning and Action', in Erich Jantsch, ed., Perspectives of Planning, Paris 1969, pp. 397–422.

Bockman, Johanna. 2011. Markets in the Name of Socialism: The Left-Wing Origins of Neoliberalism, Stanford 2011.

Broughton, Kristin. 2019. 'bb&t-SunTrust Tie-Up Brings Tech Budgets into Focus', wsj, 7 February 2019; Noonan, Laura and Patrick Jenkins. 2019. 'Citigroup CEO Says Machines Could Cut Thousands of Call Centre Jobs', Financial Times, 18 February 2019.

Cohen, G. A. 2009. Why Not Socialism?, Princeton 2009, p. 57.

Chamlee-Wright, Emily and Justus Myers. 2008. 'Discovery and Social Learning in Non-Priced Environments: An Austrian View of Social Network Theory', Review of Austrian Economics, vol. 21, no. 2–3, January 2008

Chamlee-Wright, Emily and Virgil Henry Storr. 2015. 'Social Economy as an Extension of the Austrian Research Programme', in Peter J. Boettke and Christopher Coyne, eds, The Oxford Handbook of Austrian Economics, Oxford 2015, pp. 247–71.

Cottrell, Allin and W. Paul Cockshott. 1993. 'Calculation, Complexity and Planning: The Socialist Calculation Debate Once Again', Review of Political Economy, vol. 5, no. 1, 1993, pp. 73–112

Cottrell, Allin and W. Paul Cockshott. 2003. 'Computers and Economic Democracy', New Historical Project, 8 April 2003

DeFrancesco, Dan. 2019. 'Here's a Breakdown of How Much us Banks Are Spending on Technology', Business Insider, 28 March 2019; Nash, Kim. 2019. 'Amazon, Alphabet and Walmart Were Top IT Spenders in 2018', wsj, 17 January 2019.

DeFrancesco, Dan. 2019. 'A New Study Found JP Morgan and Bofa Are Winning Wall Street's Technological Arms Race', Business Insider, 28 March

2019.
Dyer-Witheford, Nick. 2013. 'Red Plenty Platforms', Culture Machine, vol. 14, 2013; Ionela Bălţătescu and Petre Prisecaru, 'Computability and Economic Planning', Kybernetes, vol. 38, no. 7–8, 2009, pp. 1399–1408
Eckstein, Alexander. 2019. Comparison of Economic Systems: Theoretical and Methodological Approaches, Berkeley 1971, p. 93.
Hayek, F. A. 1935. 'The Nature and History of the Problem', in F. A. Hayek, ed., Collectivist Economic Planning, London 1935.
Hayek, F. A. 1948/2014. 'The Meaning of Competition' [1948], in Bruce Caldwell, ed., The Collected Works of F. A. Hayek: The Market and Other Orders, vol. 15, Chicago 2014, p. 109.
Glaeser, E. L. 2017. 'A Review Essay on Alvin Roth's Who Gets What—And Why', Journal of Economic Literature, vol. 55, no. 4, December 2017, pp. 1602–14.
Limas, Erick. 2018. 'Cybersocialism: A Reassessment of the Socialist Calculation Debate', 4 February 2018, available at ssrn.
Mayer-Schönberger, Viktor and Thomas Ramge. 2018. Reinventing Capitalism in the Age of Big Data, New York 2018, p. 216. Henceforth, rc.
Mirowski, Philip and Edward Nik-Khah. 2017. The Knowledge We Have Lost in Information: The History of Information in Modern Economics, Oxford 2017.
Mostowyk, Lauren. 2019. 'Global Fintech Investment Rockets to a Record $111.8B in 2018, Driven by Mega Deals', kpmg, 13 February 2019. This included Blackstone's $17 billion investment in Refinitiv, a Thompson Reuters spin-off.
Moudud, Jamee and Cyrus Bina and Patrick Mason. 2012. Alternative Theories of Competition: Challenges to the Orthodoxy, Abingdon and New York 2012.
Pentland, Alex. 2008. 'Reality Mining of Mobile Communications: Toward a New Deal on Data', Global Information Technology Report, 2008–09, Geneva 2009, pp. 75–80.
Phillips, Leigh and Michal Rozworski. 2019. The People's Republic of Walmart: How the World's Biggest Corporations are Laying the Foundation for Socialism, London and New York 2019.
Roth, Alvin. 2015. Who Gets What—and Why: The New Economics of Matchmaking and Market Design, New York 2015.
Saros, Daniel. 2014. Information Technology and Socialist Construction: The End of Capital and the Transition to Socialism, Abingdon and New York 2014.
Stemler, Abbey. 2016. 'Regulation 2.0: The Marriage of New Governance and Lex Informatica', Vanderbilt Journal of Entertainment & Technology Law, vol. 19, no. 1, 2016, pp. 87–132
Sutter Daniel and Daniel Smith. 2017. 'Coordination in Disaster: Nonprice

Learning and the Allocation of Resources after Natural Disasters', Review of Austrian Economics, vol. 30, no. 4, December 2017, pp. 469–92
Supiot, Alain. 2017. Governance by Numbers: The Making of a Legal Model of Allegiance, Oxford 2017. See also his earlier work on the law as an instrument of solidarity: Homo Juridicus: On the Anthropological Function of the Law, London and New York 2007.
Proctor, Robert and Londa Schiebinger. 2016. Agnotology: The Making and Unmaking of Ignorance, Stanford 2008. Colin Crouch, without explicitly using the term, has recently discussed the ignorance-inducing nature of modern capitalism in The Knowledge Corrupters: Hidden Consequences of the Financial Takeover of Public Life, Cambridge 2016.
Yeung, Karen. 2018. 'Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation', Regulation & Governance, vol. 12, no. 4, December 2018, pp. 505–23.
Zuboff, Shoshana. 2019. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power, New York 2019; Albert Wenger, World After Capital, available in open-source form at GitBook.

Левый популизм и капитализм платформ

Ник Дайер-Уитфорд

1. Вступление

В последнее десятилетие в условиях экономического кризиса и рецессии в Европе и Северной Америке возникли новые левые электоральные партии и партийные фракции. В Европе к ним относятся «Подемос» (Podemos) в Испании, «Левые» (Die Linke) в Германии, «Восставшая Франция» (La France Insoumise) во Франции, Лейбористская партия Джереми Корбина в Великобритании. Есть также партии, которые когда-то могли называться «левыми», и для которых это обозначение сейчас кажется сомнительным, например, греческая «СИРИЗА» (Syriza) и итальянское «Движение пяти звезд» (Movimento 5 Stelle). В Соединенных Штатах сторонники Берни Сандерса, Александрии Окасио-Кортес и (по некоторым мнениям) Элизабет Уоррен стали примером возрождения левых сил в Демократической партии. В Канаде список игроков пополнился организацией «Солидарный Квебек» (Québec Solidaire). Некоторые

Переведено по изданию: Dyer-Witheford, Nick. Left Populism and Platform Capitalism. tripleC 18(1): 116-131, 2020.

из этих партий и партийных фракций (далее для экономии – «партии») называют себя «социалистами» или «демократическими социалистами». Однако другие организации из этой новой формации стремятся отличаться от старых социалистических или социал-демократических партий, чей нынешний консерватизм они отвергают. Некоторые обозреватели говорят о «партийных движениях против жесткой экономии» (Della Porta et al. 2017), но эта формулировка является одновременно неуклюжей и слишком общей, поскольку различные правые движения также вышли из эпохи жесткой экономии. Более полезной концепцией является «левый популизм» Шанталь Муфф (Mouffe 2018), обозначающий электоральные партии, утверждающие, что они представляют народ в борьбе против чуждых интересов, интересов, которые с точки зрения правого популизма воплощают либеральные элиты или иностранные мигранты, а в левом популизме – корпоративные олигархии.

Среди корпоративных олигархий, которым противостоят левые популисты, есть олигархии «платформенного капитализма» (Srnicek, 2017), хозяева программных и аппаратных инфраструктур, на которые пользователи полагаются, чтобы работать, покупать, продавать и социализироваться, и которые охватывают все более обширные пространства повседневной жизни. В результате этой деятельности владельцы «платформ» получают доход за счет продажи товаров, рекламы и извлечения данных. Такая бизнес-модель, примером которой могут служить Google, Facebook, Apple, Amazon и Uber, распространилась из поисковых систем и социальных сетей по всей экономике, способствуя взлету одних из самых высоко оцениваемых корпоративных гигантов мирового капитализма. Идея платформенного капитализма была широко принята исследователями медиа и коммуникаций. Однако ее критиковали за

неадекватные предложения, касающиеся методов разрешения социальных конфликтов, возникающих в связи со становлением новых цифровых олигополий (van Dorn 2017). В этом эссе предпринимается попытка исправить это упущение: я рассмотрю, как левые популисты реагируют на платформенный капитализм, как они предлагают его реформировать или заменить, а также разберу проблемы и возможности таких программ.

2. С улиц в правительство с помощью социальных медиа

Левый популизм и платформенный капитализм тесно связаны. Оба этих явления возникли в один и тот же период – примерно с 2004 по 2016 год. Основным связующим звеном является крах Уолл-стрит в 2007-2008 годах и последовавшая за этим десятилетняя рецессия на глобальном Севере. Экономический кризис подтолкнул капитал к поиску нового сектора роста, который он нашел в уже зарождающихся «платформах» (Srnicek 2017; Mosco 2017). Левый популизм возник как реакция на жесткую экономию, рецессию, долги, безработицу, нестабильность и неравенство – социальные проблемы, которые были усугублены этими платформами. Но левые популистские партии родились из общественных движений, использовавших капиталистические платформы для протеста против всех этих проявлений несправедливости. Многие из таких партий возникли как результат движений «Оккупай»: «Подемос» – из оккупации движением «Индигнадос» площади Пуэрто-дель-Соль в Мадриде (Delclós 2015), кампания Сандерса по выдвижению кандидатуры в президенты от Демократической партии – из «Оккупай Уолл-стрит» в 2016 году (Gabbatt 2015; Stewart 2019), группа «Моментум» (Momentum), сыгравшая

важную роль в восхождении Корбина, возникла из оккупации студентами британских университетов 2010-2011 годах (Earle 2018); «Солидарный Квебек» вырос из франко-канадского студенческого движения «Кленовая весна» (Maple Spring). Как известно, эти движения были организованы через социальные сети. «Facebook-революция», несомненно, гиперболическая фраза, но в ней есть доля правды.

Когда волна оккупаций пошла на убыль, некоторые активисты отправились «с улиц в правительство» (Gray, 2018), и от лозунга «изменить мир, не беря власть» (Holloway, 2002) перешли к взятию парламентской власти. При этом они использовали свое знакомство с цифровыми медиа в электоральной политике. Эту динамику анализирует Паоло Гербуадо (Gerbuado 2019) в книге «Цифровая вечеринка» (The Digital Party), в которой рассматриваются как сильные, так и слабые стороны такой организации. Гербуадо признает скорость, размах и точность цифровых кампаний, а также их очевидную привлекательность для молодежи, хорошо знакомой с сетевым окружением. Но он также отмечает неожиданные последствия, такие как тенденция к поляризации партийных структур между тем, что он называет «гиперлидерами» (hyper-leaders), чей харизматический образ построен на тщательно культивируемом онлайн-присутствии, и «супербазами» (super-bases) последователей, склонных к быстрому одобрению их инициатив в сети.

В этой статье не рассматриваются эти тактические кампании и организационное использование цифровых медиа левыми популистскими партиями. Скорее, она фокусируется на стратегическом вопросе программ, предложенных левыми популистами для реформирования или замены платформенного капитализма. Хотя левые популизмы организуются через цифровые платформы, их рост совпадает с большими скандалами

вокруг таких платформ: разоблачением массового надзора Эдвардом Сноуденом, шумихой в связи с использованием данных пользователей Facebook компанией Cambridge Analytica для политической рекламы, Рашагейтом, множащимися случаями проявлений языка вражды, сетевой токсичности и нарушений конфиденциальности. Кроме того, для молодежи из числа миллениалов практика найма в Uber, Mechanical Turk, Task Rabbit, Deliveroo и CloudFlower олицетворяет наихудшее в нестабильной гиг-экономике. Все это стало причиной нарастающего *techlash*[1] (Foroohar 2018), впервые проявившегося в 2017 году. В этом контексте то, что Евгений Морозов (2016) называет «популизмом данных» – критика олигополистической власти цифровых гигантов, – стало важной частью левого популизма.

Эти предложения по реформированию или даже демонтажу платформенного капитализма имеют множество сторон. Некоторые проблемы специфичны для конкретных стран. Например, в Соединенных Штатах Сандерс и его сторонники активно участвовали в протестах против отмены администрацией Трампа в 2017 году «сетевого нейтралитета» – принципа, согласно которому скорость передачи данных интернет-провайдерами должна быть одинакова, а не замедляется или ускоряется ради прибыли (Coldewey 2018). Борьба за сетевой нейтралитет была в США одной из главных причин и поводом для других дискуссий по поводу цифровой политики. Но хотя левых популистов в Европе и Канаде беспокоит прецедент США (Orsini, 2017), в этих регионах еще не было предпринято аналогичных атак на сетевой нейтралитет, поэтому проблема не имеет такого значения.

1. Образовано от слова «технология» (technology) и словосочетания «негативная реакция» (backlash). Феномен *techlash* означает растущее неприятие по отношению к крупным технологическим компаниям. – *Прим. пер.*

Тем не менее, несмотря на такие различия, у левых популистов есть общие идеи по поводу платформенного капитализма. Эти общие черты можно обнаружить в партийных программах, политических заявлениях, речах и книгах партийных лидеров, членов партий, консультантов и сочувствующих. Опираясь на такие источники, я выделяю пять тем:

а) призывы к регулированию свободы слова и конфиденциальности в сети (Раздел 3);

б) антимонопольное законодательство для устранения концентрации собственности (Раздел 4);

в) регулирование условий труда в гиг-экономике (Раздел 5);

г) формы альтернативного владения цифровыми ресурсами, включая национализацию, муниципальный диджитализм, институции открытого исходного кода и платформенные кооперативы (Раздел 6);

д) планы перехода к «посткапитализму», вдохновленные развитием цифровых технологий (Mason 2015; Раздел 7).

3. Свобода слова в Интернете и цифровой надзор

Вопросы регулирования свободы слова в Интернете и защиты приватности – наименее заметная часть в предложениях левого популизма, но только потому, что эти темы получили столь стремительное распространение. С 2016 года наблюдается всплеск беспокойства по всему политическому спектру по поводу языка вражды, а также рост возмущения по поводу нарушений приватности в коммерческих интересах. В Европе подобные опасения сейчас широко поддерживаются политическим центром. В США сам Марк Цукерберг призвал к введению государственных правил в отношении контента в социа-

льных сетях в качестве платы за сохранение его частной империи (BBC 2019). Здесь левый популизм внес свой вклад в «актуализацию» политических идей, немыслимых всего несколько лет назад, но теперь ставших общепринятыми.

Левопопулистские взгляды на регулирование свободы высказываний, однако, имеют особенности, отличающие их от центристских и консервативных позиций в основном по вопросам национальной безопасности. В целом поддерживая регулирование языка вражды и другого токсичного интернет-контента, левые популистские партии критикуют использование корпоративных полуавтоматических систем мониторинга, а также говорят о высоких рисках занесения в «черный список» всех форм инакомыслия. Таким образом, в 2009 году партия «Левые» критиковала законодательство Германии, позволяющее блокировать доступ к контенту, такому как детская порнография, на том основании, что «в значительной степени неконтролируемая технологическая инфраструктура, используемая для цензуры, в принципе несовместима с основными правами» (Feilner 2009). В Испании лидер «Подемос» Пабло Иглесиас осудил судебное преследование художественных произведений, включая онлайн-контент и ретвиты шуток, за якобы «прославление терроризма» в рамках пресловутого «закона о кляпах» (gag law), принятого консервативным правительством (López-Terra 2017; Jones 2018).

Левые популисты также обращают внимание на сотрудничество платформенного капитала с ничем не ограничиваемыми проектами надзора государственных спецслужб и полиции. В США Сандерс выступил против Патриотического акта (Patriot Act), незаконного прослушивания телефонных разговоров и чрезмерно широкого правительственного надзора как вопиющего злоупотребления властью, а недавно осудил испо-

льзование полицией технологий распознавания лиц (Lutz 2019). Когда Джереми Корбин (Corbyn 2016) представил «Народную хартию цифровых свобод», он обязался защищать британских граждан от «неоправданного надзора за их действиями в Интернете со стороны служб безопасности». Такие опасения особенно актуальны для левых популистских партий, потому что некоторые из них, такие как «Подемос» и Лейбористская партия, сами стали объектом государственного надзора (Nikandrov 2015; Evans 2017). Однако эти партии также иногда подвергались критике со стороны активистов, выступающих против массового надзора, за соблюдение требований государственных органов в отношении цифрового мониторинга террористических или сепаратистских угроз (Ball 2016; López 2019).

4. Концентрация собственности

Подрыв цифровых монополий – разделение Google, Facebook и других платформ-гигантов – логичная тема для левых партий. Такие лидеры, как Сандерс и Корбин, регулярно критиковали монополистический капитал, в том числе в секторах медиа и коммуникаций. Впрочем, это еще один признак недавнего *techlash*, а это значит, что левопопулистские партии сегодня далеко не одиноки в этом вопросе. Антимонопольная деятельность вернулась в политический репертуар даже центристских институций. С 2016 года Европейский союз оштрафовал платформенных капиталистических гигантов за антиконкурентные действия, такие как навязывание поисковика Google в мобильных телефонах, злоупотребления при ранжировании поисковой выдачи и в онлайн-рекламе, концентрация Facebook данных, полученных от множества его дочерних

компаний, и уклонение от уплаты налогов компанией Apple (Stevis-Gridneff 2019), – пусть даже эти многомиллиардные штрафы незначительны по сравнению с богатством этих компаний, а сами штрафные платежи откладываются на неопределенный срок из-за судебных разбирательств.

Однако проблема приобретает более сложный характер в США, где законодательство, гипотетически, позволяет разделить Alphabet/Google или Facebook, прекратив их существование в форме корпоративных холдингов. Аргумент в пользу таких действий имеет исторический прецедент. Если «данные – это новая нефть», почему бы не применить ту же логику, которая сделала империю Рокфеллера целью антимонопольного регулирования в начале двадцатого века? Несмотря на длительный антимонопольный послужной список Сандерса, именно Элизабет Уоррен (Warren 2019) сделала цифровой антимонопольный контроль центральным элементом своей политики и одним из своих главных требований с тем, чтобы ее считали «левой популистской». Ее предложение структурно отделить корпоративную деятельность цифровой платформы от продажи ее собственных продуктов (для компаний с годовым глобальным доходом более 25 млрд долларов) является обновленным примером классического регулирующего принципа разделения на «доставку» и «контент» (Dayen 2019). Под ее прицелом явно оказались Amazon Marketplace, Google Ad Exchange и Google Search. Предложение Уоррен подкреплено обещаниями расследовать и отменить антиконкурентные слияния и поглощения в цифровой сфере, и обозначает Amazon, Google и Facebook в качестве вероятных целей (Warren 2019, Dayen 2019). Сандерс поддержал идею разделения Facebook.

Критика монопольного положения технологических гигантов стала новым горизонтом для прогрессивного активиз-

ма в США. Однако не следует переоценивать его радикализм. Как дает понять сама Уоррен, антимонопольное регулирование не является антикапиталистическим по своей сути, скорее, оно защищает так называемый свободный рынок от саморазрушительных тенденций. Разделение регулируемой телекоммуникационной монополии AT&T можно рассматривать как основополагающий акт неолиберализма (Lüthje 1993). В самом деле, что касается антимонопольного права, левый популизм пересекается с правым популизмом. Трамп совершал атаки на этом поле, изображая из себя народного трибуна в своей очень личной вражде с компанией Amazon Джеффа Безоса. Его администрация в настоящее время применяет более систематический подход к этому вопросу: недавно Министерство юстиции объявило о расследовании антиконкурентных действий платформ (The Economist 2019a). Как ни странно, «традиционные» медиа-магнаты, такие как Руперт Мердок, поддерживают разделение своих цифровых конкурентов (Scola and McGill 2019). Несмотря на приверженность левого популизма «антимонопольному праву», вряд ли стоит надеяться, что результатом его применения станет демократизация. Все зависит от того, какие альтернативы заполнят пространство, созданное за счет уменьшения олигополии платформенного капитализма. Вскоре я перейду к этому вопросу, но сначала мы должны рассмотреть связанную с этим тему условий цифрового труда.

5. Права работников в гиг-экономике

Левые популистские партии практически единодушны в своей критике низких зарплат, прекарных условий и отсутствия социальных льгот, с которыми сталкиваются работники капиталистических платформ. Центры исполнения заказов Amazon – яркий пример этой проблемы. Они полагаются на временных работников и «нулевые» трудовые договоры[2], безжалостный цифровой мониторинг, психологическое и физическое перенапряжение сотрудников, вынуждая их работать в небезопасных и вредных условиях. Левые популисты также критикуют так называемые «бережливые платформы» (Srnicek, 2017), такие как Uber, Lyft и Deliveroo, которые полагаются на управление с помощью алгоритмов для координации сотрудников, использующих личное оборудование (автомобили или велосипеды), и рассматривают их в качестве «самозанятых» агентов, чтобы избежать ответственности за обучение, обеспечение безопасности, медицинскую страховку, отпуск и другие льготы.

В этом отношении образцовой является партия «Восставшая Франция» (ВФ), появление которой было напрямую связано с протестами против либерализации трудового законодательства во Франции при Саркози и Макроне. ВФ использует термин «уберизация» для обозначения «разрушения рабочих структур», которое происходит «из-за появления модели, организованной на основе цифровых платформ». Она считает уберизацию проявлением «социального регресса», для кото-

2. По условиям «нулевого» трудового договора (*zero-hour contract*), работодатель не гарантирует сотруднику ежедневную занятость и оплачивает только фактически отработанные часы. В то же время он полностью регулирует рабочий график и по своему усмотрению может привлекать работника к выполнению должностных обязанностей. Чаще всего на «нулевой контракт» люди соглашаются в критической ситуации – когда не могут найти полноценную работу с гарантированной занятостью. - *Прим. пер.*

рого характерны «варварское дерегулирование профессий и секторов» и «мошеннический и широко распространенный обход налоговых и социальных правил». Уберизация «приводит к исчезновению прав рабочих [...] из-за массового обращения к самозанятому предпринимательству», вызывая «беспрецедентное ухудшение условий труда» и «накопление прибыли», одновременно «сокращая заработную плату и социальные права» (LFI 2017). Лидер ВФ Жан-Люк Меланшон также утверждал, что «уберизация» имеет гендерное измерение и особенно вредна для женщин, потому что «мир Uber – это самозанятый работник без прав, который думает, что он умен, пока здоров и не имеет детей» (Durand and Goldberger 2018).

Таким образом, ВФ явно позиционирует себя на стороне недавних трудовых протестов во Франции – таксистов, протестующих против Uber, коллективов велосипедных курьеров, возникших после внезапного закрытия Take Eat Easy, – а также рабочих движений в США и Великобритании, борющихся за «возвращение своей псевдонезависимости и против сверхэксплуатации». Партия предлагает предоставить прекарным и так называемым самозанятым работникам полный доступ к «всеобщей системе социального обеспечения»: «Каждый работник, выполняющий свою работу в ситуации экономической зависимости [...], должен считаться наемным работником и, таким образом, пользоваться закрепленными за ним правами». ВФ также предлагает, чтобы платформенные капиталисты подвергались «процедуре лицензирования, которая позволит проверять их на соответствие действующим социальным, налоговым и нормативным обязательствам» (LFI 2017).

Подобные заявления и политику можно найти почти у всех левых популистских партий. В своей программе 2011 года партия «Левые» выступала против «замены постоянных рабо-

тников аутсорсинговыми агентствами или фиктивной самозанятостью», а в более поздней «цифровой повестке» партия выступила за перераспределение преимуществ диджитализации, включая право на 30-часовую рабочую неделю, базовый доход и как минимум два творческих отпуска в течение жизни работницы или работника (Offerman 2017). Лидер Лейбористской партии Великобритании Джереми Корбин обвинял «недобросовестных боссов» в использовании технологий для ущемления прав работников. Он заявлял, что экономия на рабочих местах, изображаемая как «современная и динамичная», фактически лишает «как сотрудников, так и клиентов элементарной защиты» и вредит психическому здоровью рабочих. Корбин призвал молодых людей вступать в профсоюзы для защиты своих прав. По его словам, лейбористское правительство упростило бы забастовку профсоюзов и предоставило бы полные права наемных работников всем работникам, занятым в экономике, например на оплату болезни, отпуск по уходу за ребенком и защиту от несправедливого увольнения (BBC 2017). В США Берни Сандерс в 2018 году разработал закон «Остановить плохих работодателей путем обнуления субсидий» (Stop BEZOS) – предложение о введении налога на крупные корпорации, равного федеральным субсидиям, которые их низкооплачиваемые сотрудники вынуждены были требовать, чтобы свести концы с концами (Heater 2018). Его план «Демократия на рабочем месте» обещал отменить статус «независимого подрядчика» для работников таких компаний, как Uber и Lyft. И Сандерс, и Уоррен поддержали борьбу за исторический закон штата Калифорния Bill AB 53, что стало важным шагом в этом направлении (Corbett 2019).

6. Альтернативные формы собственности

У левых популистских партий много идей о диверсификации контроля над цифровыми платформами, что является частью их более общего видения того, что сегодня может значить общественная собственность на средства производства (Beckett 2019). Важным подтверждением этого подхода является исследование «Альтернативное владение», проведенное в 2017 году по заказу Лейбористской партии Великобритании. Оно предполагает возрождение и пересмотр традиционных моделей национализации промышленности, предусматривая более высокую степень прозрачности и подотчетности в государственном секторе, стимулирование экономической активности муниципалитетов и локальных социальных учреждений, поощрение рабочих кооперативов и других проектов, предполагающих собственность работников. Это общий план, а не план, направленный исключительно на цифровые платформы. Но все эти альтернативные подходы к владению – и некоторые другие – применимы к платформенному капитализму и были подхвачены, с разной интонацией и степенью радикализма, другими левыми популистскими партиями.

(i) Платформы государственного сектора:

В тексте исследования «Альтернативное владение» мало говорится о цифровой сфере, хотя почта Великобритании, железные дороги и энергетический сектор упоминаются как приватизированные сектора, подлежащие ренационализации в соответствии с новой моделью. Выступления руководства лейбористов, политические заявления и аналитические материалы дополняют картину. Согласно планам партии, должна быть создана «Британская цифровая корпорация», сестра

BBC, которая будет предоставлять некоммерческие услуги, конкурируя с услугами цифровых корпораций, включая альтернативу Facebook (Jones 2018; Lunden 2018; Watson 2019). В Манифесте цифровой демократии Лейбористской партии от 2016 года предлагается гарантировать «предоставление высокоскоростного широкополосного доступа в Интернет и мобильной связи для каждого домашнего хозяйства, компании и организации в Великобритании от городов до самых отдаленных сельских общин». Также речь идет о бесплатном онлайн центре учебных ресурсов для Национальной службы образования, а также о портале «открытых знаний», где «бесплатно будут доступны результаты всех финансируемых государством исследований», и на базе которого можно будет проводить онлайн-голосования и даже публичные собрания во время выборов. В аналогичном ключе «Восставшая Франция» обязуется противостоять корпоративным платформам путем создания «общедоступных платформ всеобщего интереса», имеющих отношение как к «физическим услугам (общественному транспорту, местным сетям распределения продуктов и т.п.) и нематериальным услугам (доступу к законам, прозрачности данных и т.п.)», так и к обеспечению того, чтобы «блага, созданные экосистемами, возвращались обществу, а не захватывались в финансовой форме» (LFI 2017).

Однако самой драматической инициативой со стороны левой популистской партии в отношении государственного сектора на сегодняшний день является заявление Лейбористской партии в ее предвыборном манифесте 2019 года о том, что к 2030 году она предоставит всем жителям Великобритании услуги полнофункциональной широкополосной связи (Labor Party 2019, 51). Услуга «Британский широкополосный доступ» будет создана путем национализации подразделения

цифровой сети частной компании British Telecom с выплатой акционерам компенсации в размере около 15 млрд долларов (Fildes and Pickard, 2019). Затраты на эксплуатацию новой сети будут оплачиваться за счет «налогообложения транснациональных корпораций, в том числе технологических гигантов» (Labour Party 2019, 51). Обещание вызвало контратаку со стороны Консервативной партии, желтой прессы и представителей British Telecom, заявивших, что лейбористы занизили стоимость проекта. На момент написания этого обзора предвыборная кампания в Великобритании еще продолжалась.

(ii) Цифровой муниципализм:

Испанское движение «Подемос» и его союзники на городском уровне активно продвигали прогрессивный цифровой муниципализм, который воплотился в избирательных платформах Barcelona en Comu и Más Madrid (Baird and Junque 2019; Romanos and Sádaba 2016). В Барселоне во время правления мэра Ады Колау главный технический директор города Франческа Бриа (2018 г.) и ее коллеги разработали «новый общественный договор для цифровой эпохи». Данные, собранные с помощью транспортной службы, будут оставаться в государственной собственности для использоваться в городском планировании. Рядовые муниципальные служащие могли использовать инструмент на базе TOR-шифрования для разоблачения коррупции. Были развернуты городские лаборатории 3D-печати, а специальная онлайн-платформа позволяла гражданам участвовать в формировании городской политики (Bria 2018; Barcelona Ciutat Digital 2019).

В Мадриде под руководством мэра Мануэлы Кармена и ее партии «Теперь Мадрид» (Ahora Madrid) проводились экспе-

рименты с аналогичными инициативами, включая использование платформы Decide с открытым исходным кодом для составления партисипаторного бюджета, предложений по городской политике и консультаций (DeJohn 2017). Эти столичные проекты поддержали сеть небольших муниципальных инициатив в Испании и за рубежом. Не все эти усилия принесли ожидаемый результат, и недавние муниципальные выборы не были успешными для левых партий в Барселоне и Мадриде. Последние оценки перспектив левого цифрового урбанизма звучат более трезво, чем более ранние утопические взгляды (Morozov and Bria 2018). Тем не менее, эти эксперименты послужили практическими лабораториями для цифровой политики левого популизма и имеют решающее значение для развития альтернатив корпоративным планам «умного города», таких как печально известное присвоение набережной Торонто Google/Alphabet в проекте Quayside.

(iii) Институции открытого программного обеспечения:

Во многих манифестах левых популистов упоминается прогрессивный потенциал программного и аппаратного обеспечения с «открытым кодом». Например, вскоре после своего создания партия «Левые» заняла позицию сторонников открытого исходного кода (Feilner 2009), а незадолго до федеральных выборов в Германии в 2017 году опубликовала документ под названием «10 тезисов для цифровой повестки дня» (Kipping et al., 2017). Его авторы, трое из которых ранее работали на «Пиратскую партию», переформулировали идеи Движения за свободное и открытое программное обеспечение (FOSS) о «цифровой кооперации, сотрудничестве, совместном исполь-

зовании и повторном использовании» для рамок социалистического электорального проекта (Offerman 2017). По их словам, реализация идеалов FOSS зависит от институциональной структуры, которая не только обеспечит необходимую правовую защиту, но и будет поощрять широкое внедрение программного обеспечения с открытым исходным кодом и открытых стандартов. Без такого институционального контекста большие данные, машинное обучение и другие вычислительные инновации могут привести к возникновению цифрового феодализма. Однако левое правительство могло бы законодательно установить правила, при которых культурная продукция и научные знания станут бесплатными и доступными для всех в виде открытых данных. В отличие от немецкой политики интенсивной автоматизации «Индустрия 4.0», они постулируют создание «Социального государства 4.0». Все общедоступные сети должны будут использовать инфраструктуру с открытым исходным кодом, доступ в Интернет должен стать бесплатным, все программное обеспечение, используемое в политических процессах, должно базироваться на открытом исходном коде. «Мы хотим, – говорится в манифесте, – заменить неолиберальную версию платформенного капитализма новой системой, основанной на других движущих силах» (Kipping et al. 2017).

(iv) Платформенные кооперативы и инклюзивная собственность:

Важным направлением в планах левых популистов является цифровое расширение традиций кооперативизма. Платформенные кооперативы – это предприятия, основанные на вычислительных платформах, но принадлежащие и управляе-

мые работниками и пользователями. В настоящее время существует множество таких проектов, хотя, как правило, в небольшом масштабе (Scholz and Schneider 2017). Эта концепция широко поддерживается левопопулистскими партиями как альтернатива эксплуататорскому пути гиг-экономики. Она была принята «Восставшей Францией», поддержана прогрессивным муниципализмом союзников «Подемос» и отмечена Корбином (2017): «Представьте, что Uber совместно управляется водителями, коллективно контролирующими свое будущее, согласовывающими свои собственные зарплаты и условия, разделяющими прибыли или реинвестирующими».

Кооперативная партия, филиал Лейбористской партии, предлагает создание крупномасштабных цифровых систем для помощи работникам и потребительским кооперативам, включая платформенные кооперативы (Lawrence et al., 2017). Платформенный кооперативизм подвергался критике за недооценку трудностей, с которыми сталкиваются малые предприятия перед лицом преимуществ мощных сетевых эффектов, которыми пользуются ведущие платформенные капиталисты (Srnicek 2017). Его также критиковали в связи с тем, что принадлежащие работникам и пользователям альтернативы якобы обречены оставаться «карликовыми формами» – так Маркс видел судьбу всех кооперативов внутри капитализма.

Однако планы левых популистов включают государственную поддержку кооперативов, в том числе кооперативов платформенного типа, например путем финансирования через специальные инвестиционные банки. Будет ли этого достаточно, чтобы дать платформенным кооперативам возможность бороться с уберами и гуглами, по меньшей мере, неясно. Важно также отметить, что программы левых включают в себя методы развития рабочей собственности, которые не зави-

сят от кооперативной формы, хотя и направлены на достижение аналогичных целей. К ним относится идея «Инклюзивных фондов собственности» (Inclusive Ownership Funds, IOF), с помощью которых небольшой процент акций компаний будет регулярно передаваться работникам до установленного лимита (скажем, 10%), а также идея, корни которой уходят в послевоенный шведский «План Мейднера» (Gowan и Viktorsson 2017). Во многих фирмах эти фонды вскоре сделают работников крупнейшим единственным акционером, способным избирать собственных менеджеров и непосредственно влиять на принятие решений в компаниях. Эта идея в наибольшей степени развивалась Лейбористской партией Великобритании, но также была недавно принята Сандерсом (Blackburn 2018; Gowan 2018; Bruenig 2019b). Такие планы – вариация более ранней традиции «фондового социализма» (Bruenig 2019a) – не ориентированы исключительно на платформенные компании и не имеют DIY-отсылок платформенных кооперативов, но предлагают постепенный путь к коллективизации владения гигантами платформенного капитализма.

7. Посткапитализм

Хотя антимонопольное законодательство, защита рабочих в гиг-экономике и планы альтернативного владения могли бы стать важными реформами, это не самые смелые левопопулистские идеи о том, как быть с платформенным капитализмом. Стоит обратить внимание на группу левых интеллектуалов, находящихся в орбите лейбористской партии Корбина: Ника Срничека, который является не только создателем термина «платформенный капитализм», но и соавтором книги «Изобретая будущее» (Srnicek and Williams 2015), журналиста

Пола Мейсона, сторонника посткапитализма (Mason 2015), и Аарона Бастани (2019), выступающего с концептом полностью автоматизированного люкс-коммунизма. Этих мыслителей объединяет идея левой популистской политики, основанной на программе, предполагающей быстрое развитие высокотехнологичной экономики, которая, по их мнению, открывает путь к обществу разнопланового изобилия за пределами капитализма.

Основным процессом, способствующим этому переходу, могло бы стать сокращение потребности в наемном труде за счет искусственного интеллекта (ИИ), робототехники и других передовых форм автоматизации. Наемный труд будет постепенно заменяться либо универсальным базовым доходом (UBI) (Srnicek and Williams 2015; Mason 2015), либо полным набором универсальных базовых услуг, таких как здравоохранение, транспорт, жилье, образование (Bastani 2019). К этому Мейсон и Бастани добавляют идею о том, что цифровая экономика неизбежно будет генерировать все больше и больше бесплатных товаров, поскольку воспроизведение методом «укажи и кликни» снижает предельные издержки до нуля. Поскольку в число свободно доступных товаров будут входить инструменты для коммунального планирования, утверждается, что появится возможность для возникновения общества, свободного от наемного труда и все более способного к демократизирующим решениям и, следовательно, по существу «выходящего за рамки капитализма».

Это «левое акселерационистское» (Williams and Srnicek 2013) видение посткапитализма, достигаемого за счет ускорения высоких технологий, имеет классические марксистские корни в идее о том, что капитализм будет разрушен напряжением между производительными силами и производственны-

ми отношениями, а также в знаменитом «Фрагменте о машинах» в Grundrisse Маркса, в котором, как видится, предсказано исчезновение формы наемного труда в результате автоматизации. Этот подход в некотором смысле является преемником ленинского энтузиазма по поводу конвейера и электрификации – с одним важным отличием: он избавляет от грязного дела революции, заменяя ее эволюционным и основанным на технологиях движением к посткапитализму.

Принцип «искусственный интеллект плюс универсальный базовый доход (или универсальные базовые услуги)» стал мантрой для некоторых слоев левого популизма. Этот подход находится в сложных отношениях с другим важным для левого популизма видением – с «Новым зеленым курсом» (Green New Deal, GND), ставшим ответом на климатическую чрезвычайную ситуацию. Эту идею наиболее энергично отстаивает Александра Окасио-Кортес в США, но она также находит отклик в Лейбористской партии Великобритании, «Восставшей Франции» и других левопопулистских формациях. Полностью автоматизированный люкс-коммунизм (Fully Automated Luxury Communism, FALC) и GND можно рассматривать как совместимые проекты при условии, что последний интерпретируется исключительно как проект экологической модернизации, полностью зависящий от развития крупномасштабных систем солнечной, ветровой и других возобновляемых источников энергии. Однако существует очевидное противоречие между «автоматизацией сейчас», «версией FALC в ситуации пост-работы» и акцентом «Нового зеленого курса» на «зеленые рабочие места». Потенциальные противоречия между ними резко возрастают, если «Новый зеленый курс» понимается как включающий компоненты по замедлению роста, которые ограничивают совокупное производство и потребление, подры-

вая обещание изобилия, неотъемлемого для FALC.

Таким образом, нельзя считать само собой разумеющимся, что эффективный GND полностью совместим и с «автоматизацией», и с «роскошью» FALC. Что касается цифровых сетей, многие предложения экомодернистов по высокотехнологичным решениям для глобального использования явно полагаются на мониторинг потребления и использования энергии с помощью больших данных (Bratton 2019), и можно ожидать, что они предполагают государственный надзор и стимулирование в социальных сетях, направленное на формирование такого поведения. Опять же, неясно, насколько такой элемент GND будет совместим с принципами всеобщего достояния, защитой приватности и свободой от надзора, предусмотренными «новым соглашением о данных» (Bria 2018), которое также продвигается левопопулистскими партиями.

8. Заключение: проблемы и возможности

Левый популизм представляет собой амальгаму политик по изменению платформенного капитализма. Некоторые из них выглядят как слегка обновленные, но ограниченные социал-демократические шаги (Watkins, 2016), другие – более амбициозны. Это сочетание, как мы считаем, проблематично. Но, тем не менее, это знаменует собой серьезную атаку на неолиберальный «здравый смысл», открывающую окно возможностей для идей общественного владения технологиями и управления сетями, чего не было с 1970-х годов. Этот сдвиг отмечают противники левых сил. The Economist (2019b) с тревожной снисходительностью сообщает о подъеме «социализма миллениалов». В США нападки республиканцев на таких деятелей, как Александрия Окасио-Кортес, демонстрируют как уверен-

ность в том, что «социализм» не может победить – поэтому об этом следует почаще говорить, – так и опасения, что это все же может произойти, – поэтому его следует подавлять.

Однако левый популизм вызывает споры и у левых. Муфф считает его «постмарксистским» (Laclau and Mouffe 1985). Поворот к парламентской стратегии и отказ от специфической классовой политики, характерные для левых популистских партий, побудили некоторых марксистов объявить его «псевдосоциалистическим» (López 2019). Многие считают популизм почти что правым по своей сути (Dean 2017; Revelli 2019). Другие, хотя и критикуют постмарксизм, тем не менее считают, что левый популизм, основанный на концепции «народа», как, например, в случаях «народного фронта» или лозунга «Единый народ никогда не будет побежден!», обладает социалистическим потенциалом (Rancière 2013; Сотирис 2019). В этих дискуссиях напрямую или косвенно участвуют автономисты, коммунитаристы, анархисты и горизонталисты всех мастей, часто выступающие против любой партийной формы или парламентской стратегии. Помня об этих запутанных дискуссиях, я завершу статью кратким обзором трех критических замечаний, которые часто звучат в адрес левых популистских стратегий в отношении платформенного капитализма.

Во-первых, если исходить из прагматичной точки зрения, то левые популистские идеи все еще далеки от коридоров государственной власти. Пока что ни одна левая популистская партия не добилась национальной победы на выборах, за исключением «СИРИЗА», которая в 2014 году отметила свой успех отказом от своего мандата против жесткой экономии, и итальянской партии «Пять звезд», которая сразу же вступила в катастрофическую коалицию с крайне правыми. С тех пор факел перешел сначала к «Подемос», которая сейчас находит-

ся в упадке, затем к британской Лейбористской партии, в настоящее время погрязшей в проблемах Брексита, и к США, где на момент написания статьи Сандерс и Уоррен хотя и претендовали на выдвижение от Демократической партии на президентских выборах 2020 года, но эта возможность считается маловероятной. Партии, сформированные в период острого кризиса после краха Уолл-стрит, столкнулись с более трудной ситуацией в ходе последующего медленного и неоднозначного восстановления экономики – и столкнутся с новыми сложностями в случае любой будущей рецессии.

В частности, пока неясно, как высокотехнологичный посткапитализм в перспективе повлияет на домохозяйства, которые сегодня обеспокоены низкой заработной платой, стремительно растущими расходами на уход за детьми и образование и снижением уровня социального обеспечения.

Во-вторых, если бы Корбин или Сандерс одержали победу на выборах, как отмечает Дэвид Бродер (Broder 2019), «их трудности только начались бы». Разворот левых к идее «с улиц в правительство» после движения «Оккупай» возродил дискуссии о проблемах перехода к социализму посредством электоральной политики, что для марксистов означает возвращение к дебатам Ленина, Бернштейна, Каутского и Люксембург начала 20-го века и к спору Пуланзаса с Милибэндом, состоявшемуся на полвека позднее. Как отмечает Бродер, существует «печальная история» правительств, которые принято было считать социалистическими и которые вместо того, чтобы реформировать или заменить капитализм, «реформировались» вместо этого сами, чтобы стать «простыми администраторами существующей системы». Это часто объясняется классовым прошлым политиков и государственных служащих, но в конечном итоге проблема носит структурный характер. При капи-

тализме государственные доходы зависят от национального капитала, и обеспечение постоянной прибыльности капитала является обязательным, поскольку без него «само государство рухнет» (Bolton and Pitts 2018, 143). Левопопулистскому правительству будет чрезвычайно трудно постепенно подрывать капитализм изнутри, не перевернув всю конструкцию с ног на голову в условиях острого кризиса, который потребует гораздо более революционных методов. Нетрудно представить, например, какой объем ресурсов Google или Facebook смогут использовать, чтобы противодействовать политике, направленной на их сдерживание. Это вопрос, о котором очень хорошо знают самые явные сторонники левых популистов (например, Бродер), но на который у них не обязательно есть хороший ответ (см. также Sunkara 2019; Blanc 2019).

Третий критический аргумент заключается в том, что, несмотря на свой очевидный радикализм, левый популизм уже до выборов концептуально пошел на глубокие упреждающие компромиссы с капитализмом. Левые популистские партии обычно предполагают и отстаивают путь новых технологий и высокой производительности. И даже несмотря на то, что эту политику называют «посткапиталистической», иногда, практически на одном дыхании, она пропагандируются и как ведущая «за пределы рынка», и как способ, с помощью которого капитализм может «вырваться» из нынешнего экономического застоя (Mason 2015, loc. 144). Левые «акселерационистские» идеи об обществе постработы, основанном на поддерживаемыми государством «четвертой промышленной революции» и универсальном базовом доходе для пацификации избыточного населения, вполне могут послужить средством, а не альтернативой крупномасштабному развитию капиталистического искусственного интеллекта (Dyer Witheford,

Steinhoff and Kjosen 2019). Экосоциалисты также могут сказать, что идея о том, что человеческая эмансипация тождественна прогрессу высокопроизводительного, высокотехнологичного сетевого общества, – это именно то, что ставится под сомнение глобальным потеплением и другими экологическими кризисами, а также критикой со стороны Юга по поводу экстрактивизма и низкооплачиваемой микроработы. Возникает вопрос: насколько политические платформы «социализма с iPad» (если использовать выражение теневого канцлера Корбина Джона Макдоннелла) адекватны масштабам сегодняшнего планетарного кризиса (Davey 2016).

Поднимая эти вопросы, я ни в коем случае не предлагаю полного отказа от левого популизма. Напротив, я считаю, что это важный, содержательный проект. Однако я хочу предложить понимать это явление как момент в длинной дуге политики после краха. Левые популистские партии родились в результате борьбы и стали ответом на поражение движений «Оккупай». Их развитие будет зависеть от последующей борьбы как внутри широких левых сил, так и против их оппонентов. Любой успех левых популистов на выборах, вероятно, вызовет паническую реакцию, насильственную как в явной, так и в скрытой форме, со стороны наиболее консервативных слоев капитала и правых неофашистов. Это также катализирует конфликты внутри левых между теми, кто хочет одержать победу на выборах в рамках социал-демократической системы Первого мира, и теми, кто стремится к более равноправным и экологически жизнеспособным результатам. В этой последовательности за избирательным ботом и партийным блогом следует возвращение красного хака и восстания, скоординированного с помощью мобильных телефонов. Взгляд на левый популизм не как на конечную точку борьбы, а как на ретранс-

лятор или узел в продолжающемся цикле конфликтов, перетекающих с улицы в правительство и государство и, вероятно, обратно, возможно, является наиболее продуктивным и реалистичным способом понять эти партии и их отношение к платформенному капитализму.

Библиография

Доступ ко всем URL-адресам 29 Ноября, 2019.
Baird, Kate and Marta Junque, eds. 2019. Fearless Cities: A Guide to the Global Municipalist Movement. New York: New Internationalist.
Ball, James. 2016. Jeremy Corbyn Still Supports Theresa May's Surveillance Law. BuzzFeed News, 30 August. https://www.buzzfeed.com/jamesball/jeremy-corbyn-still-supports-snoopers-charter-despite-launch
Barcelona Ciutat Digital. 2019. Putting Technology at the Service of People. https://ajunta-ment.barcelona.cat/digital/sites/default/files/pla_barcelona_digital_city_in.pdf @BCNdigital
Bastani, Aaron. 2019. Fully Automated Luxury Communism. London: Verso.
Beckett, Andy. 2019. The New Left Economics: How a Network of Thinkers is Transforming Capitalism. The Guardian, 25 June 2019. https://www.theguard-ian.com/news/2019/jun/25/the-new-left-economics-how-a-network-of-thinkers-is-trans-forming-capitalism
BBC News. 2019. Mark Zuckerberg Asks Governments to Help Control Internet Content. BBC News, 30 March. https://www.bbc.com/news/world-us-canada-47762091
BBC News. 2017. Jeremy Corbyn Attacks Bosses over “Gig Economy”. BBC News, 12 Sep-tember. https://www.bbc.com/news/uk-politics-41233450
Blanc, Eric. 2019. Why Kautsky Was Right and Why You Should Care. Jacobin, 2 April. https://jacobinmag.com/2019/04/karl-kautsky-democratic-socialism-elections-rupture
Blackburn, Robin. 2018. The Corbyn Project: Public Capital and Labour’s New Deal. New Left Review 111: 5-32
Bolton, Mark and Harry Pitt. 2018. Corbynism: A Critical Analysis. Dublin: Emerald.
Bratton, Benjamin. 2019. The Terraforming. New York: Stelka.
Bria, Francesca. 2018 . A New Deal for Data. In Economics for the Many, edited by John McDonnell, Loc. 2694-2839. London: Verso [Kindle edition].
Broder, David. 2019. The State We Need. Jacobin, 25 February. https://jacobin-mag.com/2019/02/the-state-we-need
Bruenig, Matt. 2019a. Bernie Wants Power in Workers’ Hands, Jacobin, 29 June. https://jac-obinmag.com/2019/05/bernie-sanders-funds-socialism-shares-cooperatives
Bruenig, Matt. 2019b. Bernie Wants You to Own More of the Means of Production, Jacobin, 14 October. https://www.jacobinmag.com/2019/10/bernie-wants-you-to-own-more-of-the-means-of-production

Coldewey, Devin. 2019. Bernie Sanders Makes Reinstating Net Neutrality A Campaign Promise. TechCrunch, 30 July. https://techcrunch.com/2019/07/30/bernie-sanders-makes-reinstating-net-neutrality-a-campaign-promise/

Corbett, Jessica. 2019. Sanders Unveils Workplace Democracy Plan to Expand Labor Rights and Double Union Membership. Common Dreams, 21 August. https://www.com-mondreams.org/news/2019/08/21/sanders-unveils-workplace-democracy-plan-expand-labor-rights-and-double-union

Corbyn, Jeremy. 2017. Speech to Co-operative Party Conference. 14 October 2017.

Corbyn, Jeremy. 2016. The Digital Democracy Manifesto. The Bullet, 9 September. https://socialistproject.ca/2016/09/b1303

Davoli, Paolo, Letizia Rustichelli and Francesco Tacchini, eds. 2013. The Birth of Digital Pop-ulism: Crowd, Power and Postdemocracy in the Twenty First Century. London: Obsolete Capitalism.

Dayen, David. 2019. How to Think About Breaking up Big Tech. The Intercept, 1 April. https://theintercept.com/2019/04/01/elizabeth-warren-tech-regulation-2020/

Dean, Jodi. 2017. Not Him, Us and We Aren't Populists. Theory & Event 28 (1): 38-44.

DeJohn, Sam. 2017. Beyond Protest: Examining the Decide Madrid Platform for Public En-gagement. GovLab, 13 November. http://thegovlab.org/beyond-protest-examining-the-de-cide-madrid-platform-for-public-engagement/

Delclós, Carlos. 2015. Hope is a Promise: From the Indignados to the Rise of Podemos in Spain. New York: Zed Books.

Della Porta, Donatella, Joseba Fernández, Hara Kouki, and Lorenzo Mosca. 2017. Move-ment Parties Against Austerity. Cambridge: Polity Press.

Die Linke. 2011. Programme of the DIE LINKE Party. https://www.die-linke.de/filead-min/download/grundsatzdokumente/programm_englisch/englisch_die_linke_pro-gramm_erfurt.pdf

Durand, Catherine and Corine Goldberger. 2018. Jean-Luc Mélenchon: The Uberization of Work is the Number One Enemy of Women [in French]. Marie-Claire, May 2018, https://www.marieclaire.fr/jean-luc-melenchon-l-uberisation-du-travail-est-l-ennemi-nu-mero-un-des-femmes,849664.asp

Dyer-Witheford, Nick, Atle Kjosen, and James Steinhoff. 2019. Inhuman Power: Artificial In-telligence and the Future of Capitalism. London: Pluto.

Earle, James. 2018. The Corbyn Generation. Jacobin, 19 January. https://www.jacobin-mag.com/2018/01/student-revolt-austerity-uk-corbyn-momentum

Feelthebern.org. 2019. Bernie Sanders On Privacy & Digital Rights. https://

feelthebern.org/bernie-sanders-on-privacy-and-digital-rights/
Feilner, Markus. 2009. Open Source im Wahlkampf – Teil 2: Mark Seibert Die Linke. Linux, September 2009. https://www.linux-magazin.de/ausgaben/2009/09/open-source-im-wahlkampf-teil-2-mark-seibert-die-linke/
Fildes, Nic and Jim Pickard. 2019. Holding the Line: Labour's £20bn Plan for Free Broad-band. Financial Times, 15 November. https://www.ft.com/content/945d0a08-07a9-11ea-9afa-d9e2401fa7ca
Foroohar, Rana. 2018. Techlash. Financial Times, 16 December. https://www.ft.com/con-tent/76578fba-fca1-11e8-ac00-57a2a826423e
France Insoumise. 2017. Alternatives à l'ubérisation. Les livrets de la France Insoumise, http://pinguet.free.fr/jlmuberi.pdf
Gabbatt, Adam. 2015. Former Occupy Wall Street Protesters Rally Around Bernie Sanders Campaign. The Guardian, 17 September. https://www.theguardian.com/us-news/2015/sep/17/occupy-wall-street-protesters-bernie-sanders
Gerbaudo, Paul. 2018. The Digital Party. London: Pluto.
Gowan, Peter. 2019. A Plan to Win Socialism In America. Jacobin, 25 February. https://jaco-binmag.com/2019/02/a-plan-to-win-socialism-in-america
Gowan, Peter and Mio Tastas Viktorsson. 2017, Revisiting the Meidner Plan. Jacobin, 22 August. https://www.jacobinmag.com/2017/08/sweden-social-democracy-meidner-plan-capital
Gray, Paul Christopher, ed. 2018. From the Streets to the State: Changing the World by Tak-ing Power. New York: SUNY.
Greenfield, Adam. 2017. Radical Technologies: The Design of Everyday Life. New York: Verso.
Hamburger, Jacob. 2018. Whose Populism? The Mixed Messages of La France Insoumise. Dissent, Summer 2018, https://www.dissentmagazine.org/article/whose-populism-mixed-messages-france-insoumise-melenchon-left
Heater, Brian. 2018. Bernie Sanders Intros "Stop Bad Employers by Zeroing Out Subsidies BEZOS" Bill. TechCrunch, 16 September. https://techcrunch.com/2018/09/05/bernie-sanders-intros-stop-bad-employers-by-zeroing-out-subsidies-bezos-bill/
Holloway, John. 2002. Change the World Without Taking Power: The Meaning of Revolution Today. London: Pluto.
Jones, Sam. 2018. Spanish Artist Decries Censorship After Work Dropped From Art Fair. The Guardian, 22 February. https://www.theguardian.com/world/2018/feb/22/madrid-mayor-boycotts-arco-art-fair-opening-censorship-row-political-prisoners
Judis, John B. 2016. The Populist Explosion: How the Great Recession Transformed Ameri-can and European Politics. New York: Columbia Global Reports.

Kaltwasser, Cristóbal Rovira, Paul Taggart, Paulina Ochoa Espejo, and Pierre Ostiguy, eds. 2017. The Oxford Handbook of Populism. Oxford: Oxford University Press.
Kipping, Katja, Julia Schramm, Anke Domscheit-Berg, Petra Sitte, and Martin Delius. 2017. 10 Points for a Digital Agenda of the LEFT. https//digitallinke.de
Kowalsky. Wolfgang. 2016. Time to Turn the Page of Platform Capitalism? Social Europe, 28 November. https://www.socialeurope.eu/time-turn-page-platform-capitalism
La France Insoumise (LFI). 2017. Alternatives à l'Ubérisation. L'Avenir en commun, 25 January. https://avenirencommun.fr/livrets-thematiques/le-livret-uberisation/
Labour Party. 2017. Alternative Models of Ownership: Report to the Shadow Chancellor of the Exchequer and Shadow Secretary of State for Business, Energy and Industrial Strat-egy. Labour.org.uk. https://labour.org.uk/wp-content/uploads/2017/10/Alternative-Models-of-Ownership.pdf
Labour Party. 2019. It's Time For Real Change: The Labour Party Manifesto 2019. https://la-bour.org.uk/wp-content/uploads/2019/11/Real-Change-Labour-Manifesto-2019.pdf
Laclau, Ernesto and Chantal Mouffe. 1985. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso.
Lawrence, Mathew, Andrew Pendleton, and Sara Mahmoud. 2017. Co-operatives Un-leashed: Doubling the Size of the UK's Co-Operative Sector. London: New Economics Foundation.
Lima, Cristiano. 2019. Sanders Backs Calls to Break Up Facebook. Politico, 15 May. https://www.politico.com/story/2019/05/15/sanders-backs-calls-to-break-up-facebook-1327881
López, Alejandro. 2019. Podemos, Catalan Nationalists Cover Up Role of Intelligence in Barcelona Attack. World Socialist Web Site, 23 July. https://www.wsws.org/en/arti-cles/2019/07/22/pode-j22.html
López-Terra, Federico. 2017. Spain's Freedom of Speech Repression Is No Joke. The Inde-pendent, 19 April. https://www.independent.co.uk/news/science/spain-s-freedom-of-speech-repression-is-no-joke-a7688341.html
Lunden, Ingrid. 2018. UK Labour Leader Jeremy Corbyn proposes a publicly-funded alterna-tive to Facebook. Tech Crunch, 23 August. https://techcrunch.com/2018/08/23/uk-labour-leader-jeremy-corbyn-proposes-a-publicly-funded-alternative-to-facebook/
Lutz, Eric. 2019. Bernie Sanders is Creeped Out By Amazon's Spy Tech, Too. Vanity Fair, 20 August 2019, https://www.vanityfair.com/news/2019/08/bernie-sanders-ban-amazon-facial-recognition-technology
Lüthje, Boy. 1993. On the Political Economy of 'Post-Fordist' Telecommunications: The US Experience. Capital and Class 17 (3): 81-117.
Mason, Paul. 2015. Postcapitalism: A Guide to Our Future. New York: Allen Lane.

McDonnell, John, ed. 2018. Economics for the Many. London: Verso.
Mélenchon, Jean-Luc. 2017. L'ubérisation de la société. YouTube, 8 February. https://www.youtube.com/watch?v=TdP_E6X7EMo
Morozov, Evgeny. 2016. Data Populists Must Seize Our Information – For the Benefit Of Us All. The Guardian, 4 December. https://www.theguardian.com/commentis-free/2016/dec/04/data-populists-must-seize-information-for-benefit-of-all-evgeny-morozov.
Morozov, Evgeny and Francisca Bria. 2018. Rethinking the Smart City: Democratizing Urban Technology. New York: Rosa Luxemburg Stiftung.
Mouffe, Chantal. 2018. For a Left Populism. New York: Verso.
Nikandrov, Niki. 2015. Spain: Podemos Party in the Crosshairs of US Intelligence Agencies", 3 June. https://www.strategic-culture.org/news/2015/06/20/spain-podemos-party-cross-hairs-us-intelligence-agencies/
Offerman, Adrian. 2017. Open Source Pivotal in Digital Agenda of German Party The Left. Open Source Observatory, 8 August. https://joinup.ec.europa.eu
Orsini, Alexis. 2017. Le programme de Jean-Luc Mélenchon sur le numérique: 10 propositions clés à retenir Société, 6 February. https://www.numerama.com/politique/224878-nu-merique-et-tech-les-7-propositions-cle-de-jean-luc-melenchon.html
Rancière, Jacques. 2013. The People Are Not a Brutal and Ignorant Mass. Verso Blog, 30 January. https://www.versobooks.com/blogs/1226-the-people-are-not-a-brutal-and-igno-rant-mass-jacques-ranciere-on-pop-ulism
Revelli, Marco. 2019. The New Populism: Democracy Stares into the Abyss. New York: Verso.
Sanders, Bernie. 2016. Our Revolution: A Future to Believe In. New York: St Martin's Press.
Scholz, Trebor and Nathan Schneider, eds. 2017. Ours to Hack and to Own: The Rise of Platform Cooperativism, A New Vision for the Future of Work and a Fairer Internet. New York: OR Press.
Scola, Nancy and Margaret McGill. 2019. Inside the Media Industry's Struggle to Take on Sil-icon Valley. Politico, 30 August. https://www.politico.com/story/2019/08/30/media-social-media-europe-1657902
Srnicek, Nick 2017. Platform Capitalism. Cambridge: Polity Press.
Srnicek, Nick and Alex Williams. 2015. Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work. London: Verso.
Stevis-Gridneff, Matina. 2019. E.U.'s New Digital Czar: "Most Powerful Regulator of Big Tech on the Planet". New York Times, 10 September. https://www.ny-times.com/2019/09/10/world/europe/margrethe-vestager-european-union-tech-regula-tion.html
Stewart, Emily. 2019. We Are Still the 99%". Vox, 30 April. https://www.vox.com/the-high-light/2019/4/23/18284303/occupy-wall-street-

bernie-sanders-dsa-socialism
Sunkara, Bhaskar. 2019. The Exercise of Power. Jacobin, 25 February. https://jacobin-mag.com/2019/02/the-exercise-of-power
The Economist. 2019a. Silicon Valley and the State Gird for War. The Economist, 3 October. https://www.economist.com/business/2019/10/03/silicon-valley-and-the-state-gird-for-war
The Economist. 2019b. Millennial Socialism. The Economist, 14 February. https://www.econ-omist.com/leaders/2019/02/14/millennial-socialism
Van Dorn, Niels. 2017. The Parameters of Platform Capitalism. Krisis 2: 104-107.
Warren, Elizabeth. 2019. Here's How We Can Break Up Big Tech. Medium, 8 March. https://medium.com/@teamwarren/heres-how-we-can-break-up-big-tech-9ad9e0da324c Watkins, Susan. 2016. Oppositions. New Left Review 98: 5-30.
Watson, Tom. 2019. Tom Watson Speech on Fixing the Distorted Digital Market. La-bour.org.uk. https://labour.org.uk/press/tom-watson-speech-fixing-distorted-digital-market/
Williams, Alex and Nick Srnicek. 2013. #ACCELERATE MANIFESTO for an Accelerationist Politics. Critical Legal Thinking Blog, 14 May. http://criticallegalthink-ing.com/2013/05/14/accelerate-manifesto-for-an-accelerationist-politics

Цифровой капитализм и утопии Интернета
Тематический сборник
Под редакцией Виталия Атанасова

Перевод с английского: Виталий Атанасов
Корректура: Татьяна Барсова
Верстка: internetisbroken
Дизайн обложки: Ульяна Быченкова